

РЭЙ БРЭДБЕРИ

33 РАНЕЕ
НЕИЗВЕСТНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

МЕХАНИЧЕСКИЙ
ХЭППИ-ЛЭНД

**РЭЙ
БРЭДБЕРИ**

РЭЙ БРЭДБЕРИ

МЕХАНИЧЕСКИЙ ХЭППИ-ЛЭНД

МОСКВА
2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)я44
Б89

Ray Bradbury
MACHINE-TOOLED HAPPYLAND

Rocket © 1938 by Ray Bradbury; The Monster Maker © 1943 by Ray Bradbury; Luana the Living © 1940 by Ray Bradbury; It's Not the Heat, It's the Hu © 1940 by Ray Bradbury; Hollerbochen's Dilemma © 1938 by Ray Bradbury; The Pendulum © 1939 by Ray Bradbury; Tale of the Mangledomvritch © 1941 by Ray Bradbury; Piper © 1941 by Ray Bradbury; And Watch the Fountains © 1941 by Ray Bradbury; Where Everything Ends © 2009 by Ray Bradbury; Autopsy © 1943 by Ray Bradbury; Defense Mech © 1944 by Ray Bradbury; Fill Me With Wonder, O Architects © 1991 by Ray Bradbury; Who Owns What And Which And Why © 1990 by Ray Bradbury;

Machine-tooled happyland © 1990 by Ray Bradbury; Ahmed and the Oblivion Machines © 1998 by Ray Bradbury; The Nefertiti-Tui Express © by Ray Bradbury; Pilgrimage © 1999 by Ray Bradbury; Payment in Full © 1950 by Ray Bradbury; Rocket Summer © 1950 by Ray Bradbury; The Irritated People © 1947 by Ray Bradbury; Offering © 1997 by Ray Bradbury; Bullet with a Name © 1953 by Ray Bradbury; Love Contest © 1952 by Ray Bradbury; Memento Mori © 2003 by Ray Bradbury; The Disease © by Ray Bradbury; Dead of Summer © by Ray Bradbury; The Martian Ghosts © by Ray Bradbury; Jemima True © by Ray Bradbury; They All Had Grandfathers © by Ray Bradbury; The Wheel © by Ray Bradbury; The Marriage © by Ray Bradbury; Holiday © by Ray Bradbury

Перевод с английского, составление
и предисловие *А. Оганяна*

Разработка серии и оформление обложки:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Брэдбери, Рэй.

Б89 Механический хэппи-лэнд / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. А. Оганяна]. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с. — (Неизвестный Брэдбери).

ISBN 978-5-04-098540-1

Этот сборник – отличное доказательство того, что мы еще не открыли все наследие Великого Мастера. О чем бы Брэдбери ни писал: о Марсе, Диком Западе, роботах или полетах в космос, – он всегда пишет о самом близком и дорогом: о детстве, памяти, фантазиях, доброте.

Впервые изданные на русском рассказы и стихотворения не только проводят контур по всей творческой биографии писателя, но и дают нам заглянуть внутрь его воображения. Менялся мир, менялись страхи, мечты и предубеждения, и Рэй Брэдбери с чуткостью художника улавливал эти изменения. Менялся мир – вместе с Брэдбери, благодаря ему.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)я44

ISBN 978-5-04-098540-1

© Оганян А., перевод на русский язык,
составление, предисловие, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

А. Оганян

Поиски хорошо забытого старого

(Объяснительная записка переводчика)

Первые переводы из Рэя Брэдбери на русский язык появились в 1956 году («451 градус по Фаренгейту»). В 1965 году вышел перевод «Марсианских хроник», а в 1967-м — «Вино из одуванчиков». Когда в Голливуде на показе «Войны и мира» Сергей Бондарчук встретил Брэдбери, то вся советская делегация во главе с мэтром бросилась обнимать и целовать писателя, позабыв о присутствии дюжины голливудских небожителей, в том числе режиссеров Рубена Мамуляна и Фрэнка Капры. Потом Брэдбери еще долго приходил в себя после медвежьих объятий Бондарчука и неизвестного количества выпитой «Столичной». Этот эпизод показывает уровень популярности Брэдбери в 1960-х годах в СССР. Он впоследствии писал: «Быть не может, чтобы русские *так* сильно меня любили, но факт остается фактом».

С тех пор, казалось бы, Брэдбери перевели и перечитали вдоль и поперек. Однако у него припрятано еще немало сюрпризов в сборниках и, уже можно сказать, в «старинных» журналах 40–50-х годов XX века, которые печатались на газетной бумаге (*pulp magazine*), ставшей со временем хрупкой и желтой. Возможно, Брэдбери не хотел вызывать из прошлого духов своей ученической экспериментальной фантастики, и они остались спрессованными в жур-

нальных пластиах, как ископаемые создания в недрах земли.

Однако мало отыскать тексты, нужно еще перелопатить и просеять много «словесной руды», ибо не все рассказы Брэдбери равнозначны по своим художественным достоинствам, а нужно отбирать произведения, которые «вопиют», требуя быть переведенными.

В сей сборник вошли произведения, которые создавались на всем протяжении творческой жизни Брэдбери — от проб пера до текстов зрелой поры, в том числе его последняя прижизненная книга-брюшюра «Экспресс «Нефертити — Тутанхамон»» (2012), в основу которой лег литературный сценарий несостоявшегося фильма. Впрочем, у Брэдбери бывали и более удачные работы в кинематографе. Как сценарист он участвовал в создании фильма «Моби Дик» (1956, режиссер Джон Хьюстон). Так возник ирландский цикл рассказов Брэдбери и книга «Зеленые тени, Белый кит». Франсуа Трюффо снял фильм по роману Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (1966). Брэдбери говорил о нем, что это «добротный фильм с великолепной концовкой», от которой при каждом очередном просмотре у него на глаза наворачиваются слезы.

Внецикловые произведения на марсианскую тему, включенные и не включенные в канонический текст «Марсианских хроник» общим числом более пятидесяти, были впервые собраны под одной обложкой в номерной (500 экз.) и литерной (26 экз.) книге «Марсианские хроники. Полное издание»¹ (2009) с авто-

¹ The Martian Chronicles: The Complete Edition by Ray Bradbury (Subterranean Press/PS Pub).

графом Брэдбери. Излишне говорить, что она сразу стала библиографической редкостью. Семь ранее не публиковавшихся текстов из этого тома, включая черновые наброски, переведены и включены в настоящий сборник. Среди них выделяется рассказ «Деды были у всех», пронизанный духом Дикого Запада и фронтира, подвигающего людей завоевывать новые, внеземные пространства, вбивать первые колышки в грунт неосвоенных планет, как некогда в землю пре-рий. Возможно, это единственный рассказ Брэдбери, затрагивающий «ковбойскую» тему и субкультуру «вестерна». В одном интервью Брэдбери говорил о том, что необходимо стремиться к звездам: «Мы колонизуем Луну, создадим атмосферу для себя и для иных миров... и будем жить вечно».

Брэдбери написал несколько сборников статей и эссе, и из этого разнообразия я предлагаю читателю два текста, отражающих его взгляды на роботизацию нашей жизни («Механический хэппи-лэнд», 1965) и его познания в изобразительном искусстве («Кому, что и почему принадлежит», 1990). И, разумеется, в книгу вошли рассказы разных жанров — детективы и фантастика. Любопытен рассказ «Там, где все кончается» (1944), который послужил отправной точкой детективного романа «Смерть — дело одиночное» (1985). Брэдбери хорошо знал место действия — пригород Лос-Анджелеса, Венис-Бич, в котором прожил с 1942-го по 1950 год.

Другой детектив («Вскрытие», 1943) — это попытка написать психологическую криминальную драму, в которой сталкиваются два сильных характера, мужской и женский. Возможно, источником вдохновения Брэдбери послужили история Бонни и Клайда, а также детективы Дэшила Хэммета. Полностью опирается на психологизм сюжет рассказа «Защитный механизм»,

который еще и является образчиком редко встречающейся юмористической прозы Брэдбери. Любопытно, что в юности он писал больше юмористических рассказов, чем в зрелую пору, а вот мрачных произведений у него хватало всегда, даже с избытком.

В рассказах «Творец чудовищ» и «Раздражительный народец» слышны отголоски Второй мировой войны. Например, кое-какие отрицательные персонажи вызывают ассоциации с Гитлером (космический злодей Гюнтер) и с нацистской Германией. Пафос освободительной борьбы присутствует в рассказе «Флейтист», написанном в 1941 году. Войне посвящен и рассказ «Именная пуля».

Молодого Брэдбери волнует извечный вопрос ответственности науки перед человечеством, который обострился с наступлением атомной эры (1945). В рассказе «Ракетное лето» (1947) главный герой сетует на то, что «если бы внедрение автомобиля и аэроплана осуществлялось по определенному плану, то можно было бы спасти миллионы жизней и предотвратить многие войны». И предлагает вводить для подобных изобретений этические нормы и законы. Он говорит, что человечество, не решив своих проблем на Земле, рвется в космос, но без прочной моральной базы Ракета послужит развязыванию межпланетных войн. Но самое главное возражение генерального конструктора Ракеты заключается в том, что наука обслуживает материальные потребности человека, а не духовные: «Все, что производит наука, касается только Тела. Когда Наука изобретет нечто для Души, я отда姆 ей должное».

В «ракетном» жанре также выделяется рассказ «Я, ракета», изобилующий боевыми действиями в космосе и написанный в разгар войны (1943) от имени ракеты, обожающей своего капитана («Вла-

дыка моей Судьбы, Властелин моей Души»). Это повесть о двух существах, одушевленном и неодушевленном, влюбленных друг в друга: «Если уж начистоту... ты, наверное, единственная, кого я по-настоящему любил», говорит капитан, не догадываясь, что его ракета все слышит и отвечает взаимностью, спасая его и весь экипаж от коварных заговорщиков.

Молодой Брэдбери пробовал себя в роли сказочника в рассказе «Луана животворящая», который полон жутковатой мистики и насыщен поэтическими образами. У Брэдбери есть несколько сборников поэзии. Его стихи переводятся на русский язык от случая к случаю, а ведь среди десятков стихотворений встречаются и весьма интересные. В настоящий сборник я включил одно его стихотворение, напоминающее гравюры Эшера, «Озадачьте меня, о, зодчие» (1991), а также поэму в прозе «Ахмед и машины забвения». Она посвящена дерзновенному полету мысли первоходцев, которых тянут вниз люди пассивные и ленивые, «маловеры — губители мечтаний... те, что рано ложатся, поздно встают, вкушают смоквы, пьют вино и холят только плоть». Недаром в тексте поэмы слово «полет» упоминается 15 раз, а «крылья» — 16, не говоря уже о всевозможных летательных аппаратах.

Впоследствии по этому поводу в интервью газете «Аргументы и факты» (№ 33 от 18 августа 2010 года) Брэдбери высказался в свойственной ему бесцеремонной манере: «Люди — идиоты. Напридумывали кучу дурацких вещей — костюмчики для собак, менеджеров по маркетингу и айфоны, от которых не остается ничего, кроме кислого послевкусия. Если бы мы развивали науку, исследовали Луну, Марс и Венеру... кто знает, каким бы стал мир? Человечество могло

бы летать в космос, но вместо этого оно предпочло потребление — хлещет пиво и смотрит мыльные оперы».

В пику мещанам и обывателям Брэдбери вкладывает в уста наставника Гонна Великолепного напутствие главному герою поэмы — Ахмеду (и каждому из нас): «Ты должен прыгать с утесов и мастерить себе крылья, пока падаешь наземь!»

*Ереван,
август 2018*

Дilemma Холлербохена

Краткая фантазема

Холлербохен попал в безвыходное положение. Он умел предсказывать будущее. Он знал, когда ему суждено умереть, и это его весьма огорчало, как вы, наверное, догадываетесь. Перед ним, как на ладони, простиралась его жизнь во всех ее ответвлениях. Он знал, что умрет на *следующий день*. Он видел, как мощный взрыв разносит его на мелкие кусочки.

Холлербохен был наделен и другим потрясающим свойством. Он обладал уникальной способностью замирать во времени на несколько минут. Но, как ни прискорбно, всего лишь на несколько минут.

Ему грозила смерть, и его охватил ужас.

«Тот самый День» настал, и Холлербохен заглянул в будущее силою своего могучего разума. Вот бы не знать никогда об этом роковом свойстве, которым он так основательно владел. Он знал, что в этот день мог выбрать тысячи путей в будущее, но каждый из них оканчивался ужасной смертью. Какой из них предпочтеть, зависело исключительно от Холлербохена.

Он вышел из своих апартаментов и направился к лифту, чтобы спуститься на двенадцать этажей в гостиничный вестибюль. Однако предчувствие нависшей беды не исчезало. По пути он решил замереть во времени и посмотреть, что будет. В следующий

миг лифтовые тросы лопнули, как только подобие Холлербохена вошло в кабину. И она с обвальным грохотом разбилась о цементный пол. Холлербохен в ужасе отшатнулся от увиденного. Ведь он узрел, как входит в кабину и погибает при аварии! Он ушипнул себя, чтобы убедиться, что все еще жив. Но он знал, что жив, так как в этот миг замер во времени.

Потрясенный, он вернулся в свой номер и попытался размышлять трезво. Он знал, что не посмеет покинуть гостиницу на лифте, потому что погибнет. Тогда он вышел из комнаты и стал спускаться по лестнице.

На третьем этаже путь ясновидящему преградил некто с пистолетом и потребовал у него деньги. Холлербохен быстро замер во времени, и когда раздался револьверный выстрел, пуля не причинила ему вреда, хотя он заметил, как его фантомная фигура падает замертво на ковер.

Холлербохен удрученно открутил назад свои шаги. Он не хотел умирать, но смерть была неизбежной. За следующий час он неоднократно пытался выйти, но каждый раз, как только он подходил к лифту, тот срывался в шахту точно таким же образом. Он растерянно задавался вопросом, не надоело ли узникам падающей тюрьмы погибать столько раз кряду. За последний час они срывались уже пятнадцатый раз. И каждый раз, когда он спускался по лестнице, возникал все тот же грабитель и палил в него. Все это начинало надоедать. Ему захотелось, чтобы у грабителя иссякло воображение.

Холлербохен хотел спасти жизни пассажиров лифта. Поэтому он решил вообще не выходить из отеля. Выходов было всего два, и оба заблокированы смертью.

На долю пассажиров лифта № 3 выпали самые неприятные переживания. На какое-то мгновение они ощущали падение. Множество раз они чувствовали, как ударяются об пол. Затем лифт прекращал свои безумные выкрутасы и останавливался на первом этаже. Они выходили, недоумевая, что за странный сон им приснился, ибо, очевидно, такое не могло случиться наяву.

Спайк Малоун ткнул толстяка стволом под ребра. Он машинально выстрелил, когда пострадавший отказался расставаться со своими деньгами. И в этот миг субъект взял да исчез! Это неимоверное явление происходило многократно! Наконец оно прекратилось, и Спайк, пробурчав, что ему не мешало бы крепко напиться, ретировался с места неудавшегося преступления.

Холлербохен неподвижно стоял во времени и ждал. Он преисполнился решимости остаться в отеле навечно.

Он задавался вопросом насчет необъяснимого взрыва, явившегося ему в видениях будущего, в которых вызванный неизвестной силой взрыв неизменно подбрасывал его под небеса. У него ужасно заболела голова. В ушах поднялся странный перезвон. Ему показалось, что его голова вздулась до угрожающих размеров, а тулово — до Бробдиньягских¹ масштабов.

Шум нарастал до оглушительного крещендо. Гулкие раскаты предшествовали страшному взрыву, который разнес на мельчайшие атомы Холлербохена, гостиницу и весь город в придачу.

¹ Джонатан Свифт, «Путешествие Гулливера в Лиллипут, Бробдиньяг и в страну гуинмов». (*Здесь и далее примечания перев.*)

Неподвижное стояние Холлербохена во времени породило колоссальное количество энергии. До него это так и не дошло, и не дошло бы. Когда он застопорился во времени, оно, в свою очередь, стало обтекать его из-за тесноты. Но он слишком задержался, и в искривленном пространстве образовалась гигантская прореха неимоверной мощности, которая упорно искала выхода. И таки нашла его, но при этом прихватила с собой в космос Холлербохена, отель и город.

Так Холлербохен стал причиной своей погибели, которую он предсказал, видел, но не смог объяснить.

Холлербохен разрешил свою дилемму.

1938

Маятник

Вверх и вниз, вперед и назад, вверх и вниз. Сперва быстрый взлет к небу, постепенное замедление, достижение вершины кривой, задержка на мгновение, затем стремительный возврат к земле, быстрее и быстрее, с тошнотворной скоростью, достижение дна и взлет на противоположную сторону. Вверх и вниз. Вперед и назад. Вверх и вниз.

Как долго это продолжалось, Лейвиль не знал. Возможно, он провел миллионы лет, сидя здесь в массивном стеклянном маятнике, ошеломленно наблюдая за тем, как мир наклоняется то в одну сторону, то в другую, вверх и вниз, до рези в глазах. С тех пор как его заперли в шарообразной голове маятника, последний никогда не останавливался, не видоизменялся. Постоянное монотонное движение над поверхностью земли. Так велик был маятник, что каждый величественный ход его сияющего корпуса, подвешенного к металлическим недрам сверкающей машины над головой, затмевал поверхность земли на сотню футов, а то и больше. Чтобы преодолеть сто футов в один конец, ему нужно было три-четыре секунды и столько же обратно.

УЗНИК ВРЕМЕНИ! Вот как его теперь звали! Его! Прикованного к машине, которую он же спроектировал и сконструировал. Узник вре-ме-ни! Узник

вре-ме-ни! С каждым колебанием маятника эти слова эхом отзывались в его думах. Непрерывно, пока он не лишился рассудка. Он пытался сосредоточить взгляд на знойной Земле, которая описывала под ним дугу.

Над ним смеялись за несколько дней до этого. Или за неделю? Месяц? Год? Он не знал. Вечное качание привело его в болезненное замешательство. Его подняли на смех, когда он сказал незадолго до этого, что способен навести мосты через провалы времени и отправиться в будущее. Он спроектировал огромную машину для искривления пространства, созвал три десятка самых одаренных ученых мира, чтобы они помогли ему завершить грандиозную попытку — колупнуть будущую стену времени.

Затуманенная память вернула его в тот час, когда случилось несчастье. Прилюдный показ машины времени. Тот самый миг, когда он стоял на платформе в окружении тридцати ученых и привел в действие главный переключатель! Ученые, все до единого, были испепелены неукротимым электрическим пламенем! На глазах двух миллионов очевидцев, посетивших лабораторию или включивших дома телевизоры! Он погубил лучших ученых планеты!

Он вспомнил наступивший вслед за этим миг леденящего ужаса. С машиной стряслось нечто непостижимое. Он, Лейвиль — изобретатель машины, отпрянул в полыхающей и пожирающей его одежде. Объясняться некогда. Затем он провалился в черноту боли и опустошающего разгрома.

Его приволокли на поспешное судилище. Лейвиля встретили глумливые толпы, требующие его казни.

— Уничтожить Машину Времени! — орали они. — Вместе с УБИЙЦЕЙ!

Убийца! Он же хотел помочь всему человечеству!
И вот какая ему вышла за это награда.

На возвышение, где сидели судьи, вскочил некто и закричал:

— Нет! Не разрушайте машину! Я придумал кое-что похлеще! Отмщение этому... этому человеку! — Он показал пальцем на небритого, изможденного Лейвиля, сидевшего с остекленевшим от поражения взглядом. — Мы должны восстановить машину, забрать у него драгоценные металлы и возвести монумент в память о его злодействе! Мы запрем его внутри собственного убийственного изобретения и выставим пожизненно на всеобщее обозрение!

Одобрительный рев толпы сотряс зал суда.

Затем — подталкивающие руки, дни и месяцы в тюрьме. Наконец его вывели на солнцепек и доставили на небольшом ракетном автомобиле в центр города. Потрясение от увиденного вернуло его в действительность. ОНИ перестроили его машину в высоченные часы с маятником. На нетвердых ногах он подался вперед, подгоняямыи тычками, под завывания тысяч проклинающих его голосов. Его впихнули в прозрачный маятник и накрепко закупорили с помощью сварки.

Затем они раскачали маятник и отошли назад. Медленно, очень медленно маятник раскачивался вперед и назад, увеличивая скорость. Тщетно Лейвиль колотил по стеклу и кричал. Лица стали размазываться, пока не превратились в бесформенные розоватые комки.

И вот так непрерывно... до каких пор?

Поначалу он не слишком волновался в ту первую ночь. Он не мог уснуть, но дискомфорта не испытывал. Огни города превратились в хвостатые кометы, мечущиеся справа налево, как искрометные фей-

ерверки. Но чем дольше тянулась ночь, тем больше сводило желудок. Он почувствовал тошноту, и его вырвало. На следующий день он не мог ничего есть.

Маятник никогда не останавливали, ни единого раза. Чтобы накормить его, по трубе в стволе маятника они спускали еду в маленьких круглых свертках, плюхавшихся к его ногам. Первая попытка поесть окончилась неудачей. Пища не задерживалась в желудке. В отчаянии он молотил по холодному стеклу кулаками, пока не разбил их в кровь. Он кричал до хрипоты, но не слышал ничего, кроме своих жалких, исполненных страха слов в оглохших ушах.

Спустя некоторое время он научился принимать пищу и даже спать, несмотря на качание вперед-назад. Ему позволили устроить небольшие стеклянные петли в полу и кожаные ремешки, чтобы пристегиваться по ночам и спать безмолвным сном, не сползая.

На него приходили поглазеть. Его глаза приспособились к резким перепадам и следили за любопытствующими лицами, сначала вблизи, посередине, потом вдалеке, справа, снова посередине и слева.

Он видел смеющиеся лица, говорящие, разинув рты, беззвучные слова, пальцы, тыкающие в него — узника времени, вечно странствующего в никуда. Но вскоре горожане исчезли, и остались лишь туристы, приходящие и читающие надпись на щите:

ЭТО УЗНИК ВРЕМЕНИ — ДЖОН ЛЕЙВИЛЬ,
КОТОРЫЙ УБИЛ ТРИДЦАТЬ
ВЕЛИЧАЙШИХ УЧЕНЫХ ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ!

Школьники на электрической бегущей дорожке останавливались поглазеть с детским трепетом на УЗНИКА ВРЕМЕНИ!

Он часто задумывался о своем прозвище. Как зло над ним подшутила судьба! Он изобрел машину времени, а ее превратили в часовой механизм, и он, сидя в маятнике, будет отмерять годы и путешествовать в ногу со Временем.

Он не помнил, сколько это продолжалось. Вереница дней и ночей слилась в его памяти воедино. На его небритом лице отросла бородка, а затем перестала расти. Сколько времени прошло? Сколько же?

Раз в сутки, после приема пищи, ему опускали трубу, вакуумировали камеру, убирая отходы. Однажды, спустя долгое время, ему прислали книгу, но только и всего.

Отныне о нем заботились роботы. Очевидно, люди решили не тратить время на своего узника. Роботы приносили еду, чистили маятниковую камеру, смазывали механизмы, трудились без устали с рассвета до багрового заката. В таком темпе это могло продолжаться веками.

Но однажды Лейвиль взглянул на город и горожан, размытых взлетами и падениями, и увидел, как по небу клубами расползается тьма. Городские ракетные корабли, бороздившие воздушное пространство на столпах алого пламени, с перепугу беспомощно заметались в поисках убежища. Беззвучно крича, люди хлынули врассыпную, как выпитая на кафель вода. Черные инопланетные гады плюхнулись на земль огромными студенистыми комками, высасывая жизнь из всего сущего. Сбиваясь в кучи, они облепили собою все вокруг, мгновенно взгромоздились лоснящейся массой на маятник и верхний корпус, крутящиеся колеса и гремучие недра стального творения — бывшей Машины Времени. Спустя час они растворились за горизонтом и никогда больше не появлялись. Город вымер.

Вверх и вниз. Лейвиль продолжал свое путешествие в никуда в своей тюрьме, и странная ухмылка застыла на его устах. Через неделю или более до него дошло, что он — единственный выживший на Земле человек.

Он испытал вспышку ликования. Это была *его* победа! Маятник, уготованный ему в качестве тюрьмы, спас его от верной гибели!

Вопреки вторжению черных полчищ, день за днем роботы приходили и работали: еженедельно, приносили еду, ремонтировали, проверяли, смазывали, чистили. Вверх и вниз, вперед и назад — МАЯТНИК!

...должно быть, прошло еще тысячу лет, прежде чем в небе над мертвой Землей снова забрезжила жизнь. Серебристая пуля из космоса выпала из облаков, оставляя за собой шлейф пара, и зависла над мертвым городом, в котором лишь горстка роботов выполняла свои обязанности. В сгущающихся сумерках мерцали огоньки столичного города. На пандусах появились новые автоматы, словно пауки на крученой паутине, снующие, проверяющие, смазывающие, работающие в безупречном механическом стиле.

Существа из инопланетного корабля обнаружили часовой механизм и маятник, качающийся вверх-вниз, вперед-назад, вверх-вниз. Роботы по-прежнему заботились о нем: смазывали, чинили.

Тысячу лет качался этот маятник. Его диск был изготовлен из стекла, но теперь, когда роботы опускали в него по трубе еду, она оставалась нетронутой. Затем выдвигалась вакуумная труба и вычищала камеру, всасывая всю еду.

Взад-вперед. Вверх-вниз.

Внутри маятника пришельцы увидели нечто. Припав к стеклянной стенке камеры, личина на выбелен-

ном черепе таращилась пустыми глазницами на город и загадочно ухмылялась, обнажив безгубый оскал.

Взад-вперед. Вверх-вниз.

Явившиеся из пустоты остановили маятник и раскололи стеклянную капсулу, чтобы извлечь скелет. И в мерцании звезд череп продолжал таинственно ухмыляться, как бы осознавая одержанную победу. Победу над временем.

Узник Времени — Лейвиль действительно совершил странствие сквозь века.

И его странствие подошло к концу.

1939

Жара — куда ни шло, а вот вла...

— Жара — куда ни шло, — говорил незнакомец, — а вот вла...

Он так и не закончил свое послание. Вальдо врезал ему и сбил с ног.

— Ненавижу штампы! — гаркнул он, возвышаясь над поверженным незнакомцем. — Ну, почему, черт побери, нельзя изъясняться своим, живым языком?! — Засим он развернулся и потопал по улице, бурча себе что-то под нос.

— Привет, Сammerс! — послышался чей-то голос.

Вальдо Сammerс взглянул вниз и узрел раскрасневшуюся одутловатую физиономию, возникшую из канализационного люка. Это же Том-водопроводчик.

— Ну и пекло! — ухмыльнулся Том, вылезая из люка.

Вальдо приступил к действиям: Том неожиданно получил прямой удар в лицо и исчез в люке.

Поглощенный насильтвенными замыслами, Вальдо заспешил по улице, строя дикие фантазии.

Вскоре он заметил, что его преследует полицейская машина.

* * *

— Итак, — сказал судья. — Это весьма тяжкое деяние, Саммерс: разгуливать по Главной улице и колошматить людей среди бела дня.

Вальдо взглянул на судью и затряс головой:

— Как вы предлагаете мне поступать, ваша честь: дожидаться ночи и поколачивать их в темных переулках?

Судья сдавил пальцами судейский молоток, словно раздумывая, не метнуть ли его в Саммерса. Его брови взметнулись, глаза вытаращились, а зубы чуть было не оскалились.

— Шестьдесят суток! — сердито рявкнул судья. — Зло должно быть наказано, Саммерс!

Не успел судья произнести эти слова, как Вальдо набросился на него, размахивая кулаками.

Вальдо только тогда перестал буйнить с пеной у рта, когда за его спиной бесцеремонно захлопнули дверь тюремной камеры. Затем он сел и сердито уставился в пол.

Пришел психолог, длинный, как жердь, седой, как лунь, и такой же мрачный.

— Саммерс, — сказал он. — Кажется, вы страдаете очень опасной фобией. Очевидно, у вас сильная неприязнь к штампам и клишированным выражениям. Можете объяснить почему?

Вальдо задумался на минуту.

— Видите ли, — начал он медленно. — Я много слушал радио и глотал дешевенькие журнальчики. Однажды вечером я читал журнал «Вестерн» и слушал, как диктор что-то рекламирует, как вдруг — щелк! Что-то во мне переключилось. В рассказе, который я читал, ночь была черна как смоль, у героя — стальные мускулы, а глаза у Джейн — словно звезды. А диктор

по радио продавал нечто хрустящее и хрупкое, свежее и аппетитное, быстрого приготовления и призывал требовать это самое у бакалейщика немедленно! Желудок у меня так и скрутился кренделем. И надо же было так случиться, что в этот самый миг вошел мой дядюшка и говорит:

— Дождь льет как из ведра!

Я схватил пепельницу и как запустил ее дядюшке в голову!

— Гммм! — Психолог раскладывал по полочкам Саммерса сквозь толстые линзы очков. — Как бы вы поступили, Саммерс, если бы я прямо сейчас засыпал вас кучей штампов?

— Не советую, — предупредил Вальдо. — Могу и стукнуть.

— Попробуем, кто кого?

— А я смогу?

— Я знаю, что сможете. Теперь садитесь, и я зачитаю несколько приготовленных мною клише.

Доктор устроился на кровати и достал внушительный лист бумаги с накарябанными иероглифами.

— Красный, как свекла.

Вальдо исторг горловое рычание.

— Страшный, как смертный грех, — продолжал доктор.

Вальдо сжал кулаки.

— Жара, как в аду.

— Хватит, — сказал Вальдо, ударив доктора по голове, но не сильно.

— Будьте сговорчивее, пожалуйста, — попросил специалист, потирая ушибленный лоб.

Он отодвинулся на несколько футов по кровати, откашливаясь.

— На чем мы остановились? — спросил он, шаря глазами по списку.

— Вам было жарко, как в аду, — подсказал Вальдо.

— Да. Итак, холодный, как лед. Губки, как лепесточки. Красота, как на картинке. Тёплый, как печь. Глаза, подобные прозрачным озерцам лунного света... — Он сделал паузу, ожидая, пока Вальдо выпустит пар. Занятие продолжалось десять минут, и когда добрый доктор покидал камеру, то насчитал на своей «анатомии» с десяток синяков.

Доктор возвращался каждый день. Занятия продвигались с нарастающим накалом страстей и своеобразием событий. Иногда Вальдо гонялся за доктором по камере, а иногда доктор в порыве ярости гонялся за Вальдо.

На тридцатый день, прибегнув к джиу-джитсу, доктор смог произнести три полных клишированных выражения, не подвергая свой моральный дух и организм физическому воздействию от Сammerса.

На сороковой день доктору разрешили вывести Вальдо из камеры, и они на пару носились по коридорам, при этом Вальдо размахивал кулакищами, а доктор бежал, немного опережая своего подопечного, во все горло выкрикивая клише.

Если Вальдо догонял доктора, занятия внезапно приостанавливались на неопределенный срок.

Не приходится говорить, что теперь психолог пробегал стометровку с завидным результатом.

А Вальдо стал успокаиваться.

На шестидесятый день Вальдо выпустили на свободу.

— Самочувствие отличное, — сказал он. И действительно, он пребывал в отменной форме.

Вальдо вернулся домой к жене и детям, радио и журналам и за всю оставшуюся жизнь ни разу даже пальцем не тронул ни одного любителя штампов и клише.

Но мы вынуждены с превеликим сожалением доложить вам, что на прошлой неделе, когда доктор стоял на углу Главной и Четвертой улиц, кто-то подошел, хлопнул его по спине и как сказанул:

— Как делишки? Как детишки? Не болит ли голова?

Пистолетные выстрелы, грохнувшие в ответ, слышала вся округа аж до самой Седьмой улицы.

1940

Луана животворящая

Прежде чем я покончу со своей бренной жизнью, распрощаюсь с жуткими чужаками и уйду от всего светлого и темного, я должен поведать о причине своего самоубийства. Мой рассудок объят липким страхом, который горит в закоулках подсознания, подобно бледному пламени свечи в гробнице. Ужас высасывает из меня силы и заставляет слабеть и трепетать, как ребенок. Что бы я ни делал, я не в состоянии от него избавиться, ибо ночь полнолуния насиливо его возвращает.

Я сижу в тишине темной комнаты и жду. В нескольких футах возвышаются огромные напольные часы — реликвия многих поколений нашего семейства — с мрачным циферблатом, что бледно маячит в черноте, отбивая часы низким и изысканным боем. Старинный хронометр должен исполнить действие, которое я не могу доверить своим трясущимся рукам, и в полночь, с последним ударом, через четверть часа, рычаг надавит на спусковой крючок револьвера, прикрученного сбоку, и отправит сокрушительную пулю мне в сердце. Пока я жду, я должен, обязан излить, облегчить душу своим повествованием.

Я искатель приключений. Я не хожу торными путями. Но вот мне минуло тридцать лет, я седовласый старик, у меня трясутся пальцы. Страх изрезал мое

лицо, оставив на нем запавшие глазницы и борозды, как на коже мумии. Я немощен, я одряхлел и обессилен. Мне впору захлопнуть крышку гроба и опочить навечно.

Вернуться бы в прошлый год, ко дням, минувшим совсем недавно и дьявольски далеким от постоянных терзаний, из-за которых двенадцать месяцев показались мне целым веком.

В Индии, за Гималайским хребтом, в сумрачной местности, где рыщут тигры, меня бросили мои родные, которые мямлили суеверные рассказы про «Луану». Прорубаясь сквозь дебри колючих зарослей, я набрел на косматого человека, сидевшего, скрестив ноги, под деревом, попыхивая опиумной трубкой. Я заговорил с ним в надежде обрести в его лице проводника, но не получил ответа.

Я посмотрел ему в глаза — миндалевидные щелочки в хитросплетении морщин, но не увидел ни радужки, ни зрачков, а только сгусточек налитой свинцом плоти, словно глазные яблоки закатились назад в гипнотическом опиумном сне. И он не проронил ни слова, а лишь едва покачивался из стороны в сторону, словно саженец на летнем ветерке, и струйки дыма слетали с его губ. Придя в ярость от молчания, я затряс его, пока трубка не вывалилась из его рта. Его челюсть упала, обнажив ряд острых желтых зубов, при виде которых мой желудок взбунтовался. Незнакомец не мог говорить, ибо его язык посинел, съежился, словно сущеная, рассеченная смоква, и истек кровью. Из недр его горла раздались нечленораздельные звуки, как в бреду. И я отпустил его. Его руки немедленно зашарили по земле, нашупали трубку и водворили ее на место — в рот. Он продолжал безмятежно покуривать трубку, слепо и бессловесно, и я в спешке покинул это место.

Остаток дня я продирался сквозь джунгли, где не ступала нога белого человека. Погибая от жажды и голода, я безуспешно попытался дойти по еле заметным звериным тропкам до водопоя. Когда я попытался вернуться туда, где я прорубил проход в колючих зарослях, исчезли и моя тропа, и странный слепец. Словно за несколько часов все заново заросло тернистым кустарником. И когда я заметил зарубку, сделанную мной на дереве, то понял, что колючки действительно растут, ибо зарубка оказалась заметно выше. Это был край безумно растущих джунглей, где растения прорастали, росли и умирали за неделю или две. Растильный покров имел толщину в целый фут и оказался поразительно живучим, а жутковатые джунгли были знаймыми, неobjятными и молчаливыми. Даже звериный рык тигра не нарушал гнетущую тишину, которая душила меня, пока я не исторг вопль, дабы уладить свой слух и, задав себе встряску, вернуть себе здравомыслие. Когда странное отсутствие звука становилось невыносимым, я бежал напролом сквозь кустарник и болота, спотыкаясь, падая и скользя, пока с меня градом не начинал лить пот. Тогда я садился отдохнуть и смотрел, как высыхает грязь на обуви, образуя коросту.

И все равно — ни звука. Нечто зловещее опутывало эту обрамленную деревьями местность беззвучным однообразием.

По мере того как солнце отправлялось в недолгое плавание по океану листьев и ветвей и пропадало на западе, я осознал, что это обособленное место, не потревоженное внешним миром, от которого оно отбивалось стеной колючек. В этом kraю безмолвия было мало водопоев и животных, аaborигены были скрыты и встречались редко. Я смутно припоминал странные рассказы о них, об их земле и ритуалах при свете полной Луны.

С приходом сумерек грот космоса пророс светящимися точками — звездами. Проходили часы, и оглохшую ночь усеивали все новые серебряные точки. И вот воистину световая пелена застилает небосвод. Сидя и глядя вверх сквозь кроны деревьев, я ощутил вокруг себя шевеление. Словно весь лес встрепенулся и ожила. Мелкие листочки зашелестели под ногами, стройные росточки заколыхались, задрожали, и могучие великаны джунглей воспряли и отряхнули наземь свою листву. Казалось, будто в темноте деревья стали рости втрое быстрее, чем днем, пускали побеги и зацветали неким таинственным образом. Деревья нарушили тишину слабым шуршанием, подлесок зловеще зашебуршал. Я встал и пошел сквозь болото; тина под ногами мешала идти, и я упал, растянувшись в полный рост, лицом в грязь.

Лежа на земле, я ощущал, как ко мне метнулись щупальца и вцепились в меня, поглаживая мой затылок и неумолимо стискивая меня, пока я, задыхаясь, не стал хватать ртом воздух. Узловатые лианы обвили мой лоб, сдавливая виски до пронзительной кинжалной боли. Я схватился за горло, слабыми движениями высвобождаясь из удушающей петли, и вскочил на ноги. Не разбирай дороги, я отчаянно бросился вперед, как вдруг оказался по колено в ледяной воде.

Моего страха и след простыл, когда я плюхнулся на колени в подернутую трухой воду, отталкивая от себя паутинчатые обломки. Под рукой кругами заколыхалась вода, и, склонив голову, я заметил, что на поверхности отражаются звезды, как пляшущие светлячки. Я жадно, большими глотками поглощал воду и смочил себе лоб и виски, чтобы унять вселившуюся в них жгучую боль. Затем я откинулся на спину и плавал в пруду, глядя, как вода ласкает обувь и обмотки.

Сколько я так пролежал и расслаблялся, мне не- ведомо. Когда я поднялся, насквозь промокший, то ощутил новую силу, нарастающую с каждой минутой. Я снял истерзанную рубаху и прополоскал. Затем я выжал и обмотал ею голову, чтобы влажность хоть на сколько-то меня поддерживала. Вода впитывалась в кожу, мерцая, как сероватый ил.

Влекомый темнотой, я избавился от страхов, про- бираясь меж прыгучих щупалец. Слабые шорохи, та- инственное журчание воды и бормотание в земле, стреляющий треск сучьев — джунгли стали живым, одушевленным, дышащим существом, по которому я шагал. Затем передо мной открылась поляна, в мрачной глубине которой выстроились в круг темные силуэты.

Я неожиданно встал, словно замороженный вне- запным порывом зимнего ветра. Я прищурился, что- бы разглядеть фигуры, лежавшие, скрючившись, на поляне. Мне показалось, что я вижу сорок зловещих каменных изваяний, вкопанных в землю, присевших на корточки в ожидании. В середине на земле одино- ко лежала другая скрючившаяся фигура.

В это мгновение в верхушках деревьев промель- кнул свет. Спустя секунды дюйм за дюймом полный диск Луны восстал на усеянном звездами небосклоне, залив поляну серебром и приведя в движение силуэты согбенных фигур в лоне джунглей.

Что-то зашевелилось. Дрогнула фигура, и я осоз- нал увиденное. Это же люди! Они пробуждаются по одному, словно от сна. Когда взошла Луна, раздался легкий вздох, словно от ветра, что ворошит мириады листвьев. Я медленно, молча приблизился к поляне. Существа на земле, повернутые ко мне своими исху- далыми спинами, простерли длинные тонкие конеч- ности и встали на колени, отвешивая поклоны Луне в кристально прозрачном небе.

Складывалось впечатление, будто они находились под гипнотическими чарами, двигались, словно под воздействием дурмана: поднимали и протягивали пальцы к лунному диску ослепительной белизны, подвешенному к деревьям. Картина в платиновых тонах. Луна господствовала в небе; в ее белом пламени звезды измельчали и поблекли. Вот члены культа поднялись, раскачиваясь, размахивая руками, исторгая скорбные грудные звуки.

Они стремительно извивались, подпрыгивали и вытанцовывали; земля дрожала под их босыми ступнями. Они встали в круг, взметая и соударяя ладони, и рыдали. Они завывали, голосили, колотили себя в грудь, проносясь мимо и не замечая меня. Они двигались, словно шишковатые деревья, возродившиеся, обнаженные и бурые. Но страх мне внушали их глаза, ибо они были свинцово-белыми, без зрачков, словно обожженные до такого оттенка неким изменчивым лучом, окрашенные свечением Луны!

Человек, стоявший в середине бесноватой толпы, указал на Луну, и я признал в нем незнакомца, встреченного мною тем утром, со сморщенным языком и слепыми глазами! Он бормотал, призывая сотоварящей не останавливаться, и, как ни странно, его речь на языке древних индусов постепенно становилась мне понятной.

— Великая животворящая Луана! — говорил он нараспев, и извивающиеся люди повторяли его нечленораздельные слова. — Животворящая Луана! Придай нам сил! Защити нас! Огради нас от богомерзкого духа белых людей! Уничтожь язву на теле земли, все человечество, тех, кто оскверняет истинную веру невежеством!

Меня обуяла ярость, и я по глупости вторгся в их гущу с зажатым в руке револьвером и приказал прекра-

тить это действие. Они встали как вкопанные, словно пораженные молнией! Но лишь на мгновение. Затем с неистовыми звериными криками они бросились ко мне, взывая к полной Луне, зависшей над деревьями.

— Уничтожь посягателя! Сокруши подлого дикаря, увидевшего ритуал Луаны! — умоляли они. — Луана живет и дышит! Луана, отомсти за нас, ослепших, но способных узреть твой свет!

Я навел револьвер, моля бога, чтобы вода не намочила порох, и выстрелил в упор в сердце одного из дикарей. С проклятием на устах он споткнулся и упал наземь, увлекая меня за собой. С того места, где я лежал, мне было видно, как остальные лихорадочно разбегаются врассыпную, сливаясь с джунглями и растворяясь в них. Я стрелял до тех пор, пока курок не защелкал впустую. Затем, озираясь по сторонам, я увидел последнего молившегося коленопреклоненного аборигена.

— Я проклинаю этого человека именем Луаны животворящей, — вздохнул он. Не проронив более ни слова, он пал на траву и остался лежать, мертвенно неподвижный.

Если бы я знал о последствиях своих действий! Сноп света обрушился вниз, когда я выронил свое оружие и затаив дыхание посмотрел на лик Луны. Казалось, она заполнила небо своей массой, полыхая ярче солнца, ударила и обожгла мне глаза своим режущим светом. Надо мной, словно зловещее божество, навис неистовый, испепеляющий шар. И казалось, что, подобно джунглям, Луна живет и дышит. Словно джунгли служили Луне обиталищем, а аборигены являлись ее учениками, последователями, посвященными в таинственный культ.

Помню, как я один раз вскрикнул. То был невольный крик неверия. А потом я побежал! Обрывая ветви

и плюхая по болотистой почве, я добрался до границы колючего кустарника и замахнулся ножом, чтобы пробраться сквозь тернии. Внезапно меня свалило головокружение, и я пал, как подкошенный, в объятья беспамятства. Последнее, что я видел, был дрожащий выщербленный лик Луны, обжигающее сияющей мне в глаза.

Наутро я оказался за стеной колючек на знакомой тропе. При мне не оказалось ни револьвера, ни ножа, но мой рассудок уверял меня, что все это было ночным кошмаром. Боже, если бы это было так в действительности!

Я незамедлительно вернулся к цивилизации и через двадцать дней специальным рейсом прилетел в Америку. Здесь, дома, в местности с видом на калифорнийское побережье и Тихий океан я отдыхал несколько дней. Но в ночь очередного полнолуния...

Я не смог высидеть на своей веранде. Испещренная кратерами Луна отправила мне невнятное предупреждение. Согнутые в три погибли зловещие фигуры, казалось, присели на корточки в тени мириад деревьев. В ушах гулко отдавалась шипящая ритмичная песнь хлещущей крови. Мои друзья покинули меня из-за моих страхов и моего панического бегства от свечения Луны, зависшей полумесяцем ненасыщенного света в небесах. Окружающий мир оставил меня наедине с моими сновидениями, жуткими ночных кошмарами и страхами, которые преследовали меня.

Ночами я сидел в напряжении и содрогался от одной мысли, что увижу Луну во всей ее ненавистной близине, приколотой к занавесу ночи, дабы залить платиной мою каморку. Я стал таким пугливым, что призвал к себе ткача гобеленов и поручил ему сделать гардины цвета черного дерева, чтобы навсегда избавиться от бледного, болезненно-белесого света.

Но даже с опущенными жалюзи и плотно задернутыми гардинами я слышал в верхушках дерев скорбные причитания ветра, похожие на пронзительные заывания дьявольских дикарей, что вызывали к жизни разных тварей, завороженных чарами спутника Земли. От полнолуния к полнолунию я слышал все новые звуки — шум звериной возни в зарослях, словно нечто вызвало их к жизни, и они трещали и тряслись в знак предостережения. Листья хрупко хрустели на деревьях и отрывались, уносясь, чтобы нетерпеливо дрожать на пороге моего убежища. Шумы... шумы смущали и беспокоили меня, доводили до отчаяния, пока на лбу не проступал липкий пот.

Затем, спустя двенадцать лун после той ночи в джунглях, я лежал в темноте влажной комнаты, обливаясь потом, дожидаясь прохладного ветерка, который навеет мне сон, о котором я молился. Наползла осозаемая волна жара, рассудок покинул меня, и безумно захотелось глотка свежего воздуха. Я бросился к занавесям и зажмурился, чтобы не видеть Луну во всей ее убийственной красе. Я отдернул покровы и распахнул высокую оконную раму, вбирай в себя воздух, чтобы жадными глотками пить холодную ночь. Вместо этого на меня обрушился ужасающий водопад грохота и ветер — порождение огня. Ветер стал громче и сорвал с меня остатки одежды, пока я стоял, охваченный его жгучими порывами, словно под солнцем экватора.

Я схватился за рамы, силясь захлопнуть их снова, отрезать себя от шума листвы, ветра, теней, кишащих враждебными тварями. Сверху свалился громоподобный хохот, песнь ненависти, исторгнутая оскорбленной Природой, песнопения моря и арии птиц, волнение зефира и гул смерча, перемешанные в нарастающем грохоте, который бился об меня. Меня

пронзил огонь, опалил глаза, вынудив поднять веки, чтобы взглянуть на Луну, что покоилась на стропилах облаков. Подобно божеству, исполинскому, гневному, серебристому, ее поверхность клокотала, как котел. Она поглотила небо и вонзила свой обесцвеченный диск в мой рассудок. Ураган непрерывно тужился, чтобы порвать мои барабанные перепонки.

Мне кое-как удалось захлопнуть окно, отрезать шум, плотно задернув занавеси, и я больше не видел света.

Помню, как я, ошеломленный, добрался до своего туалетного столика и встал перед зеркалом, включив свет.

Это было две недели назад.

Приближается время, когда часы пробьют двенадцать; я сижу и пишу эти последние слова. Через минуту, с последним ударом часов, я умру.

Я пробыл в этой комнате две недели, ни разу не посмев выйти наружу, хотя меня выжгла жажда и изнурил голод. Я не смею продолжать.

Я иду на самоубийство, потому что...

Ах, часы бьют двенадцать. Один! Два! Три!..

Я убиваю себя, потому что, когда я включил свет в комнате и взглянул на себя в зеркале, то увидел... Сквозь серую пелену, что заволокла мое зрение, я увидел идиота, со свинцово-белыми глазами, лишенными зрачков, с омертвелым, изможденным лицом и разинутым ртом. А мой язык — черное месиво — болтался между зубов, как скрученная тряпка!

Прощайте! Часы пробили двенадцать!

Сказ о Мангломврите

Мистер Бенгол фланировал по Бродвею в компании своих семнадцати ребятишек. Миссис Бенгол только что проломила проход в недра мелочной лавки сквозь твердыню из женщин. Мистер Бенгол остановился, стуча костяшками пальцев по фонарному столбу. Его язык издавал легкомысленные звуки. Какого черта, вопрошал он, Гортензия (его жену звали Гортензия Бенгол) не выходит? Семнадцать его ребятишек стали выказывать признаки раздражения, которые проявлялись в том, что они принялись покусывать полицейских-регулировщиков. Мистер Бенгол отправил одну девчушку в магазин на поиски миссис Бенгол. Крохотное дитя на нетвердых ножках проникло в массу женщин, толпившихся в магазине, с криками: «Эй, мамочка, где тебя черти носят, вылезай оттуда! А то папочка уже бесится!» Никакого ответа, кроме шуршания и шелеста юбок да глухого зловещего стука падающих тел.

— Что за черт! — Мистер Бенгол отправляет в магазин другого ребенка, дабы подвергнуть приводу девчушку и ее мамашу. На этот раз мальчонка исчез в массе бесформенной плоти за порогом магазина. Из глубин магазина раздалось тихое злокозненное блеяние — «Flat Foot Floogie with a Floy Floy»!¹ Мистер

¹ Джазовая песенка, популярная в конце 30-х гг. XX в.

Бенгол (его звали Ксеркс) от этого содрогнулся. Тогда он отправил на розыски третьего ребенка — с подбородком Орсона Уэллса. После чего — четвертого, пятого, шестого, седьмого, восьмого, девятого, десятого — всех на поиски своей дражайшей половины. И за порогом магазина их всех до единого слизало языком ненасытное существо — злобное, затянутое в шелк, с шупальцами, голодный жуткий монстр на толстых ножищах, на тонких ножках, наделенный грудями, губами и торсами, подмышками, промежностями и прочими причиндалами, со скидками и подвалами, с приспущенными панталонами, бородатыми еврейскими тетками и ирландками с красными носами картошкой, негритосками со скользкими черными, лоснящимися от пота руками-ногами, с выпяченными губами, беззубыми, с визгом, воплями и бедламом. И мистер Бенгол, отослав десятерых детей, призвал оставшихся семерых.

— Дети мои, — его дыхание перехватило от страха, — вам следует войти туда и отыскать вашу маму. Так надо. Тут происходит что-то неладное. Нечто Захватывающее и Фантастическое¹. — И все остальные детки зашли и были поглощены водоворотом алчной толпы. Мистер Бенгол остался в одиночестве. Полном.

Вот тут-то ему на ум и пришло четвертое измерение.

А что, если, размышлял он, когда прописываешься в этот магазин, то тебя, сдавленного и затертого с грохотом между отпихидающими друг от друга телесами, автоматически заталкивает, засасывает кверху

¹ Захватывающее и Фантастическое — пародия на два научно-фантастических журнала «Astounding Science-Fiction» и «Fantastic Adventures».

тормашками в четвертое измерение? О, кощунственная мысль! Он перепугался от пальцев ног до кончика языка, от шнурков до бриолина. Фарфор его размышлений разбился вдребезги.

Неужели это мелочная лавка четвертого измерения?

Он зашагал взад-вперед, размахивая руками, проливая горькие слезы в зеленое блюдечко, которое всегда имел при себе для таких случаев.

Затем он решительно расправил плечи, исторг из себя предупредительный рык и ринулся к магазину. Он врезался в толпу и канул в неизвестность, задавленный двумя бабищами циклопических габаритов, самозабвенно раздирающими некое платьице.

В шесть часов он не вышел.

В семь часов он не вышел.

Мистер Бенгол не появился и в девять.

А в десять мелочная лавка закрылась до утра.

1941

Флейтист

Из космоса Марс походил на медную лампу, тускло горящую, почти угасшую. Когда к нему приблизился юпитерианский корабль, он напоминал огромный распустившийся цветок.

Марсианин Керак стоял в недрах корабля, глядя, как милый увядший цветок раскрывает нежные лепестки памяти; поглядывая с опаской в иллюминатор, не зная, какие перемены произошли за двадцать лет на родине. На первый взгляд Марс оставался таким же. Его душу тронули пальцы ностальгии. Глаза защипало от странных слез. Но по мере того как корабль иглой пронизывал разряженную атмосферу, лик планеты показался ему израненным. На марсианских лугах раскинулся город; на его замызганной чернобельными кляксами поверхности проступали очертания идиотской пучеглазой образины.

— Юпитерианское отребье! — выругался Керак, вглядываясь вниз. — Ну и помойка!

Его худые руки напряглись, сжимая тонкими пальцами серебрянную флейту, на которой он сочинял свои симфонии и фольклорные мелодии, — единственное, что связывало его с прошлым и былой славой композитора и музыканта.

Керак затрепетал, словно его продувал беззвучный ветер горечи, страха и странного потаенного гнева.

Очертания города стали вырисовываться все резче. Он явил свою безмозглую застройку — скорее доказательство разложения, чем прогресса. Вне сомнений, что город сварганили неуклюжие пьяные лапы юпитерианцев. Нрав этого бледно-голубого сброва с Юпитера и свинство были равноценными понятиями.

Из центра города вырывались шоссейные дороги, выбрасывая железные шупальца на юг, в три других юпитерианских города, каждый из которых оскорблял глаз не меньше, чем первый.

Керак негодовал, отчасти про себя, отчасти, обращаясь к обрюзгшему синекожему коротышке с Юпитера с черными щелями вместо глаз.

— Что же они натворили! — восклицал он. — Эта равнина зеленела и плодоносila миллион лет, давала жизнь. А они выпотрошили ее в погоне за минералами! Горы на юге были стройными и прекрасными. Так они снесли с них вершины и разорили склоны! Это и есть ваш план колонизации Марса? Неужели такими видами я должен наслаждаться по возвращении из ссылки?

* * *

Керак умолк. Бессловесный и неприметный по сравнению с долговязым худым музыкантом, синекожий юпитерианец не проронил ни слова.

Лицо изгнанника было изрезано тонкой стенкой морщинок. Сухое коричневатое птицеподобное лицо с орлиным профилем и зорким взглядом. От него веяло неизъяснимой таинственностью и печалью. И вот он смотрел на лики десяти миллионов вымерших марсиан, вопиющих, умоляющих его лишь об одном. Об отмщении. Только и всего.

— Вон там, — сказал Керак, показывая рукой. — Видишь, где река стекает с холмов?

Юпитерианец стиснул толстые губы и промолчал. Ссылка продолжалась.

— Я родился неподалеку от устья этой реки, там, где лиловые горы. Посмотри на нее! За двадцать лет ее загадили дымом, копотью, грязью и превратили в канализационный сток!

— На Земле во времена Клондайка было так же плохо, — выпалил юпитерианец, заговорив в первый раз за все время. — Здесь такая же лихорадка, только побольше размахом. Цель оправдывает средства!

Небольшой юпитерианский корабль пропахал по грунту и, покачиваясь, остановился. Люки распахнулись. Спустя секунды Керак ступил на марсианскую землю впервые за двадцать лет. Это была та же губчатая почва, пропитанная запахом влажности, по которой некогда бегали его детские ступни, но теперь она была завалена мусором, изрыта, искромсана реактивными струями космических кораблей и запятнана машинным маслом.

Керак остановился, оглядываясь по сторонам. Аудиовышки, понатыканные в разных местах посадочной площадки, изрыгали музыку — кошачий концерт из трескучих юпитерианских песен. Керак ругнулся и ударил ногой.

Пустая бутылка из-под утраны загремела, подпрыгивая, по полу.

Они покинули космопорт и пришли в город по узким улочкам-переулкам, от которых несло пахучим юпитерианским кормом. Хохот отдавался эхом в горбатых извилистых улицах. Раздавался звон битого стекла. Время от времени грохотал выстрел, несущий смерть, сливаюсь с гулом чужого города. Юпитерианец показал на убогое строение.

— Можешь тут переночевать.

— Спасибо, не надо. — Керак развернулся и зашагал прочь, на окраину, где змеилась речка, стекающая с лиловых гор. — Я пойду туда, где дышится.

Юпитерианец не пошел за ним, а только проворчал:

— Если ты не будешь являться раз в день с докладом, Совет тебя посадит в темницу. Жду тебя завтра, марсианин!

— Если я тебе понадоблюсь, иди вдоль реки... — Голос Керака пропал, как птица, улетающая в сгущающиеся сумерки.

Он быстро шагал, скжав челюсти. В его душе поселилось страдание. Резкое освещение обжигало глаза. Музыка Юпитера скрежетала, без умолку обрушиваясь на город с аудиовышек. И лишь раз до его слуха едва долетело женское хихиканье.

Когда он дошел до тихой речки, солнце уже садилось. Он встал на колени там, где плескалась вода, и начал молиться звездам, чтобы с помощью какого-нибудь замысла положить всему этому конец.

Вода была холодной, как некогда кровь марсианского рода-племени, который пошел на самоубийство, лишь бы не покориться нашествию колонистов, хлынувших с Юпитера. Керак думал о первопроходцах, о своей убитой семье, об оскверненной земле. Он стал молиться еще истовее.

— Кам, даруй мне силу, — просил он. — Кам, дай мне силу.

* * *

Когда город остался лежать распростертым у него за спиной, он зашагал упругой, пружинистой походкой. Он почувствовал прилив приятного возбуждения. С губ слетела песня. Он поднял серебряную флейту и

стал наигрывать свою песнь холмам. Они ее тихонько подхватили.

Взошли звезды. Рядом речка зажурчала песенку, перекатываясь по гальке. Внезапно время перестало быть препятствием. Время повернуло вспять. Двадцать лет унеслись, как мглистая пелена. Снова воцарился мир. Не было завоевания, остались лишь красота и эта ночь.

Он обернулся, чтобы взглянуть на юпитерианский город и его огни — монстр с миллионом глаз, уродующий равнину. Мелодию, слетающую с его уст, заглушила другая музыка — из городских аудиовышек, такая громкая, что восточный ветер подхватил и перенес ее на холмы.

Керак еле сдержался, чтобы не выругаться, и привил шагу. Дикая музыка преследовала его по пятам. Неужели от них негде укрыться?

Ветер подул в другую сторону. Музыка Юпитера канула в безмолвие. Он вздохнул с облегчением. Так долго продолжаться не может, думал он. Он прибыл на родину умирать. Он уже в летах. Юпитерианские ученые прекратили изучать его физически и психологически и отправили на родную мертвую планету, прекрасно осознавая, что в одиночку он не причинит им вреда. Он — последний представитель Золотого племени.

А как же обитатели марсианских гор, неисчислимые полчища студнеобразных, гортанноголосых существ, населяющих пещеры Марса, даже имени которых нельзя произносить? Неужели их тоже безжалостно изничтожили, как Золотое племя?

Отродья Мрака не пошли на самоубийство. Это все, что было известно Кераку. К тому же потребовалось бы много времени, чтобы выкурить их из

миллионов пещер. У него забрезжila слабая искорка надежды.

На тускло освещенном пространстве пустыни лежал безжизненный, обезлюдовший марсианский город Кам. Обветшальные шпиши Кама возвышались в разряженном воздухе. Уходили вдаль симметрично прочерченные аллеи, парки распускались, словно хвосты-плюмажи величественных, навечно умолкших птиц, которым не суждено ни ожить, ни взлететь.

В недалеком прошлом этот город дышал, давая жизнь миллионам марсиан, пеленал, растил, одаривал богатством, счастьем, унаследованным от неисчислимых веков идиллического существования.

Керак погладил флейту, которая скрашивала ему долгие годы изгнанья на Юпитере.

У него был отсутствующий взгляд. Большая стая взлетела из мертвого города Кам и затмила собою звезды — вереница парящих белых птиц с пронзительным пением в тысячу глоток, которое повторялось снова и снова, непрерывно, затухая, затихая, замирая, пока частицы блуждающего эха не сыграли мягкие финальные ноты.

Они улетели прочь над юпитерианскими улицами из синтетики, за горизонт, из-за которого через несколько часов взойдет солнце.

Затем слух Керака уловил клокочущее рычание. Оно началось еще тогда, когда большие птицы города Кам взмыли ввысь со скорбным пением, и достигло пика, когда они скрылись в далеких землях. Теперь же рык стал не так слышен, но Керак успел догадаться, откуда он взялся.

Полет поющих птиц сопровождался рычанием. Но глухое рычание исходило из земли, из мрачных нор в горах. И он знал, чем оно вызвано. Отродьями Мрака!

Они выжили в глубинах пещер. Он возликовал. Марсиане все еще существуют, не беда, что они оплывшие, бесформенные и безмозглые Отродья Мрака. Керак обрел союзников!

* * *

У Керака не было никакого плана, когда он приблизился к пещерам Отродий Мрака. Он медленно бродил меж отвесных стен, поднимавшихся на пятьсот футов в небо, словно гранитные плиты города мавзолеев. Стояла бархатная тишина, если не считать легкий шелест его ступней по камням.

Он остановился, испытывая благоговейный трепет и вместе с тем — приступ страха. Прямо впереди что-то зашуршало. Возникла черная фигура. На Керака уставились зеленоватые глаза. Из темноты послышалось низкое гортанное фырканье.

Фигура мешковато переваливалась словно громоздкая получеловеческая амеба — черная масса, почти подражавшая человеку. Существо встало на толстые черные ножищи, размахивая мясистыми темными руками с крупными голодными пальцами. Оно разинуло безгубую пасть и зарычало.

Керак отпрянул. Страх сдавил ему грудь словно тисками. Он нащупал серебряную флейту, но не стал подносить к губам. Что толку от музыки против такого ужаса?

Он попытался заговорить с существом.

— Друг мой, — тихо обратился он к нему. — Мы братья. Нас осквернили люди с другой звезды.

Он умолк, потом повторил:

— Мы братья.

Нечеловеческое существо закачалось. Затопало ногами по камням, ужасающее имитируя ходьбу. Некое подобие руки вывернулось в сторону Керака.

— Ты поможешь мне? — взывал к нему Керак. — Звери Юпитера нападают на тебя. Отбирают твои богатства, осушают болота. Скоро они и сюда доберутся, чтобы вас уничтожить. Пока этого не случилось, помоги мне!

Существо зафыркало и обернулось. Дюжина головсов из пещер прокричала в ответ. Керак отступил на шесть шагов.

— Мы же братья, как же ты не понимаешь? У нас есть долг. Нам предстоит выполнить задачу. Помоги мне сейчас.

Из глубоких пещер вырвался ревущий рокот головсов. Над головой облачком пролетели поющие птицы Кам. Завидев их, Отродья Тьмы извергли вулкан раздирающих уши воплей. Они сотнями повылезали из своих душных дыр, спотыкаясь, вперевалочку, на ощупь.

Керак увидел тысячу пожиравших его зеленых глаз. В его сердце вселились поражение, отчаяние и озлобленность. Они надвигались на него. Он ретировался.

* * *

Он добежал туда, где стены расступались. Здесь он перевел дух. Отродья Тьмы дальше не выползали. Они никогда не пересекали эту границу. Никогда. Только их голоса — холодные, мерзкие, угрожающие — вырывались за эту черту.

И теперь они прекратили короткую погоню и расположились по своим пещерам. Ночь стала спокойной, как далекие точечки-звезды. В небе злорадствовал Юпитер.

Вдоль мерцающей реки Керак вернулся на усталых ногах в город Юпитера. Его осанка, каждый его шаг, слово и помыслы выражали глубочайшее отчаяние...

— Эй!

Керак продолжал идти по узкому проулку.

— Эй! Ты! — Огромный длиннорукий юпитерианец вышел на нетвердых ногах из ярко-красной иллюминации притона для любителей *утаны*.

— Эй!

Керак не останавливался.

Человек сграбастал Керака, завертел его и запустил катиться кубарем вдоль по улице.

— Я говорю, ты — слушать, — рявкнул он, огромных размеров и обрюзгший. От него несло травкой-оамой и уродующим мозги пойлом — *утаной*.

Керак попытался встать на ноги, но тяжелый ботинок незнакомца толкнул его обратно. Лиловая рожа скорчилось в гримасе.

— Ты марсианин?

Керак кивнул, чтобы избежать очередного пинка занесенным ботинком.

— Так я и думал, — нетрезво хохотнул юпитерианец. — Теперь ты будешь меня развлекать. Очень меня обяжешь.

Керак уставился на юпитерианца. Стала собираться толпа. Юпитерианец обернулся к сорищу.

— Это тот самый марсианин, музыкант, про которого вы слышали.

По толпе пробежал гул. Кто-то сказал:

— Так это и есть марсианин? Клянусь зубами Джобара, до чего же он хлипкий!

Первый юпитерианец приложился к фляге, как следует отхлебнув *утаны*.

— Этот музыкант будет для нас играть. Внутрь его.

Его толкнула рука. Керак споткнулся, негодяя. Удар кулака пришелся ему по губам. Его схватили крепкие пальцы. Горячие потные туши втолкнули его в притон, залитый режущим глаза алым све-

том ламп и насыщенный дымной мглой от сигарет с оамой.

Стены были размалеваны чудовищно желтым цветом, потолок был низкий и кричащий от сотни кошмарных картинок, а помещение в целом почти моментально вызывало у посетителя опьянение.

— Садись тут. — Юпитерианский главарь поднял Керака за шиворот и плюхнул на низкий стул. — Теперь, — сказал он, тыкая пальцем, — играй.

* * *

Керак обнаружил перед собой странный, замысловатый музыкальный юпитерианский инструмент, нечто вроде безумной разновидности древнего органа.

Керак пожал плечами:

— Я не могу. Я не знаю, как на нем играть.

Чудовищных размеров юпитерианец набычился:

— Когда я, Брондар, приказываю кому-нибудь играть...

— Он выдохся! — выкрикнул кто-то. — Дай ему травки курнуть, утаны хлебнуть.

— Уа! Уа! — согласились все хором.

Брондар повернулся.

— Угости его грезами, Нар. Я плачу.

Нар быстро достал бутыль утаны, предлагая Кераку, но тот от нее отказался.

Нар, аномально низкорослый худосочный юпитерианец, зловеще покосился. Его синее лицо, повторяющее очертания черепа, задвигалось.

— Отказываешься?

— Я не пью.

— Ты не пьешь! Марсианин, когда Нар наливает утану, он ожидает, что ее выпьют. — Стакан уткнулся в губы Кераку. — Пей, а не то скормлю тебе стакан.

Губы Керака сжались в тонкую линию. Все его тело содрогалось от возмущения.

— Пей, — взревел Брондар.

Нар пришел в ярость. Он размахнулся и выплеснул выпивку в лицо Кераку под одобрительный вой толпы. Нар затопал обратно в свой закут для утаны. А марсианин остался отплевываться и вытирая лицо накидкой.

— Теперь будешь играть? — раскомандовался Брондар. — А не то нам придется...

Керак взял себя в руки. Он молча вытащил из недр накидки флейту.

— Я умею играть только на ней, — сказал он.

— Что? — раздался рев. — На флейте?

— Уа! Уа! — заглушили остальные Брондара. — Пускай играет, а мы послушаем.

Брондар грозно нахмурился. Наконец он уселся за низкий стол и гаркнул:

— Играй!

Керак заиграл. Он играл до изнеможения. Они заставляли его играть еще и еще. А один раз Брондар выстрелил из электропистолета под ноги Кераку, заставляя его плясать и в то же время играть.

Ему не удалось отдохнуть до самого рассвета. Курительный притон наконец опустел. Пол был замусорен черенками травки-оамы. Юпитерианцы завалились в углы и хрюкали. Нар лежал на стойке своего закута, а осоловелый Брондар бодрствовал, изрыгая проклятия в адрес варварски размалеванного потолка.

И как раз в этот момент флотилия Кам-птиц пролетела над горами и юпитерианским городом навстречу восходящему солнцу. Они пели свою песнь, высоко, сладкоголосо и настойчиво. Им в ответ сразу же раздалось негромкое рычание.

Керак испытал первое вдохновение, нашупал первую зацепку. Он прислушивался. Флейта, стуча, скатилась на пол. Нагнувшись, чтобы ее подобрать, он замер, странно посмотрел на нее, лежащую там, и вытаращил глаза. Потом он взглянул на Брондара, который вздрогивал, бормоча хриплым голосом.

— Это что, — Брондар икнул, — за шум?

— Птицы, — пробормотал Нар. — Кам-птицы.

— Ау. Ау, — покачал Брондар одурманенной башкой. — Нет, не этот шум, а другой.

— Марсотрясение, — сказал Нар, с трудом поднимаясь. — Движение пластов в горах.

Керак вскочил, сжимая флейту, с замыслами, прорастающими и расцветающими в его голове. Эти невежественные юпитерианцы даже не знали, что в горах обитают Отродья Тьмы.

А Кам-птицы! Они стали частью грандиозного замысла, вспыхнувшего неожиданным озарением в голове у Керака.

Брондар встал, пошатываясь, корча лицо от рвотных позывов.

— Оа. Куда ты идешь, марсианин?

Брондар загородил собой путь к двери.

В отчаянии Керак схватил пустой кувшин из-под утраны и обрушил его на череп Брондара.

Брондар больше не заграживал ему путь.

Раскрашенные указатели не так бросались в глаза ночью, когда Керак в первый раз проходил этой дорогой, зато они были установлены через каждые сто ярдов, и черные буквы раскалились под утренним солнцем:

ОПАСНО!
МАРСОТРЯСЕНИЯ!
ПОДВИЖКА ПЛАСТОВ!

Мелкий шрифт гласил: «Любой работник «Юпитерианских Минералов», застигнутый за этой чертой, будет немедленно уволен».

Керак довольно долго простоял там, подвергая свое худощавое тело истязанию солнцем. Горы были не очень далеко, пеклись в духовке раннего утра. Река сверкала, словно миллион блестящих кинжалных лезвий. Он попытался собрать воедино головоломку из указателей и невежества, царившего в юпитерианском городе.

Отродья Мрака живут себе в горах, целые и невредимые. Юпитерианские работяги называют рокот гор «марсотрясением». Есть лишь одно возможное объяснение. На юге идут грандиозные земляные работы. Из Южных гор Отродья Тьмы уже вычищены. Скоро очистят и Северные хребты, как только юпитерианцы будут готовы начать там работы.

А до этого времени, решили власти, не следует рядовым трудягам знать то, что причинит им дискомфорт. Поэтому существование Отродий Тьмы держат в тайне. Если работники узнают об угрозе, то многие немедленно уволятся. Эти юпитерианцы — суеверный народец.

В любом случае Отродья Тьмы не представляли реальной угрозы. У них не хватало мозгов организоваться и атаковать. Они сами убивались. Даже такой разумный человек, как Керак, не смог бы их организовать. Юпитерианский Совет знал это, иначе Кераку ни за что бы не позволили вернуться.

Керак ускорил шаг на изнуряющей жаре.

На вершине горы было прохладнее. С этого места ему открывался вид на оба города, древний и новый. Вдалеке на юге раздавался грохот экскаваторов в Желтых горах.

Он терпеливо дожидался пролета Кам-птиц над

пещерами, вызывающего колебания почвы от мартынного сотрясения.

Когда птицы исчезли, Керак с уверенной улыбкой поднял флейту и сыграл те же самые ноты, что птицы посыпали с небес. Десять нот — коротких, жалостливых. За ними следовали шесть длинных сладкоголосых аккордов, а затем более низкие и настойчивые ноты — призыв, не терпящий отлагательств. Снова и снова он играл ночному ветру.

Горы отклинулись на его песнь. Но отзыв был слабым и тусклым, как последняя утренняя звезда.

Отродья Тьмы ответили сотрясением почвы. Но Керак знал, что они не осмелятся вылезти на ненавистный солнцепек.

Они слышали его песнь, и она их возбудила. В какой-то степени это обнадеживало. Он будет упражняться, снова и снова прислушиваться к Кам-птицам, запечатлевать их мелодии в своей памяти, делая свои интерпретации более выразительными, призывными. А потом, когда настанет ночь...

* * *

В сумерках Керак расположился поближе к подножию гор. Он играл музыку, доверяя ее ветерку, порхавшему среди черных стен и подземелий, в которых засели твари, таращась на него.

Твари внимали музыке, и она подталкивала их. Они медленно выползали, ставя мокрые ступни на камни, неуклюже жестикулировали, издавая циклические стоны.

Керак бежал, чтобы занять новую позицию. Твари медленно выползали, завороженные принесен-

ной ветром мелодией, по узким лощинам и малым утесам.

— Идите, братья мои! — яростно кричал Керак. — Идите, убейте юпитерианцев. — Он играл дьявольскую мелодию, которая взметалась стрелою к звездам, сотрясая их орбиты.

Керак спускался по крутым склонам предгорий; взбудораженные полчища настороженно прислушивались к его музыке. И тут из юпитерианского города налетал разящий шквал ветра, принося другую музыку. Юпитерианскую. Каркающую, сводящую с ума симфонию.

Она пожирала до обидного слабую песнь Керака, кулачищами грохота молотила Тварей Тьмы, заставляя их отступать с воем в пещеры, в горы, в адский мрак.

Керак опешил и стоял, обескураженный чудовищной юпитерианской музыкой, пожиравшей воздух, которым он дышал. Музыка, порожденная аудиовышками города, процветала за счет восточного ветра, отдавалась эхом, требовала внимания. Требовала и получала.

Керак убрал флейту. На его лице простили письмена поражения. Его последняя надежда, последний замысел разбили вдребезги ветер востока и музыка Юпитера.

Он постоял немного на ветру, который трепал полы его накидки и швырял в глаза песок.

Ветер.

Ветер?

Керак обернулся, воспрянув от нового решения, навеянного ветром. Он побежал, отталкиваясь то от одной скалы, то от другой, борясь с ветром, возвращаясь в город Юпитера. В последний раз.

* * *

Керак спешил по узким улицам, раздумывая над своей задачей. Ее нельзя было решить без решительных действий. Придется вести себя мирно, психологически естественно, чтобы на него не пало подозрение, а потом уже будет слишком поздно.

Массивный двадцатиколесный рудовоз, шипя, притормозил на улице. Мясистый юпитерианец, человек-утес, выпрыгнул из кабины, громогласно горлани:

— Эй, марсианин!

Оказалось, это Брондар, возвращающийся с работы в Южных горах. Но он улыбался.

Его синяя ручища молниеносно схватила Керака за куртку.

— Я обыскался тебя с тех пор, как ты сбежал. Ты мне нужен, и твоя флейта в придачу. Идем.

Он зашагал прочь, волоча за собой Керака по ухабистой уличке.

— Отпусти меня, — гневно требовал Керак. — Я под надзором юпитерианского правительства.

— Под надзором? — Гомерический гогот исказил его синюшную физиономию. — Правительства? Здесь нет правительства. Шагай. — И он заставил Керака идти перед собой в полутьме.

— Мы с тобой заработаем деньжат, марсианин, — сказал он. — После твоего побега, сегодня утром в притон зашел начальник аудиобазы. Я рассказал ему про твою музыку. Он заинтересовался. Ему нужен такой человек, как ты. И вот я снова тебя нашел, и я потребую, чтобы аудионачальник хорошенъко заплатил мне за то, что я отыскал тебя и твою флейту! Сворачивай сюда.

Керака запихнули за угол на площади, в центре которой стояло желтоватое здание со словом «АУДИО»,

начертанным большими юпитерианскими письменами над крышей.

Они поднялись по лестнице и вошли в дверь. Внутри за столом совещались шестеро юпитерианцев — возле каждого локтя по бутылке утана, сигареты с оамой в каждом кобальтовом рту. Они повернули к нему безобразные лица. Он понял по знакам различия на их мундирах, что они — высшее руководство местной власти. Они тоже отвечали за уничтожение Марса.

Человек во главе стола вскочил.

— Брондар, — резко сказал он. — Ты помешал совещанию. Что у тебя?

Брондар подтолкнул вперед Керака, помахал своей лапищей собравшимся и сказал:

— Он не сбежал, Граннд. Он будет играть для тебя музыку, как я и обещал. А ты хорошенъко мне заплатишь за то, что я его нашел.

Граннд, невысокий юпитерианец, быстро подошел к Кераку, обшаривая блестящими черными глазками высокую фигуру марсианина в накидке.

— Ты марсианин. — Это было утверждение. — Мне сообщили о тебе с Юпитера, когда ты был сослан. Там ты делал, что тебе хотелось. Здесь же меньше законности и больше предрассудков, и ты будешь делать так, как хочется нам. Говорят, ты хорош. Я, Граннд, буду судить. Играй.

Керак взглянул на Граннда, зная, что он — начальник аудиобазы, здания, из которого транслируются все передачи через аудиовышки на весь город.

Итак, если он, Керак, правильно разыграет свою партию, то юпитерианцы сами же и посодействуют своему уничтожению.

Следующие несколько минут станут решающими. Следующий час ознаменует либо успех, либо

провал всех его замыслов. Он был немного напуган, потому что его большой шанс настал слишком быстро.

Керак сел, притворяясь угрюмым. Достал флейту и принялся извлекать из нее мелодии.

* * *

Мелодия звучала так тихо, и печально, и сладкоголосо, что дымок от *оамы* перестал плавать по комнате, а застыл в воздухе.

Юпитерианские чиновники со щелями вместо глаз оцепенели в различных позах, позабыв про *утану* с *оамой*, подавленные магической силой. Это был музыкальный гипноз. Каждая нота проникала в уши, которые болезненно требовали еще и еще. То была грустная песнь Кам-птиц, в самом замедленном и печальном исполнении.

Когда Керак закончил, он сыграл ее снова, потому что тишина, которая последовала за нею, не воспринималась нервной системой. Он сыграл еще раз, немного быстрее. В комнате стало тихо. Даже Брондар находился под впечатлением и молчал.

Закончив играть во второй раз, Керак не услышал никаких аплодисментов. Во вселенной встречаются чудеса, которым нельзя отдавать дань шумом, а лишь — почтительным молчанием. Это все равно что кричать «Браво!» во время величественной литургии в церкви или хлопать в ладоши при виде грандиозной спиральной туманности.

Стояла тишина.

Брондар смущенно вздрогнул, словно впервые в жизни познал красоту и огорчился по этому поводу. Наконец он чертыхнулся и прикурил сигарету с *оамой*.

Пятеро чиновников вышли из транса, сконфуженно переговариваясь, покурили, подняли и осушили бутылки с выпивкой.

Граннд задумчиво потягивал уттану. Он взглянул на чиновников. Чиновники кивнули. Граннд взглянул на Керака:

— Сыграешь снова, чтобы я сделал аудиозапись.

Керак подавил появившуюся было улыбку. Граннд продолжал вещать.

— Ты хорошо играл. Тебе должно льстить, что я, Граннд, так говорю. — Его речь была такой же короткой, как его рост. Его так и распирало от гордыни. Он ожидал мгновенно услышать «благодарю вас».

Керак нарочно тянул время, погрузившись в свои мысли. Ему не хотелось, чтобы складывалось такое впечатление, будто он горит желанием сотрудничать.

— Я не знаю, — проговорил он медленно. — Раньше я всегда отказывался от звукозаписи.

Глаза Граннда метнули искры.

— Но теперь ты запишешься. Для меня. Сей же час. Немедленно.

— Почему?

— Почему? — Синие щеки Граннда раздулись. — Я, Граннд, буду транслировать твою музыку на Юпитер, передавать ее через аудиовышки по всему Марсу, может быть, на Землю. Ты сочинишь симфонию. Она принесет прибыль. — Его голос звучал твердо. — Иди. Мы сделаем звуковые пробы. Если они будут удачными, мы подпишем контракты.

Граннд направился к двери, ведущей в звукоизолирующую кабину, думая, что Керак следует за ним. Керак не двигался.

Брондару пришлось применить силу.

* * *

Керак стоял перед замысловатыми акустическими приборами. Граннд ругался в лабиринте инструментов в кабине звукозаписи. Юпитерианские чиновники наблюдали за происходящим из застекленной кабины. Брондар находился поблизости, грезя о больших деньгах.

Установили небольшую звуковую бобину. Граннд поднял взгляд.

— По моему сигналу начинаешь играть. Готов? Тишина!

Пауза. Затем сигнал.

Никогда еще за свою жизнь Керак так не играл. Он исполнял мелодию медленно, а затем, при каждом повторе ускорял темп, играл выше и пронзительнее. Он сыграл песню восемь раз, раз за разом все настойчивее. При восьмом исполнении звуки музыки стали настолько высоки, что почти перестали быть слышными. Но песнь звучала неумолимо, ужасающе повелительно.

— Хорошо! — Граннд выключил записывающее устройство. — Ты талантлив. Это принесет много денег.

Керак изумился:

— Что такого интересного ты находишь в моей музыке?

— Интересного? — Радиочиновник похлопал себя по груди. — Она что-то со мной делает... вот здесь.

— Но понравится ли она остальным... работягам?

— Ты же видел, как она действует на пьющих *утану* и курящих *оаму*. Если им нравится, то кому угодно понравится.

— Сомневаюсь. Что-то мне не верится.

Все это жутко надоело Граннду.

— Я докажу.

Он схватил бобину. Перенес на другой прибор, настроил и сказал:

— У нас аудиовышки стоят на каждой улице города.

— Да, я видел их несколько раз.

— Чтобы доказать, как ты талантлив, я прямо сейчас транслирую твою музыку на аудиовышки для работяг и всякого прочего люда.

— И не забудь, — вмешался Брондар, — что это я его нашел.

Граннд нажал на кнопку, бобина завертелась.

— Если хочешь, — сказал он, — можешь выйти наружу и послушать свою песню с уличных аудиовышек.

Керак кивнул и направился к двери в сопровождении Брондара. На ночном воздухе он остановился и улыбнулся. Повернулся к Брондару.

— Пойдем в притон, послушаем? — предложил он.

Брондар хохотнул и согласился.

Керак ощущал, как ветер треплет полы его нацидки.

— Хорошо. Хорошо, — сказал он, когда они зашагали. — Сегодня с востока дует сильный ветер. Восточный ветер.

* * *

Этой ночью из аудиовышек лилась другая музыка. Та же самая, которую Керак еле слышно исполнял на холмах, но теперь уже чудовищно усиленная. Она доносилась из Юпитер-Сити. Ветер востока подхватывал ее, переносил через гряду холмов, как саранчу в наказание за прегрешения, и ронял, словно огромный гипнотический занавес, на черные пещеры.

Через пять минут, по зову музыки, по тропам и расщелинам, по горам и холмам заелозили амебоподобные, бесформенные твари, хлынули вниз нескончаемой лавиной, которая пересекла реку, прохлюпала по шоссе.

Не только Отродья Тьмы оказались завороженными. Каждый юпитерианец в городе стоял в оцепенении, прислушиваясь к волшебной красоте музыки.

Марсotрясение катилось по холмам с нарастающим гулом. Музыка кричала все выше и выше, быстрее и быстрее, безумнее и безумнее, посылая удар за ударом в ночной воздух.

Керак стоял возле черного хода в притон. Брондар — сбоку. Марсotрясение прекратилось по мере приближения Отродий Тьмы, которые каким-то шестым чувством почуяли, что шуметь нельзя.

Весь город замер, и только слышалось внезапное шлепанье чужеродных ступней по узким улочкам на окраинах.

* * *

Керак ждал, готовый моментально пуститься наутек.

Нар, хозяин курительного заведения, был поглощен розливом утаны по бутылям, зачарованно слушая музыку и рокот холмов.

— Марсotрясение, — прорычал он.

Дверь в притон с грохотом распахнулась. В дверном проеме замаячили черные мешковатые создания, зыркая зелеными глазищами. Последовал миг наэлектризованного неверия. В это самое мгновение Керак тихонько юркнул в заднюю дверь.

Нар поднял глаза с бутылей. Его синий лоб наморщился.

— Эй! — вскрикнул он. — Это еще что?

Опрокинулись три стола. Шесть синих рук потянулись за пистолетами. Двое упали в обморок. Двадцать бутылей грохнулись об пол, описывая безумные круги и расплескивая утану по половицам. Брондар выхватил электропистолет и выстрелил.

Отродья Тьмы ввалились навстречу пулям. Пули не берут черное месиво. От электропистолетов никакого толку. Твари прошлепали напролом, живые-невредимые. Они изголодались и отощали.

И получили что хотели.

Керак бегом свернулся в боковой проулок и затаился, переводя дух. Он присел на корточки, тяжело дыша и обливаясь потом от натуги. И на него снизошло великое спокойствие. Треволнения прошли, страхи улетучились. Он был слегка одурманен своей властью. Теперь он направится в другие юпитерианские города на бескрайних голубых равнинах на обратной стороне Марса.

Наконец порыв ветра донес голоса: прохладный воздух раздирали вопли целой армии. Эхо вторило выстрелам. Тысячами. В переулке неподалеку послышался приглушенный топот. Прижатый к стене, Керак понял, что путь к отступлению отрезан. Почему-то ему было не страшно. Он сделал свое дело. Теперь Отродья Тьмы было не остановить. Они покончат со всем и без него.

Спотыкаясь, мимо него с воем бежали юпитерианцы. Они столкнулись с волной, которая перла на них по улице. Они остановились чуть ниже того места, где залег Керак, их обволокла и подмяла под себя и придушила стая Отродьев Тьмы!

Керак откинулся назад, взял флейту и приложил к губам.

Звезды победно сверкали в его глазах.

Он заиграл песнь Кам-птиц.

Жизнь в гигантском городе-осьминоге умирала.
Щупальца отсыхали одно за другим. Гигантские жел-
тые глазищи моргали, тускнели, угасали, оставляя по-
сле себя черноту. Даже музыку убила черная лавина.

Керак продолжал играть до тех пор, пока не почувствовал, как черные туши напирают на него, толстые голодные пальцы хватаются за флейту, за накидку, за горло...

1941

Я, ракета

Если дело пойдет такими темпами, то пройдут столетия, прежде чем меня пожрут ржа и коррозия. Может, больше. А тем временем у меня в запасе уйма дней и ночей на размышления. Нельзя заставить атомы металла прекратить вращение и гудение на своих орбитах. Вот так металл живет своей загадочной жизнью. Вот металл думает.

Я лежу на бесплодном, каменистом плоскогорье, тронутом тут и там хилой сорной травой и сотней-другой сгорбленных деревьев, торчащих из планетоидных скал. Каждое утро на плоскогорье дует ветер. В сумерках идет дождь, а ночью сгущается безмолвие. Все мое существование теперь сводится к тому, что я валяюсь тут с вывороченными двигателями и искореженной носовой обшивкой.

Однако сдается мне, что предначертание моей судьбы еще не исполнилось. Ракетный корабль строят не для того, чтобы он лежал в одиночестве на сурвом сером плато под ветром и дождем. После стольких космических походов не хочется верить в то, что я так бездарно проведу остаток своих дней именно здесь.

Но пока я ржавею и недоумеваю, я могу все это обдумывать. Как же я здесь очутилась, как меня построили...

В свое время я принимала их всех, то есть экипаж, на борт. Я помню, как они были ранены и покалечены центрифугой или разорваны космическими бомбами. Раз или два мои хвостовые двигатели были раздавлены во время жесткой атаки. На моем корпусе не найдется такого листа обшивки, который не пришлось бы приваривать на место по нескольку раз. Нет такого хронометра на моей приборной доске, который не взорвался бы и не был заменен.

Но самое тяжелое — это замена команды у меня во чреве — этих человечков с чумазыми лицами, что бегали, кричали и дрались за глоток воздуха. И всякий раз, когда я неожиданно закладывала вираж во время экспериментов со свободной гравитацией, у них по-троха прилипали к брюшине.

Человечков найти трудно, еще труднее найти им замену после этой, особенно ожесточенной войны миров. Я любила этих человечков, а они любили меня: сдували с меня пылинки, начиная до блеска, как монету, холили, лелеяли. И били. Но за дело.

С самого начала мне хотелось, чтобы от меня была хоть какая-то польза во время дерзких перелетов с Земли на боевые лунные базы — Деймос и Фобос, с которых земляне наносили удары по марсианам.

Процесс моего зарождения на базе, где каркас, обшивку и начинку собирали воедино, проходил в обычных родовых муках. Это я помню смутно, но когда закончили сварку моего корпуса, смонтировали последний трап и пульт управления, ко мне пришло сознание. Сознание металла. Свободный поток наэлектризованных атомов металла стал осмысленным.

Я могла думать и никому не могла об этом поведать.

Я была боевой ракетой. На носу и корме установили космическую артиллерию и обременили меня багровыми боеприпасами. Я начала осознавать свое предназначение с вожделением и даже с некоторым нетерпением.

Нельзя сказать, что я уже ожила. Скорее я была младенцем, наполовину покинувшим утробу, но еще бездыханным, беззвучным, неподвижным. Я ждала шлепка по спине, который придаст мне сил и целеустремленности.

— Поторапливайтесь! Поторапливайтесь! Живее! — командовал много лет назад помощник по вооружению, стоя подле моих открытых воздушных шлюзов. Солнце раскалило мой металл, а члены экипажа сновали взад-вперед в грузовичках на резиновом ходу, перевозя космическую взрывчатку — тетрон. — Нам надо на войну успеть! — вешал помощник.

Люди спешили.

Одновременно с возней в моем грузовом отсеке происходило некое странное действие, именуемое присвоением названия кораблю. Мэр какого-то города разбил бутылку пенистого напитка о мою носовую часть. Репортеры пощелкали фотоаппаратами, и небольшая толпа всплеснула руками, помахала ими немного и опустила, словно осознав, что в общем-то глупо портить хорошее шампанское.

* * *

Вот тогда-то я и увидела в первый раз капитана, храни его Металл. Он бежал по полю. Владыка моей Судьбы, Властелин моей Души. Он понравился мне с первого взгляда — невысокий ростом, выкроенный из жесткой морщинистой коричневой кожи, в которую врезаны зеленые очи, несокрушимые, как алма-

зы. Всякий, кто бы его ослушался, рисковал увидеть оскал его неровных зубов сквозь ротовую щель. Громыхая ботинками, он ворвался в воздушный шлюз, и я поняла: вот он, мой господин! Об этом говорили и жестковатые костяшки пальцев, кисти рук, манера сжимать кулаки и уверенные, отрывистые команды:

— Шевелись! — велел он. — Гоните мэра к чертам собачьим! Очистить стартовую площадку! Герметизировать шлюзы, запереть люки и сваливаем отсюда!

Да, он полюбился мне. Его звали Агнц, как это ни иронично звучит для человека, не имеющего ничего общего с агнцем. Голос капитана Агнца гулко раздавался в моих недрах, и мне нравились его стальные нотки. Не голос, а бронзовый кастет в шелковой оболочке. Текущий, как вода, обжигающий, как кислота.

Меня плотно закупорили. Выдворили мэра вместе с его разбитой вдребезги бутылкой из-под шампанского, которая теперь казалась ребячеством. По всей базе завыли сирены. Экипаж — все двадцать семь душ — работал в моем пищеварительном тракте.

Капитан Агнц крикнул.

Шлепок по спине заставил меня сделать первый вздох, издать первый звук, прийти в первый раз в движение. Агнц стал первотолчком моей жизни.

Я изрыгнула шлейф огня, пыли и воздуха. Застегнутый на молнию по самый острый подбородок, капитан заулююкал, уютно устроившись в противоперегрузочном гамаке. Обливаясь потом, команда раскачивалась, подвешенная в своих гамаках. И тут я перестала быть просто металлом на солнцепеке. Я превратилась в певчую птицу чудовищных размеров. Может, кому-то моя песнь показалась бы неисто-

вым грохотом, но для меня она была пением, громким и долгим.

Впервые я вышла в свет, за пределы ангара и базы.
Увиденное меня поразило.

* * *

Мой первый бросок в космос уподобился отрочеству человека тринадцати-восемнадцати лет от роду, когда в одночасье с ног на голову переворачивается его мировоззрение. Жизнь накатила на меня цельным комом. Все, что мне было суждено испытать в жизни, навалилось на меня, минуя младенчество и ученичество, без раскачки. Страдания усиливались. Я испытывала перегрузки и натиск со всех сторон сразу. Я даже не подозревала, что такие ощущения и впечатления возможны. Надежное, понятное земное притяжение вдруг исчезло, и соперничающие гравитации космоса пытались меня одолеть.

Луна, а после нее — тысяча черных метеоров — проносятся мимо в полной тишине. Неописуемые стремнинны космоса, тяга к звездам и планетам. А потом, когда мои двигатели отключили, я полетела, как говорится, по инерции, не дыша, не пытаясь пошевелиться.

Капитан Агнц сидел в командном отсеке, похрустывая костяшками.

— Корабль что надо. Отменный корабль. Врежем теперь марсианам по первое число.

Молодой человек по имени Конрад сидел подле капитана за спаренным пультом управления.

— Хорошо бы, — сказал он тревожно. — А то ведь в Йорк-Порте нашего возвращения ждет девушка.

Капитан нахмурился:

— Вас обоих? Тебя и Хиллари?

Конрад усмехнулся:

— Нас обоих, летящих в пекло на одном боевом корабле. Так хотя бы я могу следить за этим пьяницей. И буду знать, что он не в Йорк-Порте, пока я набираю ускорение...

По обыкновению, речь капитана Агнца была быстрой и стремительной, как ртуть.

— Космос — неподходящее место для разговоров о любви. Как, впрочем, для любых разговоров. Это все равно что громко смеяться в огромном соборе или пытаться вальсировать под гимны.

— Гляньте-ка — сентименталист, — заметил Конрад.

Агнца передернуло. Он рассердился на самого себя.

— Гляньте-ка — олух царя небесного, — процедил он и принял мерить отсек шажками.

Они стали моей неотъемлемой частью: Агнц, Конрад и экипаж. Словно кровь, пульсирующая в артериях живого тела, словно лейкоциты и бактерии, и жидкость, поддерживающая их существование, как воздух, продувающий мои каморы и попадающий в мое сердце и в мои движители, утоляющий мой разгоревшийся аппетит, не догадываясь о том, что они всего лишь единицы энергии, подобно корпускулам, придающим большой массе — то есть мне — подпитку, жизнь и тягу.

Как и в любом теле, во мне водились микробы. Подрывные элементы. Болезни, а также сторожевые лейкоциты.

Нам всем поручили одно дело. Это мне было известно. А именно: отбивать усиливающиеся атаки на цитадели землян — Фобос и Деймос. Я ощущала ползучее напряжение, нараставшее с каждым днем. Члены экипажа слишком много курили, кусали губы и сквернословили. Впереди нас ждали великие дела.

В моем теле микробы присутствовали в незначительном количестве, но они были опасны, ибо передвигались свободно и беспрепятственно, не вызывая подозрений. Звали их Антон Ларион и Ли Беллок. Я называю их микробами просто потому, что, как и в случае микроскопических организмов в большом теле, их функции заключались в том, чтобы отравить и уничтожить меня. А лучший способ привести меня в негодность — это частичное уничтожение моей алої крови, то есть капитана Агнца или его боевых расчетов. Ларион и Беллок вознамерились их тихо и изощренно отравить.

Самосохранение — вечный и всеобъемлющий инстинкт. Оно свойственно как металлам, так и амебам. Оно свойственно как человеку, так и металлу. Мое му телу угрожало нападение. Удары извне я не опасалась. А вот насчет удара изнутри такой уверенности не было. Внезапное нападение могло убить меня вскоре после моего рождения. Я не одобряла этот замысел.

Я летела сквозь космос к Марсу. Я не могла говорить. Я могла лишь ощущать голосовые вибрации в своем нутре. Голоса Хиллари и Конрада, спорящих о своей женшине по имени Алиса в Йорк-Порте, голос капитана, дающего нагоняй экипажу, когда мы достигли пояса астероидов. И посреди этого потекла тайная ядовитая струя — Ларион и Беллок, — их голоса отскакивали от моего корпуса:

— Беллок, ты знаешь план. Я не хочу, чтобы ты спекся в критический момент.

— Какого черта. Я знаю свое дело. Не волнуйся.

— Ладно. Объясняю. Что касается убийства капитана Агнца, это исключено. Нас двое против всего экипажа — двадцати четырех человек. Я хочу дожить до получения денег, обещанных за эту... работу.

— Тогда остаются... двигатели...

— Я — за, если и ты за. Это боевой корабль. Ради скорости с него сняты запчасти и лишний груз. Часовые мины способны сотворить чудеса с главными двигателями. И когда это случится, у нас хватит времени свалить отсюда подальше в космос?

— Когда?

— Как сменится вахта. Начнется неизбежная в таких случаях неразбериха. Половина экипажа слишком устала, чтобы волноваться, а другая половина только заступила, вялая спросонья.

— Годится. Гм. Но мне в некотором роде очень жаль.

— Чего?

— Добротная новенькая ракета, ни разу не испытанная. Революционная конструкция. Никогда раньше мне не нравилось работать на двигателях, пока я не получил пульт управления на этом драндулете. Не ракета, а конфетка. А двигатели слаще цветочного некоторого. И все это полетит в тартарары, еще не успев себя толком проявить.

— Тебе же за это платят. Чего тебе еще надо?

— Да уж. Мне заплатят. Конечно.

— Тогда заткнись и пошли.

Обыденное кровообращение экипажа по моим артериям привело Лариона и Беллока вниз, на их посты в топливном и двигателем отсеках. Яд попал в мое сердце, дожидаясь своего часа.

Не передать словами, что происходит внутри моего металла. Не найдется таких сравнений и метафор для крутых, заточенных, озлобленных вибраций, пронизывающих безъязыкую *дюрасталь*. Другая кровь внутри меня была еще здорова, непорочна, не испорчена и неутомима.

- Капитан. — Отдание чести.
 - Беллок. — Агнц козырнул в ответ. — Ларион.
 - Капитан.
 - Спускаетесь в отсек? — спросил капитан.
 - Да, сэр.
 - Я спущусь к вам... — Агнц посмотрел на наручные часы. — Скажем, через тридцать минут. Проверим с вами вспомогательные двигатели, Беллок.
 - Есть, сэр.
 - Тогда по местам.
- Беллок и Ларион стали спускаться.

* * *

Агнц стремительно направился в вычислительный отсек переговорить с молодым Айресом, застенчивым, безусым юношем с ниспадающими на глаза волосами, который, казалось, только что выпустился из Семантической школы. В присутствии капитана его розовощекое лицо зарделось. Они словно приходились друг другу дедом и внуком.

Вместе они прозондировали карты звездного неба, а когда закончили, Агнц прошелся из угла в угол, хмурясь и разглядывая носки своих ботинок. Айрес занимался вычислениями.

Постояв, Агнц озабоченно посмотрел в иллюминатор и спустя минуту сказал:

— Как-то, еще совсем маленьким, я стоял на краю Большого каньона и думал, что отныне меня ничем не удивишь... — Пауза. — А теперь я получил свое первое капитанское назначение и... — он тихо захлопал меня по корпусу, — первоклассную красотку ракету под свое командование. — И тут же вопрос Айресу: — Айрес, вы кто?

Огороженный, Айрес захлопал глазами:

— Я, сэр?

Капитан стоял, повернувшись к Айресу крепкой маленькой спиной, проводя смотр звезд, словно небесного воинства, переданного под его начало.

— Да. Какого вы вероисповедания, я хотел спросить, — уточнил он.

— А! — Большим и указательным Айрес потянул себя за правую ушную мочку. — Я был агностиком первого класса. Получил степень или, лучше сказать, был выпущен с понижением из Академии Атеизма.

Капитан, не отрывая глаз, смотрел на звезды.

— Вы сказали «был», Айрес. Вы подчеркнули это слово.

Айрес скривил рот в полуулыбке:

— Точно. Я хотел сказать... Да, сэр. Но это мой первый полет, сэр. Так что это многое меняет.

— Неужели?

— Да, меняет, сэр.

Капитан непринужденно покачался на каблуках.

— Каким образом, Айрес?

— Вам, как и мне, известно одно высказывание.

Старинное высказывание. И мудрое. Оно звучит так: «Баптист — это атеист, слетавший на Луну».

— Это относится и к методистам, и к епископалианцам, и к трясунам.

— Да, сэр.

Капитан издал звук, напоминающий смех:

— Все мы одинаковы. Все до единого, Айрес. Толстокожие богоборцы, честные и порядочные, когда мы у себя в Бруклине и в Вошоки. Достаточно лишить нас земли и притяжения, и мы превращаемся в слезливых детишек без подгузников в долгой черной夜里. Черт побери, да разве найдется сегодня хоть один ненабожный звездолетчик, Айрес!

— А вы набожны, капитан?

Агнц закрыл рот, посмотрел в иллюминатор. Поднял маленькую руку, плавно вытягивая ее вперед:

— История всегда повторяется, Айрес. Первый полет обращает нас в истинную веру. Первый же. Достаточно постоять здесь пятнадцать минут или полчаса и посмотреть на космос, осознавая, что ты ничтожен, как суетливая мошка. Смотришь на эти чертовски прекрасные звезды и ловишь себя на том, что ты грохнулся на колени и ревешь в три ручья. В животе жар, голова кругом. И с тех пор ты навсегда становишься кротким и смиренным.

Агнц неожиданно отвлекся от раздумий, озираясь по сторонам, спустился по лестнице, схватился за поручень и пристально посмотрел на Айреса.

— Вот таким образом, — подчеркнул он, — но учтите: я никогда не засматриваюсь на звезды! Мне надо командовать кораблем... нету на это времени. А если вы поверили во все сказанное мной... катитесь к черту! Мне следовало бы наложить на вас взыскание за расспрашивание старшего по званию!

Агнц гирей канул вниз по поручням.

* * *

Айрес остался сидеть, пытаясь вести вычисления. Через некоторое время он посмотрел вверх на иллюминатор. Его глаза расширились и почернели. Он встал. Прошагал по вычислительному отсеку и остановился, пристально глядя в иллюминатор. Можно было подумать, он слушает музыку. Его губы шевелились.

— Как там сказал капитан? Простоять пятнадцать минут или полчаса? Тоже мне... — Он преклонил колени, коснувшись ими пола. — Да я запросто покажу лучшее время, чем у капитана!

Благородная кровь. Благородный лейкоцит. Благородный Айрес.

Впереди возник Марс, а с ним и первая, по-настоящему мощная гравитационная сила с тех пор, как я покинула Землю, пролетев мимо Луны. Марс замаячил, словно бурое пятно запекшейся крови в пустоте. Масса есть половое влечение космоса, а тяготение — это страстное желание массы, гравитационное либидо гигантского тела — жажда любви ко всем более мелким телам, пересекающим его границы в космосе. Я слышала, как простой народец, обитающий внутри меня, сравнивает планету с пчелиной маткой. С наивысшим притяжением, которого жаждут все более мелкие притяжения и тела. Жестокая блудница, которая спаривается со всеми без разбору, толкая на погибель, пчеломатка, увлекает за собой весь рой. Вот и я теперь часть роя, первая среди многих, летящих следом за мной, предпочитающая зов одного тяготения другому.

Но яд оставался во мне. И не было способа сообщить об этом экипажу капитана Агнца. Время тикало на хронометрах приборной доски и пролетало величественно и незаметно в движении звезд.

Капитан Агнц спустился в машинное отделение, осмотрел мое сердце и вспомогательные двигатели. Он делал резкие замечания и отдавал отрывистые команды, пересыпая свою речь бранными словечками. Затем он вскарабкался по лестницам на камбуз, чего-нибудь перекусить.

Беллок и Ларион остались внизу.

— Первым делом, Беллок, ты проверил спасательные шлюпки?

— Да. Шлюпка номер 3. Я ее подготовил час назад.

— Хорошо. Теперь...

* * *

Кок поставил перед капитаном Агнцем суповую миску. Выпятив губы трубочкой, Агнц всунул в них ложечку и почмокал в знак одобрения.

— Кок?

— Да, сэр? — Кок вытер испачканные маслом руки большим полотенцем.

— Это ты изобрел гравитационную суповую миску и гравитационную ложку?

Кок поглядел на свои ступни.

— Я, сэр.

— Восхитительное изобретение, Кок. Я помню те времена, когда все жидкости на борту ракеты приходилось потягивать из бутылки с соской. Я чувствовал себя сопливым младенцем.

Кок хмыкнул, вернувшись к протиранию посуды.

— Корабельной гравитации не хватало, чтобы притягивать суп, тогда я на досуге придумал гравитационную ложку. Получилось.

Капитан ел молча. Спустя минуту он сказал:

— Наверное, я старею, Кок. Видно, я заболел.

— Капитан!

Агнц раздраженно помахал ложкой.

— Нет, ничего такого. Я хочу сказать, сегодня я что-то расчувствовался. Я чувствую себя... как бы это сказать? Черт возьми, не могу найти нужные слова. Почему ты решил лететь на боевом корабле, Кок?

Кок туго скрутил полотенце.

— У меня с марсианами кое-какие счеты. Три года назад они убили моих родителей.

— Ясно, — сказал капитан.

Беллок и Ларион находились внизу.

Кок посмотрел на своего командира, на его маленькое сосредоточенное коричневатое лицо, кото-

рому на вид можно было дать лет тридцать пять как, впрочем, и сорок, и пятьдесят.

Агнц метнул в него взгляд. Кок сглотнул слюну.

— Прошу прощения.

— Гм?

— Я хотел спросить...

— О чем?..

Беллок. Ларион. Беллок внизу. Ларион карабкается по лестницам, чтобы забрать часовые мины. Марс маячит впереди. Времени мало, в обрез.

В десятке отсеков моего корпуса вычислители, артиллеристы, инженеры, лоцманы, ничего не подозревая, исполняли свои привычные обязанности, пока на камбузе Агнц и Кок вели свой непринужденный разговор. А тем временем Ларион пытался, поднимаясь по лестницам к своим запрятанным часовым минам.

Кок сказал:

— О том, почему вы стали командиром боевого корабля, сэр?

— Я? — фыркнул Агнц, с полдюжины раз наполнив рот едой, прежде чем очень медленно ответить. — Пять лет назад я зашел в питейное заведение «Голубой канал» на Марсе. Я встретил там девушку...

— А-а, понимаю...

— Ни черта ты не понимаешь, кастрюля! До чего же она была хороша, черт возьми! Характер утонченной кошки, и нравы под стать. Искристые волосы, черные, шелковистые, как паутина. Глаза синие, как холодные воды глубокого канала. Я хотел взять ее с собой на Землю. Началась война, меня отзвали и...

— И однажды, — закончил за него Кок, — когда вы поможете закончить войну, вы отправитесь на ее поиски. И когда окажетесь на базе Деймос—Фобос, попытаетесь проникнуть тайком на Марс и похитить ее.

Агнц ел, кивая:

— Ребячество, да?

— Нет, наверное, если она еще ждет.

— Она ждет... если я знаю Ирелу, то ждет.

Айрес в вычислительном отсеке.

Кроваво-красный Марс увеличивается в размерах.
Агнц на камбузе.

Хиллари и Конрад на командном посту №1!

А внизу, где ширится, разрастается и выплескивается в космос моя мощь, я чувствую вибрации Беллокса. А вот — Ларион поднимается по лестнице на склад.

Ларион проходит мимо камбуза.

— Сэр.

Агнц кивает, не отрываясь от еды.

Ларион поднимается в вычислительный отсек, минует его, посвистывая, и задерживается на складе.

Космос содрогается от моего предостережения.

* * *

Мои пушки приводят в готовность, смазывают и налаживают. Боеприпасы доставляют наверх по транспортеру из камеры №5 в орудийную башню №14. Багровые боеприпасы. Экипаж обливается потом, скалит зубы и ругается. Беллок ждет внизу, в машинном зале. Его лицо нервно дергается. Капитан ест. Я несусь сквозь космос. Айрес вычисляет. Беллок ждет. Капитан ест. Космос. Ларион. Часовые мины. Капитан. Беллок. Пушки. Ожидание. Ожидание. Гонка.

Металл моего корпуса корчился от страданий и нагрузок, силился возопить, поведать всем о том, что известно моим отрицательным-положительным полюсам, субатомному сознанию, нейтронным колебаниям.

Но кровь моего тела бурлила сама собой, перетекая из камеры в камеру в пропотевших, засаленных спецовках, в ожидании, с напряженными лицами. Бурлила нервно. Бурлила, пульсировала, клокотала, не догадываясь о том, что вскоре яд разольется по всем отсекам.

А еще девушка по имени Алиса ждала в Йорк-Порте. Осталась память по двум погибшим родителям. На Марсе танцовщица с обворожительными очами еще танцует, наверное, позвякивая серебряными колокольцами на больших пальцах рук. Марс близко. Меня затрясло от гнева, и я отклонилась от курса. Я содрогнулась от фрустрации металла!

Вертелись, крутились мои шестеренки, блестящие сердечные мышцы моей души, нагнетая масло в мои металлические вены. А Беллок сидел внизу и прикуривал одну сигарету от другой.

Я думала об Айресе, о капитане Агнце, о его отрыгистой речи. О том, как Айрес опустился на колени, ощутила то же, что и он. О Хиллари и Конраде, мечтающих о губах одной женщины. О Коке, который озабочился изобретением гравитационной суповой тарелки.

Я думала о пребывающем в ожидании Беллоке.

И о том, что Марс приближается. И о войне, которую я никогда не видела, но только о ней и слышала. Мне хотелось быть причастной к ней. Я хотела попасть на войну вместе с Агнцем, Хиллари и Коком!

Кок убрал тарелку, очищенную капитанской ложкой.

— Добавки?

Агнц покачал головой:

— Нет. Только дольку каких-нибудь фруктов. Скажем, яблока.

Он вытер маленький рот тыльной стороной ладони.

— Ладно, — сказал Кок.

И в этот самый миг что-то зашипело и взорвалось.

Кто-то где-то закричал.

Я знала кто. И где.

А капитан не знал.

— Проклятие! — гаркнул он и в три прыжка вылетел из камбуза. Пытаясь поспеть за ним, Кок выронил суповую кастрюлю.

* * *

Внутри моего тела завыли аварийные сирены. Юное розовощекое лицо Айреса, бившегося над решением параболической задачи в вычислительном отсеке, вздрогнуло, мгновенно охваченное страхом. Он встал и попытался дойти до трапа, но не смог. Ноги не слушались.

Конрад с криком скатился с лестницы. Он исчез в направлении машинного отделения, поглощенный люком в полу.

Хиллари мертвой хваткой вцепился в рычаги управления кораблем, промолвив всего одно слово:

— Алиса...

Кок и капитан первыми примчались в сектор «С».

— Закрыть впускной вентиль! — заорал Агнц.

Кок схватил пухлыми пальцами поблескивающий на стене маховик клапана и повернул его, кряхтя от натуги.

Оглушительный свист оборвался. Пар клубился в моем сердце, плотно обволакивая капитана Агнца и Кока, которых душил кашель. Конрад камнем пролетел вниз по лестнице до самого моего сердца, и пар стал понемногу рассеиваться, когда загудела моя вакуумная вентиляция.

Когда клубы пара развеялись, они увидели Беллока.

Кок прорычал:

— Не нравится мне это! Очень не нравится!

Конрад сказал:

— Как это случилось? Похоже, мгновенная смерть.

Кожистое коричневатое лицо Агнца скривилось.

— Именно мгновенная. Маслопровод взорвался и как стальным хлыстом ударили его по переносице. Если он от этого не умер, то его добило раскаленное масло.

Сокрушенный Беллок не сказал никому ни слова. Кровь хлестала из того места, куда пришелся удар маслопровода — из носа и щеки. Он впал в забытье. С ним было покончено.

Капитан Агнц выругался. Конрад потер щеку дрожащей ладонью.

— Я проверял эти маслопроводы сегодня утром. Они были в порядке. Я не вижу...

Шаги по трапу. Ларион торопливо спускался. Сначала показались его ступни. Он повернулся, чтобы их увидеть.

— Что случилось?..

Когда он узрел распростертого на полу Беллока, его словно ударили под дых. Он побледнел от увиденного, у него отвисла челюсть, и он проговорил упавшим голосом:

— Вы... убили его. Вы... признали о том, что мы задумали... и убили его...

Кок сказал отсутствующим голосом:

— Что?

— Вы убили его, — повторил Ларион. Он рассмеялся. Разинул рот и исторг хохот в помещение, затянутое

паром. Он вдруг заметался по комнате и взлетел вверх по лестнице. — Я вас проучу!

— Хватайте его! — приказал Агнц.

Конрад бросился за Ларионом. Ларион остановился и ударил ногой Конрада. Тот грузно упал и зарычал. Ларион исчез. Конрад с криком вскочил и бросился догонять. Капитан Агнц смотрел, как он удаляется, смотрел, ничего не предпринимая, а лишь наблюдая за происходящим. Он слушал затухающую дробь шагов на уходящих все выше и выше лестницах.

Под ногами Агнца дрожали палуба и корпус.

Кто-то вскрикнул.

Издалека донесся крик Конрада:

— Берегись!

Раздался глухой удар.

Спустя пять минут Конрад спустился по лестнице с часовой миной.

— Хорошо, что маслопровод прорвало, капитан. Это я нашел на складе. Ларион там прятал эту штукку. Он и Беллок...

— А что с Ларионом?

— Он пытался сбежать через воздушный шлюз спасательной шлюпки. Открыл внутреннюю дверь, захлопнул ее, и через мгновение, когда я открыл ту же дверь, меня чуть не убило точно так же...

— Убило?

— Да. Этот дурак, должно быть, открыл внешнюю дверь, когда он еще находился внутри шлюза. Космический вакуум высосал его наружу. Больше мы его не увидим. — Кок слглотнул слюну.

— Странно, что он так себя повел. Он ведь знал, как работает шлюз и какой он опасный. Наверное, случилась какая-то промашка, неисправность или еще что-нибудь...

— Да, — сказал капитан Агнц. — Да.

Через несколько часов они провели церемонию прощания с Беллоком. Отправили его за борт вслед за Ларином. В космос.

Мое тело очистилось. Органический яд был уничтожен.

До Марса было уже рукой подать. Он покраснел. Побагровел.

Через шесть часов нам предстояло вступить в бой.

* * *

Я вкусила войны. Мы — капитан Агнц и его экипаж внутри меня — стали снижаться. И я впервые выставила вперед свои руки, и сомкнула свои мощные пальцы на туловах марсианских кораблей, и разорвала их всех на куски, все пятнадцать штук, что мешали нам сесть на базе Деймос—Фобос. Листы моей обшивки в секторе «F» получили лишь незначительные повреждения.

В космос устремились багровые снаряды — мое рождение, мои отприски из металла, взрывающиеся с силой, сокрушающей все напластования пустоты в вакууме. Я радовалась своим вновь обретенным могучим лапищам и визжала от восторга. Я говорила со звездами на ракетном наречии. База Деймос—Фобос сотрясалась от моего безудержного азарта. Я кромсала марсианские корабли быстрыми уверенными росчерками своих лучевых манипуляторов, а тем временем лихой капитан Агнц управлял моими системами и во все горло изрыгал проклятия.

Я добилась своего. Повзрослела, достигла зрелости. С головой окунулась в войну, месяц за месяцем, требуя еще, еще больше войны.

Однажды юный Айрес с осколком шрапNELи, за-севшим в его легких, поник головою на вычислитель-ный стол, словно собирался читать молитву. Кровь потекла из его полураскрытых губ вместо молитвы. Это напомнило мне о том дне, когда он впервые встал на колени и прошептал: «Да я запросто покажу луч-шее время, чем у капитана!»

Айрес умер.

Конрада тоже убили. И Хиллари принес эту весть в Йорк-Порт девушке, в которую они оба были влю-блены.

Четырнадцать месяцев спустя мы легли на обрат-ный курс. Мы приземлились в Йорк-Порте, завербо-вали людей на вакантные должности и снова старто-вали, проделывая дыры в пустоте. Мы получили от войны что хотели. А потом вдруг в один прекрасный день в космосе воцарилось затишье. Марсиане отсту-пили. Капитан пожал изящными плечами и скомандовал экипажу собраться в вычислительном отсеке:

— Итак, парни, все кончено. Войне конец. Это ваш последний поход на этом милом ракетном корабле. Вы получите увольнительные, как только мы призем-лимся в Йорк-Порте. Если кто-то захочет остаться, то знайте, корабль переоборудуют под грузовое судно. Получите приличные спальные места.

Экипаж забормотал, шаркая ногами и хлопая гла-зами. Капитан сказал:

— Все прошло хорошо. Не стану отрицать. У меня отличный экипаж и красавец корабль. Мы потруди-лись на славу. Сделали что смогли. А теперь все за-кончилось, и настал мир. Мир!

То, как он произнес это слово, что-то да значило.

— Знаете, что это значит? — спросил Агнц. — Оно значит, будем опять напиваться сколько душе угодно. Будем ходить по земле. Позабудем, какими набожны-

ми мы были в космосе. Как мы стали верующими в свой первый же полет. Позабудем, как невесомость выворачивала нам кишки наизнанку. Это многое значит. Это значит, уйдет дружба и славное времечко, когда мы устраивали потасовки на базе Фобос—Деймос.

— Это значит прощание с нашей ракетой.

Парни притихли.

— Я хочу поблагодарить вас. Тебя, Хиллари. И тебя, Кок. Тебя, Айрес, за то, что ты попросился на борт после гибели твоего брата. И вас, Томпсон, МакДональд, Приори. Вот и все. По местам стоять! Готовимся к посадке!

* * *

Нам не устроили торжественного приема после посадки.

Экипаж собрал свои пожитки и покинул корабль. Капитан задержался, обходил меня своими короткими быстрыми шагами. Он ругался вполголоса, кривил свое маленькое коричневатое лицо. А потом и он ушел восвояси.

Отныне я перестала быть боевым кораблем.

Меня битком набивали грузами и гоняли взад-вперед то на Марс, то на Венеру. И так пять лет. Пять долгих лет ничего, кроме паутинного шелка, пеньки, руды, экипажа сокращенного состава и добропорядочных полетов, в которых ничего не происходило. Пять лет!

У меня появился новый капитан, новая, незнакомая команда и непривычное мирное расписание рейсов до звезд и обратно.

Ничего существенного не происходило до 17 июля 2243 года.

В этот день я разбилась об этот необитаемый каменистый планетоид, где завывал ветер и лил дождь, и можно было свихнуться от тишины.

Мой экипаж погиб, и мне суждено лежать на солнцепеке и на холодном ночном ветру, дожидаясь спасения, которое, кажется, уже никогда не придет.

Моя живительная кровь вытекла, умерла, иссякла, стинула. Ракета способна думать, но оживает она, если у нее есть экипаж и капитан. После того как капитан Агнц ушел и не вернулся, я и так живу у времени в долгую.

Я лежала и думала о славных месяцах войны, о ее неистовом могуществе, разнужданном безумии. Я ждала. Я осознавала, насколько нелепо и беспомощно мое пребывание здесь. Словно я исполинское металлическое дитя-недоумок, нуждающийся в присмотре и в бурлящей человеческой крови.

Пока однажды ранним утром, после дождя, я не заприметила в небе серебристую блестку. Она стремительно снижалась... одноместная ракета инспектора, который патрулирует пояс астероидов.

Корабль сел в сотне ярдов от моего безмолвного остова. Из него выбрался невысокий человек.

Он очень медленно поднялся по усыпанному галькой холму, почти как слепой.

Он остановился у моего воздушного шлюза, и я услышала, как он сказал:

— Эй!

* * *

И тут я поняла, кто это стоит: он не сильно постарел с тех пор, как вступил на мой борт, невысокий и худощавый, свитый из медной проволоки, выкроенный из коричневой кожи.

Капитан Агнц.

Сколько лет прошло. Одет в черную форму патрульного. Инспектор астероидов. Он не возится с поклажей. У него опасная работенка. Инспектор. Его губы зашевелились.

— Я слышал, ты исчезла четыре месяца назад, — сказал он мне вполголоса. — Я попросился в инспектора. Я думал... я думал, что мне самому хочется поохотиться на тебя. В память о добрых старых временах.

Его жилистые шейные мышцы напряглись. Он сжал свои маленькие руки в кулаки.

Он отворил мой шлюз, тихонько посмеиваясь, и зашагал быстрыми короткими шагами. Было приятно снова ощущать его прикосновение, слышать, как его отрывистый голос отскакивает от моих стен. Он вскарабкался по трапам на командный пост и стоял там, раскачиваясь, вспоминая те времена, когда мы вместе воевали.

— Айрес!

— Я, сэр!

— Хиллари!

— Я, сэр!

— Кок!

— Я, сэр!

— Конрад!

— Я, сэр!

— Черт! Куда же все запропастились? Куда все подевались? — бушевал Агнц, озираясь по сторонам. — Где же они, черт бы их побрал!

Тишина. Он понял, что не докричится до людей, которые никогда уже не отзовутся, уселся в командирское кресло и разговорился со мной. Он рассказывал мне, чем занимался все эти годы. Работа на износ, сверхурочно, платят прилично.

— Но все не так, как раньше, — признался он мне, — даже не сравнить. Хотя... сдается мне, что скоро начнется новая война. Да. Пожалуй, начнется. — Он отрывисто кивнул. — А что ты скажешь насчет того, чтобы в ней поучаствовать? А? Ты бы спрашивалась, ей-богу!

Я промолчала. Мои нервюры растянулись и заскрипели под палящим солнцем. И только. Я ждала.

— На Венере дела идут паршиво. Колонисты бунтуют. Ты хоть и устарела, но выправка и осанка у тебя что надо. Ты — боец. Можешь снова воевать.

Он не стал задерживаться, а только поведал мне, что будет дальше.

— Мне нужно возвращаться на Землю, привести ремонтную бригаду и запустить тебя на твоих же двигателях на будущей неделе. И да поможет нам Бог! Я снова стану твоим капитаном, и мы еще вытрясем душу из этих венерианцев!

Он отправился назад по моим отсекам, спустился к моему сердцу. Камбуз. Вычислительный центр. Кок. Айрес. Ларион. Беллок. Воспоминания. И вышел через шлюз, и я бы не взяла на себя смелость утверждать, что глаза у него были совсем уж сухими. Похлопал меня по обшивке.

— Если уж начистоту... ты, наверное, единственная, кого я по-настоящему любил...

И улетел в небо.

Вот так я и пролежу здесь еще несколько дней, вздрагивая в ожидании старых добрых времен, чудес и треволнений. Я ненадолго умерла. И капитан опять возник, чтобы вернуть меня к жизни шлепком по спине. На следующей неделе он будет здесь с ремонтниками, и я отправлюсь домой, на Землю, и там они переберут меня от носа до кормы и сверху донизу.

И однажды, в не столь далеком будущем, капитан Агнц притопает в мой воздушный шлюз и прикажет: «Задраить люки!» И мы снова унесемся на войну! На войну! Снова жить и дышать. Двигаться. Капитан Агнц и я, может, и Хиллари с Коком, если удастся их разыскать после стольких лет. На следующей неделе. А пока у меня есть время на размышления.

Я часто задумывалась о синеокой марсианской танцовщице с серебряными колокольцами на пальчиках.

Пожалуй, в глазах капитана Агнца можно было прочитать, какой там оборот принял дело.

Жаль, не могу его спросить.

Но хотя бы мне не придется лежать здесь вечно.
Я перееезжаю... на следующей неделе!

1943

И любоваться фонтанчиками

Морган и Томпсон люто ненавидели друг друга. Они конкурировали, перехватывая друг у друга бизнес-идеи. Допустим, Морган изобрел открывалку для консервных банок. Тогда Томпсон придумывал новую усовершенствованную шестигранную консервную банку, в результате чего открывалка Моргана превращалась в старье. Или, скажем, Томпсон изобрел ракетный порох, а Морган вытаскивал на свет божий антигравитационный корабль, который не нуждался ни в каком другом движителе, кроме горячего воздуха, который имелся в избытке. Таким образом, состязание то разгоралось, то угасало.

Однажды утром доктор Морган (тот, что помоложе) позвонил Томпсону, пребывая в прекрасном расположении духа.

— Алло, алло! — воскликнул он. — Приходите к полудню в кафе «Ракета». Я имею вам сказать пару слов. Да, сэр!

Пожилой доктор Томпсон тоже пребывал в хорошем настроении и принял приглашение. Они встретились.

— Мой дорогой Томпсон!

— Мой дорогой Морган! — С сияющими физиономиями, они похлопали друг друга по спине.

— Морган, похоже, вы сегодня в приподнятом настроении?

— В весьма и весьма приподнятом. Я только что закончил работу над невероятным изобретением.

Томпсон улыбнулся:

— О? Как мило! Мне бы не хотелось бросать тень на ваши труды, молодой человек, но я ТОЖЕ закончил работу над неким аппаратным средством.

— Ваше наверняка и наполовину не дотягивает до моего, — раздраженно заявил Морган.

— Мое вдвое лучше вашего, — сказал Томпсон, самозабвенно поглощая свой салат.

Морган окинул Томпсона злобным взглядом:

— Если бы вы только знали! Мне бы не следовало вам ничего рассказывать, но мое изобретение слишком уж выдающееся, чтобы его утаивать, старый выдуралей! Я сконструировал *машину времени!*

Томпсон чуть не подавился салатом. Он покраснел. Все то время, что понадобилось Томпсону на пережевывание и проглатывание, Морган злорадно хохотал. Томпсон зыркнул на своего соперника.

— Это ерунда! — вскричал он. — Вам бы следовало знать, над чем работаю я!

— Над чем же? — полюбопытствовал Морган, мрачнея.

Томпсон пожал плечами:

— Это секрет. Расскажу вам позже, сын мой.

— Сегодня вечером, — провозгласил Морган, — я отправляюсь в будущее!

Томпсон принял скучающий вид.

— Мое изобретение будет готово к испытаниям через несколько дней. Оно и впрямь отменное.

Морган гневно стукнул кулаком по столу:

— К черту ваше изобретение! Оно никогда не прнесет вам выгоды!

Седые брови Томпсона приподнялись.

— Что вы хотите этим сказать?

Морган самодовольно ухмыльнулся:

— Я отправлюсь на пару дней в будущее и ударю вас ножом в спину, дряхлый грязный стервятник!

Томпсон спросил:

— Это вы серьезно?

— Да, да! Вы двадцать лет действуете мне на нервы.

Теперь я решил вас убить.

— Я смиряюсь перед своей судьбой, — задумчиво сказал Томпсон, — благодаря моей непримиримой философии жизни.

Морган не скрывал разочарования.

— Вы что же, не встревожены? Не собираетесь закатывать истерику, умолять меня на коленях?

Томпсон положил в рот ломтик мяса и стал его задумчиво пережевывать.

— Я только что выгладил брюки.

— За это я нанесу вам пять ударов кинжалом и буду любоваться фонтанчиками крови! — И с этими словами он в гневе выскочил из кафе, изрыгая проклятия.

Томпсон остался сидеть в хмуром раздумье, устало перебирая стариковские мысли.

— Вот ведь молодой идиот, — сказал он.

Солнце четырежды взошло и закатилось. Томпсон то собирал, то разбирал аппаратуру в лаборатории, выставляя оборудование напоказ, чтобы оно бросалось в глаза Моргану.

Поздно вечером в среду Томпсон почувствовал, как кто-то дышит ему в затылок. Это обстоятельство, а еще запах озона и сирени подсказали ему, что у него за спиной Морган в своей машине времени.

— А вот и вы! — сказал Томпсон, поворачиваясь и демонстрируя пустые руки.

— А вот и Вы! — гаркнул Морган, пятикратно вонзая нож в Томпсона.

Томпсон упал с хохотом на пол, который заалел от крови.

— Вы же умираете! — возопил Морган. — Какого черта вы смеетесь?

Томпсон ткнул слабеющими пальцами в аппаратуру, разбросанную по лаборатории.

— Эх вы, умник! Вы воображали, что провернете идеальное убийство, не так ли? — захрипел он.

Морган презрительно ухмыльнулся:

— Идеальнее некуда!

Томпсон задыхался от боли.

— Но последним смеяться буду я! Знаете ли, мое изобретение... тоже машина времени!

— Что?!

— Именно. И когда вы признались в том, что собираетесь меня убить, я отправился в будущее... и нука, догадайтесь, что я там сделал? Ха! Я придушил вас медным проводом и бросил вашу тушу в контейнер с сильной кислотой! Забавно, не правда ли? Остроумно? Ха-ха-ха!

Морган побледнел, схватил стариака за плечи.

— Подождите, не умирайте!!! Постойте!!! Когда... когда вы это сделали?! КОГДА???

Томпсон тихо захрипел:

— Хотите знать, в какой день в будущем я вас убил, чтобы в этот день сбежать из города? О-о, нет! Я вам не скажу. Это может случиться через сутки, через месяц, через год, через десятилетие! Но я появлюсь и убью вас, застигнув врасплох! Ха! Ха!

— Томпсон! Томпсон! — голосил Морган, тряся старика, но тряска лишь ускорила его кончину. Томпсон поперхнулся и скончался, смеясь при том.

И Морган вернулся домой на своей машине времени, недоумевая, глядя в оба, дожидаясь. Все дальнейшие месяцы он продолжал вздрогивать, нервничая все больше и больше. При малейшем шуме он озирался по сторонам. Его аппетит, обычно волчий, испортился. По ночам он плакал в подушку. Непрерывно курил. Брался читать толстые книги, но растерял к ним всякий интерес. Он лишился сна. Лежал, бодрствуя, до рассвета, пристально отслеживая перемещение теней по спальне.

И так в первотрепке, в судорогах, не смыкая глаз, терзаясь сомнениями, в ожидании он протянул сорок долгих лет.

Томпсон так и не явился.

И уязвленный, иссохший Морган на смертном одре похолодел от ужаса, когда его осенило, как же поиздевался над ним этот ПОДЛЫЙ ОБМАНЩИК — ТОМПСОН!!!

1943

Вскрытие

(*Вернись, убийца!*)

Глава 1

ПОДРУЖКА РИКИ ВОЛЬФА

Если вам не доводилось присутствовать при вскрытии, то вот, значит, как это делается. Тело разрезают посередине. Не до конца, а так, чтобы просматривалось все от ключиц до почек. Когда лоскуты плоти оттягивают назад сверкающими хирургическими зажимами, открытые таким образом для всеобщего обозрения органы подвергаются внимательному осмотру, прежде чем их вырежут, мастерски орудуя скальпелем. После чего их откладывают в сторону для химического анализа. Мозг извлекается из своего вместилища простым разрезанием черепа по окружности выше ушей.

Если вы преступник, то вы удостаиваетесь особого внимания. Ваши внутренности ничем особенным не отличаются от других, но доктора начеку: вдруг в один прекрасный день они обнаружат тело преступника без сердца.

Сегодня утром в нашу лабораторию принесли любопытный случай — труп некоего Джона Бргмана. У него на груди и в тазовой части небольшие синие татуировки. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не татуировки, а пулевые отверстия.

Я бы хотел поделиться с вами историей Джона Бргмана в том виде, в котором она дошла до меня — на прозекторском столе, плоская, холодная и обна-

женная. Она не сахар, а карболка и цианид. Сердце, колотящееся, как пистолет-пулемет Томсона, все быстрее, быстрее, быстрее, пока... сами знаете...

У него были объемистые легкие и крепкие мышцы. В его грудной клетке заключались губчатые мешки, которые всасывали воздух мира сего, и это им пришлось по нутру. Судя по телосложению, он был родом из небольшого города, где эти легкие выросли и расправились. Потом видно, где умерли его отец и мать, а где у него появился младший брат, от которого было мало толку. Видно, где они переехали к тетке и дяде, которые их недолюбливали. И видно, где дядя заставлял слишком юного Джонни Бргмана слишком много работать. На угольной шахте. Пятна в легких Джонни Бргмана все расскажут вам о тех годах.

Затем смотрим на холодный неподвижный желудок и видим, куда голод приложил свою калечашую руку. Прямо здесь. Видно?

А если взглянуть пристальнее и поглубже в холодный извилистый мозг, то мы увидим, как разрастается ненависть, недоумение и нужда Джонни Бргмана, превращаясь в нечто вроде опухоли, гнойника. В его мозгу мы найдем...

* * *

Бргман стоял на углу запыленного городишко, глядя, как кузнечики застилают знайное голубое небо словно занавесом.

Банк находился по ту сторону улицы. Перед ним торчал угнанный автомобиль с работающим мотором. Он собственноручно припарковал его и пересек разогретый асфальт, чтобы встать на углу и ждать, обливаясь потом, сознавать, что его ожидало нечто желанное.

Он не знал наверняка, что именно. Может, банк? Может, оружие, власть, опасность и... что-то еще.

Кожаное гнездо под мышкой обременял пистолет.

Он долго чего-то жаждал. Чего? Что ему было нужно?

Мимо медленной походкой, задумчиво прогуливаясь женщина. Ее взгляд прошел сквозь него, метнулся в сторону и снова скользнул по нему, дабы превратить его в мужчину с головы до пят, и ее губы шевельнулись, словно она знала, что у него на уме. Брогман неловко слглотнул слюну, пытаясь отвести взгляд.

Она стояла, прищурив глаза. Затем эта женщина с глазами янтарного металла, способными пленять и подчинять страсти, медленно повернулась, размеренно переставляя ноги, и удалилась, распустив на затылке длинные огненные волосы. Мыши в желудке Бргмана улеглись, подобно припавшим к земле животным. Он зашагал. Пересек извилистую улицу, поднялся на высокий бордюр. Настороженно навострил большие уши. Вон там... мотор автомобиля все еще урчал под капотом. Теперь — в прохладную пещеру банка. Холодные мраморные покои. Сверкающие клетки с одомашненными животными и отменными зелеными деньгами под их бледными прирученными пальцами.

Заскорузлой рукой Бргман поднял мертвую массу пистолета.

С этого момента все задвигались заторможенно, плавно, как в замедленной съемке под водой. Его и так от природы бледное лицо постепенно побелело. Маленькая кассирша медлительно дотянулась до зеленых денежных пластов, неспешно их взяла и стала неторопливо протягивать, а они, до исступления невесомые, еле-еле упали в ладонь Бргмана. Он сунул деньги в карман. Все, кажется, заняло минуты три.

Затем события замелькали с утробенной быстротой. Сигнал тревоги, словно выброс адреналина, все за-крутил кувырком. Раскаты сирены угрожающе отска-кивали от мраморных утесов.

Брограман бежал по каменной глади. Поднялся крик. Когда он вылетел на дневной свет, солнце ослепило его, и перед глазами поднялся знойный вихрь.

Он не знал, солнце ли было тому виной, но когда он рванул дверцу машины, то отпрянул разинув рот.

Она поджидала его в машине.

Женщина с волосами, подобными длинному языку пламени, и глазами цвета желтого металла, которая прошла мимо несколько минут назад, взгляделась в него, раскусила его и решила не останавливаться. Ее жесткие пальцы вцепились в руль так, что костяшки побелели.

Придя в себя, он обошел машину и сел на сиденье, тыкая пистолетом.

— Вылезай!

— Нет, — сказала она непринужденно и твердо.

Он ткнул пистолетом в ее белую блузку.

— Вылезай, говорю тебе!

В ответ она переключила скорость и вдавила педаль акселератора в пол, сорвав машину с места под визг резины. Не успел он опомниться, как она разогнала машину до семидесяти миль в час. Перед его глазами замельтешили деревья, дорожные знаки, здания, и над всем этим господствовал ее голос:

— Поведу я! Куда захочешь! Я поведу!

Его высокие скулы залились краской. Он оглянулся на исчезающую главную улицу.

— Езжай побыстрее. Только и всего. На шоссе номер сорок три.

— Не глупи, — огрызнулась она. — Попадем прямиком на кладбище. Я тебя повезу своей дорогой.

Я этот чертов городишко вдоль и поперек знаю словно книжку.

Он поймал себя на том, что его колотит дрожь. Ему пришлось вцепиться в свои колени, согнуться, чтобы унять боль в желудке, будто от выстрела.

— Что с тобой? — сказала она. — Тебя подстrelili?

— Нет. — Он выпрямился. — Я в порядке. Мне по-мерещилось. Желудок. Как жгучая дыра. Бrr.

* * *

Затем, по мере того как они накатали много миль, он умолк, лелея свою боль. Однажды, подняв глаза, он увидел ее резкий профиль на фоне бегущего горизонта, зеленых деревьев, ярких бензоколонок. Ее губы были до непреклонности сжаты и жестки, как и ровные зубы, которые их подпирали. Поразительнее всего были ее глаза, словно позаимствованные у дикой кошки и пересаженные на ее ужасающее белое лицо. Они ей не принадлежали. Как и весь этот огонь на ее голове, ниспадающий на плечи непослушными, разных оттенков, прядями, зачесанными за почти мужские уши.

Минут через пять она сказала:

— Они нас потеряли.

Она не сбавляла скорость в знойной пустыне.

— Сколько денег добыл?

Он пересчитал.

— Семьсот.

— Семечки.

Он заметил, как напряглись упругие мышцы на ее лодыжке, выжимая из машины все больше миль. Медленно взглядом голубых глаз он коснулся изгиба ее ноги, поднялся по ее коричневой шерстяной юбке до

маленьких грудей и открытому вырезу в белой блузке, в котором было видно, как по горлу связки перекатываются жестко, но красиво.

— Останови машину, — сказал он тихо.

Она не удостоила его ответом.

— Да кто ты вообще такая, — запальчиво потребовал он ответа, — чтобы перебегать мне дорогу?! Это моя работа!

— Теперь уже — наша. — Она метнула в него стальной взгляд. — Ну, какой из тебя убийца. Я же знаю. У тебя на лице написано. Для убийства у тебя глаза слишком вытаращены.

— Останови машину.

Остановившись, она смотрела строго перед собой.

— Я вхожу в дело, — сказала она, обращаясь к дороге. — Я ушла из дела ненадолго, но теперь я снова в деле.

Он отвернул ее от руля к себе.

— Да уж, ты в деле.

Он поцеловал ее, причинив боль им обоим. Мир испарился. Если бы завыла сирена или грохнул выстрел, они бы не услышали. Остались только ее упрямый рот, которым она цинично перемалывала его губы.

Она отпрянула, гневно сверкнув глазами и на мгновение изумленная.

— Никогда так больше не делай, — оповестила она его ровным голосом. Она снова заставила колеса взреветь. — Это мне решать. Понял, *ты*? Отныне заруби себе на носу!

Настал его черед изумляться.

— Ладно, ладно, — сказал он.

Ветер пустыни врывался в окна, опаляя их зноем.

Она остановила машину на небольшой грунтовой дороге, освещенной звездами, луной и огнями ранчо, маячившими у подножия холмов.

Она выскользнула из машины, шелестя подошвами по сухим прядям сорной травы.

Он сказал:

— Почему ты сегодня забралась в мою машину?

Ответ она держала наготове:

— Ты ехал прямо в морг, а я отправила тебя в объезд. Тебе нужно учиться. Ходить, говорить, держать пистолет. Ты сегодня смахивал на мальчишку в очереди за грошовым билетиком в кино.

— Да...

— Я еще не закончила. Помнишь Рики Вольфа?

— Еще бы!

— Я была с ним, — сказала она. — Пять лет.

Имя Рики Вольфа громыхнуло, как удар молота. Рики Вольф — легенда, материальный бандит. Никому не удалось доказать его вину. Он не знал меры ни в джине, ни в крови.

Она стояла и рассказывала о нем.

— Шесть недель назад его убили. В Айове. Тело бросили в реку. Единственное, что указывало на то, что это был он, — его бумажник. У них не было отпечатков его пальцев. — Она тяжело задышала. — Вот я и поехала снова на запад, в Калифорнию. Затаилась, поработав официанткой...

— Потом объявился я.

— Да. Как только я тебя заприметила, я поняла, что тебе нужен наставник, а не то окочуришься раньше времени. Рики был не такой. Когда он мне по-встречался, он уже был натасканный. А мне всегда хотелось обезжать новичков.

Она повернулась к нему:

— Твоя жизнь чего-то стоит, пока с тобой рядом достойная женщина. Если она взбалмошная, распущенная, капризная, глазом не успеешь моргнуть, как окажешься в морге. Она не даст тебе трезво мыс-

лить. — Она продемонстрировала ему свои крепкие белые пальцы. — Для кошки мои ногти коротко стрижены. Я не исцарапаю тебе спину. Так что... тебе решать. Умереть сегодня или через четыре года?

— Вот, значит, как у вас заведено?

— Именно так.

У него вдруг случился срыв. Сам не зная почему, он трепетно заключил ее в свои объятия.

— Я рад, что ты пришла. Мне бы не хотелось провести эту ночь в одиночку.

Она поцеловала его, почти неуклюже, и ему показалось, что ощутил ее дрожь глубоко внутри.

Затем она отвесила ему пару сильных оплеух.

— Поцелуй — за одно! Пощечина — за другое! Ты мужчина, а не малое дитя! Запомни: если хочешь остаться со мной, повзрослей!

Он перестал трястись.

В его ноздрях явственно возник теплый чистый запах ее тела, не испорченный дешевенькими духами.

Он дождался, пока она сделает первый шаг.

— Я уже не дитя... — сказал он.

Их ступни зашуршили по сухому песку.

Глава 2

БОСС ЛОС-АНДЖЕЛЕСА

Его разыскивали. Впервые в его жизни за ним по настояющему охотились. Те же люди, которые вытолкнули его в трущобы, уморили голодом его родителей, обрекли его на угольные шахты, отказывали ему в грошах на кофе, теперь пришли в ужас от его существования, забеспокоились о его благополучии и о том, что он собирался предпринимать каждый день.

Гневными, резкими движениями Бргман разорвал утреннюю газету вдоль, поперек и опять вдоль.

Джулия поставила дымящийся кофейник на стол в номере мотеля и повелела ему:

— Выпей. И перестань читать газеты. Они врут, как дышат.

Он оглядел свои большие загорелые руки и пистолет, поблескивающий на синей скатерти.

— Ради бога, Джулия. Я же не преступник. Я человек.

— Конечно. Мы оба люди. Сам понимаешь, самосохранение.

Он научился ходить солидно, выпрямившись, втянув живот. Она научила его быстрее говорить, стремительно, самым безопасным способом выхватывать пистолет, ближе прижимать пистолет к телу, чтобы его заметили лишь несколько человек. Она могла бы книгу написать про банки. Она написала эту книгу на своем языке для него. Существовали приемы ударов по нервам острым, как нож, ребром ладони, чтобы вырубить человека, как пистолетом... она показывала ему, как это делается. На верхней губе у него появились светлые усы. На затылке отросли русые волосы, причем так, как приказала она.

По большей части они занимались актерством и репетировали.

Во сне ее чеканный голос опять и опять наставлял его:

— Нет, нет, Джонни! Не так, а вот так!

В тот день, когда Джулия купила новый автомобиль и отправилась в Викторвиль, Бргман, обливаясь потом в комнатушке два на четыре, копался в ее дорожном саквояже, вытаскивая носовые платки, помаду, пачку фотографий.

Высыпав снимки из конверта, он разложил их рядом под солнцем на покрывале. Ему понадобилась минута, чтобы осознать, что он видит.

Сначала показалось, что на фото изображен он.

Вот он стоит возле седана в темном костюме. Было нечто в черном сукне, облачающем его длинные, мускулистые конечности. Что-то такое в осанке наводило на размышления. А этот снимок. Он. Почти. В походных брюках, на непокорную шевелюру нахлобучена помятая шляпа. И последний снимок — Джуллия обнимает мужчину, который и не похож на Джонни Бргмана и вместе с тем похож.

Он был ошеломлен, словно его тело оказалось одновременно в двух местах.

— Черт возьми, — прошептал он.

Спустя несколько минут, пока он все еще разглядывал фото, дверь распахнулась. Резкий силуэт Джуллии стоял в квадрате солнечного света. На ее лице едва дрогнули мускулы, выдав удивление. Затем она захлопнула дверь, упервшись рукой в бок.

— Узнаешь себя?

— Это не я.

— Достаточно похоже на тебя, чтобы стоить сотню тысяч, если быстро провернуть дельце. Миллион — если продержаться пару лет. Эти фотки были сделаны, когда ты был боссом Лос-Анджелеса, и если не заключивал по двадцать тысяч в месяц, то считалось, что дела идут очень плохо.

Он сидел в ожидании.

Она медленно вышла вперед, с глазами, исполненными странного резкого света. Ее голос походил на распевную молитву:

— Рики Вольф больше не мертв. Он восстал из могилы, в этой самой комнате, здесь, сидит и сам об

этом не догадывается. Он возвращается. Возвращается в Лос-Анджелес, чтобы снова стать боссом. — Она посмотрела на черты его лица, и ее глаза загорелись янтарем. — Что скажешь, *Рики Вольф*?

До него все дошло. Дошел смысл ее слов, который был как тычок в зубы. Он отшатнулся и закричал:

— Я знаю, что у тебя на уме, и это не пройдет!

— Пройдет. Должно пройти!

— Людей не облапошишь! Такое бывает во сне, в книжках. Никто не поверит, что я — это он. Я не похож на него! Нам это с рук не сойдет. Такого не бывает!

— Бывает, Рики Вольф, бывает!

— Черта с два бывает. — Он привстал.

Она трижды сильно отхлестала его по щекам. Ее губы дрожали, глаза почти обезумели.

— Бывает. С нами!

* * *

Новый темный костюм сидел как пересаженная кожа. С одной стороны костюм слегка выпирал: так носил пистолет Рики Вольф. Высокие каблуки прибавляли Бромгману роста. Он научился говорить, слегка шепелявя, пожевывать сигару, но Джулли он сказал:

— Говорю же тебе, ничего не получится. Я не похож на него. Только на мгновение, при тусклом освещении, если бросить мимолетный взгляд. Ты свихнулась. Хочешь убить нас обоих!

— Заткнись! — прошипела она. — А не то я начну убивать прямо сейчас.

Он яростно стискивал зубами сигару.

Нужно было усвоить перечень фактов, имен и алиби, которыми Джуллия пичкала его. Листки опадали с календаря, как при сильном ветре. Затем однажды

Джулия подняла кружку пива, желтого, как ее глаза, и сказала подобревшим голосом:

— Завтра — великий день. Лос-Анджелес, мы идем. — Она пригубила пиво. — Каково быть Рики Вольфом?

Его рука задрожала. Он посмотрел на искаженное отражение своего лица в коричневой полупустой бутылке. Сигара. Усы. Ему хотелось выпалить: «Это не сработает. Такими старыми трюками никого не преведешь». Но ее взгляд, раскаленный, как расплавленное золото, заставил его промолчать.

Она заговорила, почти что про себя:

— Не знаю, на что это было похоже в тот день, в банке. Ты стоял. И что-то в твоей осанке, в лице напоминало Рики, только в немного другой, новой упаковке. Боже, как меня передернуло!

Он подумал, что это было бы красивым жестом — он звякнул свою кружку об ее кружку.

— Давай выпьем за нашу новую жизнь... вместе.

Она вознегодовала.

— Нет! — взорвалась она. — Это я должна говорить такие вещи. Сколько можно повторять!

Глядя на нее, силясь понять, что происходило под ее рыжей шевелюрой, он покорно выпил свое пиво.

* * *

Наверное, хорошо, что всю дорогу до Лос-Анджелеса машину вела она. Денек так и просился на открытку. Она давила на скорость, не снижая, когда это было безопасно. Ее волосы разевались, как алое знамя... Они свернули на углу Спринг-стрит и Третьей, припарковались и направились в букмекерскую контору — два темных костюма отражались в

витринах магазинов. Он ничего не понимал. Это было безумием, но ему нравилось.

Брограман знал это место по язвительным описаниям Джуллии. Огромный, тускло освещенный магазин, пропахший ветхими макулатурными журналами и старинными книгами, сложенными в затхлые пирамиды. В полумраке слоняются люди, в двадцати проходах и на сотнях столов трезвонят телефоны.

В этом пропыленном заведении, где хилые оголенные лампочки свисали с высоких потолков, крупнейший беговой тотализатор Лос-Анджелеса прятал свои прибыли и заманивал простаков.

Врата ада. Брограман чувствовал, как колотится его сердце. Что, если он забудет цифры и факты, имена и слова...

Джулия втолкнула его внутрь. Понадобилось время, чтобы глаза привыкли к темноте после солнечного света. Лица расплывались в сумраке, и его жесткие каблуки гремели словно костяшки. Он следовал за угрюмой рыжеволосой женщиной походкой враскачу.

Многие сидящие мужчины встрепенулись, многие читающие оторвались от чтения, многие говорящие придержали языки за зубами, многие курильщики раздавили окурки. Все напоминало бросок бульдожника в стоячий пруд и расходящиеся туда-обратно круги.

— Рики! Боже мой, парни! Это он!

— Рики?

— Померещилось!

Зашумели заерзавшие тела, заметались тени, а потом один голос отчетливо произнес:

— Это не Рики Вольф. — И повторил: — Это не Рики. Сказано было категорично.

Брограман ощущал, как пистолет выскользнул из его руки, как напуганное животное. Его дыхание свисте-

ло в ноздрях. В воцарившейся тишине он встал как вкопанный, и раздавалось только цоканье высоких каблуков Джулии на дощатом полу, которое тоже медленно, словно застыв от страха, прекратилось.

Брограман обернулся. Из тени выскользнул парень, чересчур хорошо одетый для своего положения. Вытянутое белое лошадиное лицо, лоснящееся от пота, и усталые глаза с красными кругами. Редеющие волосы. Его черты тотчас отзывались в памяти Брограмана. Мерритт. По описаниям Джулии. Мерритт из старых добрых времен. Подручный Рики. Ревнивый субъект. Мерритт. Имя всплыло.

Что-то приступило в выражении глаз Джулии. Почти страх. Он был ей не к лицу. Неуместен. Заблудилась. Заблудилась и плачет в темноте. Ее рука неопределенно шарила по черной сумочке.

Брограман знал, что это бесполезно. Совершенно без толку.

— Правильно, — согласился еще кто-то. — И вовсе это не Рики. — Голос прозвучал изумленно, странно, разочарованно.

Мерритт сказал:

— К чему ты клонишь, умник? Ты и эта рыженькая?

Брограман стиснул челюсти.

— Нет, — признал он непринужденно. — Нет. Я не Рики.

Он услышал вздох Джулии и продолжал:

— Я не Рики Вольф. Вовсе нет. С какой стати мне быть Рики Вольфом? Я — это я. Собственной персоной! Ты, ты, Мерритт, не разменивайся на мелочи!

Темнота начала расплыватьсь. Всех заворожил голос Брограмана.

— Такими старыми уловками нас не проведешь, — быстро ответил Мерритт. — Вы что, дети малые, что так себя ведете?

Брограман выхватил пистолет: ведь темнота сгущалась, перед ним стоял Мерритт, а остальные ждали. Он ругнулся, собрался с духом и трижды выстрелил.

Мерритт сложился пополам, впитывая в себя пули любопытствующими, вбирающими, помогающими пальцами. Он, задыхаясь, упал плашмя на спину.

— Рики! — раздался голос Джуллии. Он заметил проблеск разинутых металлических челюстей ее сумочки. Ее рука в перчатке закопошилась, как белая белка, и вытащила иссиня-черный пистолетик.

— Я в деле! — сказал Брограман. В его словах прозвучала властная сила. Он как бы возвысился над самим собой. Казалось, костюм стал сидеть на нем лучше. Все остальные по-прежнему стояли, уставившись на его лицо, словно узрели дьявола и не могут удратить.

* * *

Брограман запомнил все лица. Имена, данные, цифры, факты, сообщенные Джуллией. Вот. Одно лицо. Красное, разъевшееся. Из рта разит пивом.

— Келли! — выпалил он, взмахнув пистолетом. — Ты знаешь свое дело. Избавься от трупа!

— Есть, Босс! — Келли задвигал своим обвислым брюхом, мясистыми плечами и руками.

Брограман оглянулся по сторонам:

— Родс, помоги ему. Подгони свою машину в переулок. Пошевеливайся.

Родс стоял в нерешительности.

— Ну? — спросил Брограман.

— Я мигом, — засуетился Родс, — я мигом, Босс.

Остальные тени поочередно, одна за другой, обретали очертания людей. Кто-то схватил Меррит-

та за ноги, кто-то за руки. Послышалось шарканье бегущих ног в недрах конторы, команды, чертыханье.

Пусть бегают, чтобы времени не было размышлять, сходить с ума, думал Бргман. Пусть остаются взвинченными, пусть их взоры будут прикованы к чему-нибудь другому, тогда сможешь обводить их вокруг пальца, дурить им голову.

Минуты не прошло, как тело исчезло через черный ход в переулке. Снаружи взревела машина. У входа в магазин собралась кучка людей.

— Разгоните их! — Бргман взмахнул пистолетом в воздухе. — Сэмми, займись, — сказал он одному из них. Сэмми с пистолетом в руках выбежал через заднюю контору. Остальным Бргман сделал короткое внушение: — Если кто-то хочет отвалить, пусть отваливает сейчас. Если я кому-то не по нраву, пусть скажет. Я — в деле.

С заднего двора пришел Келли, шумно дыша и вытирая пот с огромного розового лица.

— Всё в порядке, Рики. — Он прикусил язык. — Я хотел сказать... — И запнулся в поисках имени.

Бргман ему подсказал:

— Если нравится, зови и меня Рики.

Келли понравилось. Он оскалил зубы.

— О'кей... Рики. Мы же всегда ладили. — Он замялся. — Ну, почти всегда. — И замолк.

Через минуту нагрянет полиция. Бргман покачал головой. Он, Джуллия и Келли прошли в заднюю контору с двумя другими парнями. Прежде чем закрыть дверь, он ткнул пальцем в юношу по имени Найт.

— Копам скажешь, что это ложная тревога. Ничего не случилось. Ты ничего не знаешь.

Он громко хлопнул дверью. Руки у него задрожали, так что пришлось их спрятать в карманы.

Вцепившись в сумочку, Джулия все это время наблюдала за ним, за его лицом.

— Это случилось, — сказала она. — Это случилось, когда ты застрелил Мерритта.

— Что? — спросил он.

Она не ответила. За нее все сказало треснутое зеркало на засаленной стене. Он увидел в нем свои глаза и содрогнулся.

Из прошлого донеслись слова Джулии: «Ну, какой из тебя убийца. У тебя же все на лице написано. Для убийства у тебя глаза слишком вытаращены».

Теперь же в зеркале его глаза сузились до суровых щелей.

Может, Рики Вольфом можно стать разными способами. Может, внешнее сходство излишне. Зато можно действовать подобно ему. Всё решают дерзость и глаза.

Он оторвал глаза от собственного отражения.

— Пошевеливайтесь. В Брентвуде мой дом, с бассейном, так, Джулия?

— Конечно, — сказала она. — Так и есть.

— Тогда поехали. И ты, Келли. И вы, парни. У нас полно дел.

— Да, Босс.

Эти слова дорогого стоили: Да, Босс.

Они вышли все вместе.

Глава 3

ОРУЖИЕ — ЭТО НЕМОДНО

Дом в Брентвуде был большой и солидный. По невнимательности можно было угодить в бассейн. Зеркальные двери ванных комнат сверкали.

Прогуливаясь по огромному саду, окружавшему дом, Бргман соображал, как все происходило: Меррингт не пользовался популярностью. Место Рики освободилось. Меррингт был не в счет. Спустя несколько недель после гибели Рики лавочка еще не закрылась.

Так что многим ребятам хотелось, чтобы Рики вернулся. Когда людям чего-то очень хочется, они это получают. Даже если приходится тешить себя фантазиями. Так что Бргман занял вакантное место. Он был весьма близок к оригиналу, поэтому они превратили его в некий дубликат старого босса. Прямо как в учебнике по психологии. Пусть мозгоправы разбираются в инстинктах толпы, в инстинкте лидерства, в потребности возвести кого-то на пьедестал.

...Какого черта! Он теперь в деле. Вот что важно. Как бы там психиатр ни объяснял... принятие желаемого за действительное, новая форма старого содержания. Он — в деле!

Но, глядя на дом и сад после того, как волнение улеглось, он понял, что они ничего для него не значили. Ровным счетом ничего. Тогда какого же черта ему надо? Чего? Даже с Джуллией не все было ясно...

Нужна была вечеринка.

Чтобы Лос-Анджелес встречал парня по имени Бргман.

На вечеринку он купил Джуллии корсаж с цветком. Он вручил его в пластиковой коробке и при этом следил за выражением ее лица. Она открыла коробку, разодрала цветок на мелкие кусочки и швырнула на пол.

— Это не то, чего я хочу. Сколько можно твердить. Не дари мне ничего такого.

Она ушла.

Он подобрал истерзанный цветок, понюхал. Запах был приятный. Он покачал головой.

* * *

Дом затянуло сигаретной мглой, которая наплы-
вала и уносилась большими никотиновыми тучами.
Бутылки звенели друг о друга, в бокалы разливалось
шампанское. Все говорили сверх меры. Вечер пятни-
цы. Меррингт был убит и исчез в среду. Бргман стоял
посреди всего этого гама. В этом цирке верховодила
Джулия, чтобы все большие львы могли посмотреть на
нового укротителя, сесть на задние лапы, ревниво по-
приветствовать, может, пожать руку. Все шло гладко.
Джулия позаботилась, чтобы мелкая сошка оставалась
на периферии, а крупная рыба могла пройти внутрь.
Их было полным-полно...

— Так, значит, они тебя тоже величают именем
Рики?

Седовласый старик по имени Ваннинг, связанный
с одним из крупнейших адвокатов. Мягкое розовое
лицо, вытянутое, интеллигентное на вид, слегка мор-
щинистое. Постоянно курит импортные сигары.

— Хотелось бы увидеться с тобой, Рики, после ве-
черинки, — вежливо сказал он.

— На предмет чего?

Ваннинг усмехнулся:

— Мы удивлены твоим появлением, Рики. Мы ува-
жаемые бизнесмены. А тут словно призрак появился
среди нас. Но должен признать, ты очень умен. Вос-
пользовался психологическими приемами. Весьма
похвально.

— Говори, я слушаю.

— Несмотря на то что ты проявил определенную
смекалку в том, как ты занял место Рики, ты все же
остаешься гангстером старой закалки, вроде тех, кто
грабит банки с пистолетами.

— Что же в этом плохого?

— Ненаучно это. Мы... деловые люди. Мы делаем нашу работу намеками, словами, оказывая немного давления то тут, то там. Заключаем тихие сделки. Мы тоже применяем психологию, но непрерывно. — Старики откинулся назад свои мягкие седые волосы. — Теперь послушай меня, молодой человек. Отныне преступность работает, сидя за офисным столом. К этому шло давно, но теперь это окончательно и бесповоротно. Наука позволяет тебе не высовываться. Люди не пойдут на это.

— Так о чем же пойдет речь после вечеринки?

— О том, что тебе пора утомониться, мой мальчик. Ты привлекаешь внимание. Ты старомоден, от тебя слишком много шума.

— Значит, я должен измениться!

— Мы выделим тебе офис в центре города...

— Я из другого теста!

Старики продолжал улыбаться, в глазах его плясали огоньки.

— В определенных обстоятельствах, если нас вынудят, мы можем вернуться к старомодным гангстерским методам, позволь тебе сказать. Мы можем тебя убить, на законных основаниях, в любой момент, да еще запишем на свой счет оказанную обществу услугу. Видишь, какие мы предусмотрительные?

У Бргмана заколотилось сердце, на мгновение он взглянул на Ваннинга, и его глаза сузились до беспощадных щелей.

Ваннинг перехватил взгляд Бргмана.

— Угол Хилл-стрит и шестой, «Лейтон-билдинг», после полуночи.

— Я подумаю.

Когда Ваннинг отошел, лицо Джуллии промолвило Бргману: «Нет», причем с восклицательным знаком.

Но выпивка и сознание собственной силы затуманили ему мозги, и он едва ее видел.

Оставшаяся часть вечеринки даже толком не запомнилась. Ее заглушило какое-то возбуждение, то самое, которое преследовало его с тех пор, как он встретил Джулию, подобное большому барабану, бьющему в его голове все громче, громче и громче.

Дверь захлопнулась за последним уходящим гостем. Джулия схватилась за дверную ручку. Вся сталь вытекла из нее, словно из потайного клапана. Она уже не была пышущей здоровьем кошкой. Она дрожала.

Во внезапно притихшем доме они прошли по лестнице наверх, не проронив ни слова. Они затворили дверь в ее комнату, и первое, что она сказала, было:

— Ты не пойдешь ночью встречаться с Ваннингом. Он знает, что ты ему не по зубам. Он тебя боится. Поэтому он тебя убьет!

Он поцеловал ее в полные упрямые губы. После никотина и выпивки она источала свежесть. Он поцеловал ее в шею, уши, щеки и снова в губы, и она ответила взаимностью. То был долгий поцелуй.

Ее пальцы впились ему в плечи.

— О, Рики, Рики, — вздохнула она.

Он выпустил ее.

Он отпрянул, словно она ударила его по лицу.

Она подняла руку, словно хотела поймать те слова, но опоздала. Она не могла их вернуть.

Он посмотрел на нее, словно она стала невидимкой:

— Что ты сказала?

— Я не хотела.

— Ты сказала «*Riki!*»! Сказала же!

* * *

Тихо, затем смузенно он повторил ее слова, а затем сказал:

— Ты любишь его. Ты любишь мертвого. Как же я не догадался. Подвергая себя риску, ты вынудила меня стать похожим на него. Ты заставила меня ходить, говорить, как он, чтобы он снова мог тебя обнять, поцеловать, снова причинить тебе боль!

— Прошу... Джонни!

Его глаза снова вытаращились.

— Ты не любишь меня. Ты попыталась выкопать Рики из могилы. Я должен был догадаться, когда вся банда так себя повела в журнальном магазине. Они тоже хотели, чтобы Рики вернулся. Они согласились на суррогат за неимением настоящего товара. И все остальное...

Он зашарил в поисках двери, как слепой.

— Ты не хотела, чтобы я тебя целовал. Ты целовала меня. Так у вас было заведено с Рики. Ты оказывала ему знаки внимания. Когда я что-то делал, ты возмущалась, отвешивала оплеухи. Это не вязалось с его характером. Рики был вовсе не такой. Ты не захотела принять от меня цветок. Рики никогда не дарил цветов. И если я говорил тебе комплименты, ты приходила в ярость...

Джулия загородила собою дверь, шумно дыша:

— Тебе нельзя выходить! Ваннинг тебя убьет.

— Боишься, что меня убьют? Боишься, что *Рики* снова умрет? — Он швырнул ей эти слова в лицо, словно ударил кулаком, нашаривая онемевшей рукой пистолет в кожаной кобуре под мышкой. — Боишься, Рики снова умрет! Ты этого не перенесешь? Не перенесешь, если его снова убьют!

— Нет. — Она произнесла это так обыденно и не-принужденно. — Не перенесу. Извини, Джонни, но так уж все обстоит.

Она покачала головой, словно пытаясь отшвырнуть остатки сна.

— Как ты не видишь, Джонни? Мы оба одинаковы. Я не Джулия. Ты меня не хочешь. Ты хочешь свою мамочку. Чтобы прильнуть. Чтобы кто-то о тебе по-заботился. Мамочку, которой у тебя никогда не было, Джонни. А я... я хочу Рики. Мы встретились перед банком, Джонни, ты и я, и мы оба чего-то хотели и пытались заполучить, и все разлетелось вдребезги. — Она вцепилась в него и лихорадочно заговорила: — О, Рики, держи меня крепко...

Рики! Это имя вонзилось в его мозг, словно железный прут, переворошило все его сомнения и порывы, мучившие его. Он ничего не сказал, но в алкогольном чаду он подумал: «Я Джонни Бргман! Я — это я! К черту... пошли они все к чертям собачьим. Мне не нужна женщина, чтобы к ней прижаться. Ни моя мать, ни Джулия... никто. Я Джонни Бргман... нет никого сильнее меня!»

Он попытался оттолкнуть ее, но она вцепилась в него пуще прежнего. Она, как пиявка, впитывала его силы, пытаясь превратить в кого-то, кто не был Джонни Бргманом. Как будто Джонни Бргман недостаточно хорош...

Что не могли сделать его руки, сделал за него пистолет.

Он не хотел этого. Но так уж вышло. Его глаза сузились, почти как у Рики. Его пистолет выстрелил дважды, и ее отбросило назад. Он почувствовал, как ее руки оторвались от него, цепляясь до последнего. Она упала, неподвижно распростершись на полу.

Он оперся о дверь, глотая слону, протирая затуманенные глаза. Затем спустился вниз, не выпуская пистолета из рук. С каждым шагом он ощущал прилив новых сил. Теперь он свободен. Ему не нужна женщина для опоры, и теперь он это доказал.

Он убил дважды и теперь снова будет убивать. Старик Ваннинг с розовым лицом. Тот, который величал себя бизнесменом и воображал, будто способен превратить Джонни Бргмана в офисную крысу. Ваннинг, который думал, будто может помыкать Джонни Бргманом, как помыкал Рики Вольфом. Джонни Бргман будет похлеще Рики Вольфа. Джулия в этом убедилась.

Бргман открыл парадную дверь... Не успел он прошагать полпути до своей машины, как получил свое. Люди Ваннинга в черной машине, припаркованной в тени развесистых деревьев, достали его из автоматов «томми». Его прошила очередь, и он отпрянул назад, словно ударился о невидимую стену.

Автоматы продолжали изрыгать пули и после того, как Джонни Бргман свалился, как малое дитя на лужайку для вечернего сна...

* * *

Вот и вся повесть о Джонни Бргмане. Хотите — верьте, хотите — нет. Не прибегая к скальпелю. Вся без остатка — на прозекторском столе.

Теперь я возьму сердце Джонни Бргмана и помешу обратно в его тело, где это сердце не имело ни единого шанса любить, а только пребывало в одиночном заключении. Я помешу обратно все внутренности Джонни, где им и место. Все исступление, всю ненависть и весь тлеющий огонь Джонни вернется в холодную пещеру изрешеченного пулями тела, и я

зашью его иглой и ниткой. Стежок, другой. Зашьем Шалтай-Болтая, чтобы можно было похоронить. А я займусь другими телами. Но я не смогу написать про них рассказы, как про Джонни. Я не смогу разъять скальпелем те, другие, мозги, чтобы узнать, как билось их сердце или сводило желудок от гнева.

Джонни Бргман был моим братом.

— Сестра, подайте мне шовный материал.

— Следующий!

1943

Творец чудовищ

Все произошло мгновенно. Не успели ни моргнуть, ни пикнуть, ни испугаться. Фотоаппарат Хатавея по кличке Щелкунчик был заряжен, и он прислушивался к жужжанию перематываемой пленки у себя под пальцами, зная, что у него получаются чертовски отменные кадры всего происходящего.

Вот Марнаган, согбенный над приборной доской, орудует рычагами и забивает кнопки конопатыми кулаками. Во тьме перед носом корабля — космос и брызги звезд, и бич божий — чертов метеор.

Щелкунчик Хатавей ощутил, как корабль под ним передернулся, как кожа чувствительного животного. И тут удар метеора шипастым кулачищем сплющил кормовые двигатели, и корабль закувыркался, как космическая карусель.

Поднялся великий, если не сказать чрезмерный, грохот. Хатавей понял только, что его подхватило и бросило на рычаги, а вслед за ним прилетел Марнаган, изрыгая проклятия. Щелкунчик со скрежетом зубовым вцепился в камеру, лишь бы не выронить ее. Какой славный получился снимок метеора! Даже лучше, чем фото Марнагана, вытряхивающего душу из приборной доски и хранившего молчание до этого самого мига.

Наступила тишина. Да такая, что можно было почти расслышать, как мимо проносятся синие ледяные астероиды, услышать, как колотится сердце, стук-стук, между растревоженным желудком и пустыми легкими.

Звезды-астероиды вращались. Щелкунчик вцепился в Марнагана, потому что тот оказался первым предметом, оказавшимся поблизости. Ты прилетел охотиться на космического налетчика, а оказался в лапищах ирландца, уворачиваясь от железной смерти. Вот тебе и съемка в затемнение!

— Ирландец! — услышал он свой голос. — Это и есть ОНО самое?

— Какое еще оно? — гаркнул Марнаган внутри своего шлема.

— Когда Верховный Продюсер кричит СТОП?!

Марнаган возмутился:

— Я умру, когда буду готов. А когда я буду готов, я извещу тебя, и ты сможешь запечатлеть мой профиль для «Космических фильмов»!

Они оба ждали, вдавленные в борт корабля и удерживаемые рукой гравитации, прислушиваясь к тяжелому дыханию друг друга в своих шлемофонах.

Корабль ударился. Подскочил. Ударился опять. Перекувырнулся и замер. Хатавей почувствовал, что его схватили. Он с Марнаганом загремели, как игровые кости в стаканчике у крупье. Корпус корабля разорвало — воздух и энергия вырвались наружу.

Крик Хатавея исторг воздух из легких, но его мозг лихорадочно работал над какими-то ненужными безумными вещами. Лучшие сцены в жизни никогда не попадают ни на пленку, ни к зрителю. Вроде этой, черт бы ее побрал! Именно, этой! Его мозг закрутился, застремился, словно камера, мгновенно щелкающая камера.

* * *

Воцарилась тишина и ненасытно поглотила все шумы. Хатавей встрыхнул головой и машинально схватился за камеру, пристегнутую к поясному ремню. Не осталось ничего, кроме звезд, искореженных обломков, обжигающего сквозь герметический скафандр холода и тишины. Он, извиваясь, выполз из-под обломков в объятия этой тишины.

Он не соображал, что делает, пока не обнаружил у себя в руках камеру, словно родился с ней в обнимку. Он стоял и раздумывал: «Я хотя бы сделаю несколько стоящих кадров. Я...»

Раскачался и с грохотом обрушился внушительный кусок металла. Из руин восстал Марнаган во всей своей семифутовой мужской красе.

— Замри! — крякнул Хатавей высоким голосом. Марнаган замер. Камера зажужжала. — Съемка с нижней точки: межпланетный патрульный живым и невредимым выходит из крушения на астероиде. Всем кадрам кадр. Я получу за него прибавку к зарплате!

— Пинка ты получишь от меня ботинком! — зарычал Марнаган. Под его скафандром расправились бычачьи плечи. — Я тут чуть не окочурился, а он возится со своим ящиком!

Хатавею вдруг стало смешно.

— Я никогда об этом не задумывался. Чтобы Марнаган отдал концы? Я и не сомневался, что ты выберешься оттуда. Как, впрочем, и отовсюду. Странно, что никто не задумывается о смерти. Стараешься не задумываться.

Хатавей уставился на руку в перчатке, но она была такая толстая и тяжелая, что он не чувствовал, дрожит она или нет. Его бледное осунувшееся лицо сморшилось.

— Где это мы?

— У черта на рогах.

Они стояли посреди изрытой, изъеденной веками метеорной равнинны, которая простиралась вдаль и пропадала в безмолвном иссиня-черном пространстве в россыпи звезд. Над головой стояло солнце; от черноты и звезд вокруг мутило.

— Если мы отправимся в противоположных направлениях, Щелкунчик Хатавей, мы пожмем друг другу руки на той стороне этой скалы через два часа. — Марнаган встряхнул своей копной запорошенных пылью рыжих волос. — А я обещал парням на Лунной базе, что уж на этот раз я схвачу этого Гюнтера!

Его голос прервался, и заговорила тишина.

Хатавей почувствовал, как его сердце медленно перекачивает горячую кровь.

— Я проверил свой кислород, Ирландец, дышать осталось шестьдесят минут.

Тишина оборвала и это высказывание. На острых метеорных камнях Хатавей заметил месиво из внутренностей радиостанции, разлетевшееся вдребезги крошево из провианта. Им еще повезло, что они уцелили. А может, смерть от удушья была бы предпочитительнее?.. *Шестьдесят минут?*

Они стояли, уставившись друг на друга.

— Чертов метеор! — выпалил Марнаган.

Хатавей ухватился за всплывшую идею, кое-что припоминая, и высказался вслух:

— Этот метеор был кем-то запущен, Ирландец. Я его сфотографировал. Я смотрел на него в упор, когда он полетел в нас, и он был раскален, словно кочерга. Космические метеоры никогда не разогреваются и не светятся. Если нужны доказательства, так они у меня на пленке.

Квадратная физиономия Марнагана скривилась.

— Нам сейчас не доказательства нужны, Щелкунчик. А кислород. И еда. А потом — чтобы как-нибудь вернуться на Землю.

Хатавей продолжал размышлять вслух:

— Это дело рук Гюнтера. Он где-то рядом. Хочет, наверное, до колик, как он нас прищучил. О господи, это будет сногсшибательная новость, если мы доберемся до Земли. Ирландец Марнаган из Межпланетного патруля, временно профнепригодный из-за пирата по имени Гюнтер, чью грязную личину никто никогда не видел, наконец восторжествовал. Цветные фотографии на месте происшествия сделал Щелкунчик Хатавей. Пусть компания «Космические фильмы» обратит внимание.

* * *

Они быстро направились по щербатой каменистой равнине к костлявому металлическому хребту. Они глядели в оба. Смотреть, правда, было не на что, но это было лучше, чем стоять и ждать.

Марнаган сказал:

— Мы на краю пропасти, и у нас ни одной зацепки, кроме твоих подозрений, что это не несчастный случай. У нас пятьдесят минут, чтобы доказать твою правоту. После этого, не важно, прав ты или нет, ты станешь самым живописным недвижимым бездыханным гением в «Космических фильмах». Но ты говори, выговаривайся, Щелкунчик. В такие моменты нам всем нужны слова, любые слова, слетающие с наших уст. У тебя есть камера, сенсация. Говори о ней. Что касается меня... — Он поморщил свое лоснящееся, раскрасневшееся лицо. — Выживание — мое хобби. А такую вот двухгрешковую смерть я не заказывал.

Щелкунчик кивнул:

— Гюнтер знает, что тебе не по нутру умирать такой смертью, Ирландец. Как это ни обидно. Наверное, поэтому он задумал метеор и крушение.

Марнаган промолчал, но уголки его мясистых губ резко опустились, а зеленые глаза загорелись.

Они оба остановились.

— Вот те на! — вырвалось у Щелкунчика.

— Что такое! — сморгнул Марнаган. — Ты это почувствовал?

Внезапно Хатавей ощутил, как его тело обмякло, стало неосязаемым, как шепот, бесплотным, безруким, безногим.

— Ирландец! Мы стали невесомыми, как только перевалили через гряду!

Они побежали назад.

— Попробуем еще разок!

Они попробовали. Покосились друг на друга. Произошло то же самое.

— Тяготение не может так себя вести, Щелкунчик.

— Это ты мне говоришь? Оно искусственное. И что самое главное, это Гюнтер! Неудивительно, что мы так быстро грохнулись. Нас притянула супергравитация. Гюнтер пойдет на что угодно, чтобы... Я сказал «на что угодно»?

Хатавей инстинктивно отскочил. Его глаза расширились, и рука поднялась, нанося удары. За вершиной холмистого хребта выстроилась вереница несусветных кошмаров. Исчадия Франкенштейна. Исполинские багровые чудища на бесчисленных лапах, с ощеренными челюстями, черно-коричневые твари, трубчатые и мясистые, белыми ядовитыми кнутами рассекали воздух. Клыки отражали белый звездный свет.

Хатавей закричал и бросился наутек. Марнаган — следом, вперевалку. Его прошиб холодный пот. Ги-

гантские создания, кто вразвалочку, кто, извиваясь, ползком, преследовали его. Вспышка света. Это Марнаган выстрелил из протонного ружья. Затем в своих наушниках Хатавей услышал изумленный стон Ирландца. Выстрел не причинил монстрам ни малейшего вреда.

— Ирландец! — Хатавей перемахнул через кряж, сполз по склону в сторону небольшой пещеры. — Сюда, браток!

Хатавей успел залезть первым. Стонущий Марнаган — за ним.

— Они слишком большие. Им тут нас не достать! — выпалил Хатавей, пока Марнаган втискивал свой двухсотпятидесятифунтовый корпус. Инстинктивно Хатавей добавил: — Астероидные чудовища! Моя камера! Какой кадр!

— К чертям твою чертову камеру! — гаркнул Марнаган. — Они еще чего доброго нагрянут сюда!

— У тебя же ружье!

— У них непробиваемые шкуры. Что толку. Аaaa! Какая погоня, а, Щелкунчик?

— Да уж. Ты наслаждался каждым ее мгновением!

— Именно. — Ирландец оскалил белый неровный зубной ряд. — Как нам теперь быть с этими незваными гостями у нас на крылечке?

— Дай-ка подумать...

— Времени хоть отбавляй, браток. Аж целых сорок минут, если быть точным.

* * *

Они сидели, глазея на монстров с целую минуту. Хатавею стало вдруг смешно. Он и сам не знал от чего. Может, из-за этих зверюг, может, из-за Гюнтера, а может...

— Какого из них выбираешь? — непринужденно спросил Ирландец. — Красного или синего?

Хатавей нервно хохотнул:

— Розовенького с желтыми манжетами... Боже праведный, ты добился того, что я шучу перед лицом смерти.

— Отец меня учил: не переставай смеяться, и ирландская удача улыбнется тебе.

Фотографа это не воодушевило.

— Я по происхождению англо-швед, — заметил он.

Марнаган недовольно заерзal:

— Ты ничего не делаешь, только сидишь, как мальчионка, запертый в платяном шкафу. Лучше щелкни меня в профиль на фоне этих зверушек.

Хатавей без энтузиазма похлопал по камере.

— А что толку? Ну, отсниму я эту пленку. Кто ее увидит?

— Тогда мы ее проявим для себя, пока из-за холма к нам на выручку не прискакет кавалерия США!

Хатавей фыркнул:

— Кавалерия США!

Марнаган картинно поднял протонное ружье.

— Щелкни меня в этой позе, — сказал он. — Я же платил тебе жалованье за то, чтобы ты бегал и фотографировал, когда, как мы надеялись, я захвачу Гюнтера. А теперь ты можешь для истории запечатлеть мои переговоры с этими эльфами.

Марнаган никого не обманывал. Хатавей знал, что вся его пустопорожняя болтовня всего лишь прикрывала молниеносную отчаянную работу мысли внутри черепа под рыжей шевелюрой. Хатавей тоже участвовал в этой болтовне, но его мозг работал быстрее стрекочущей камеры, наведенной на Марнагана с бесполезным ружьем, направленным на зверье.

Монтаж. Марнаган сидит, болтая с монстрами. Марнаган улыбается на камеру. Марнаган в профиль. Марнаган помрачнел без особых усилий. Крупным планом — жуткая дыра, в которую они свалились. Хатавей делал все снимки молча. Никто никого не вводил в заблуждение этим фотографированием. Смерть была близка, и лица у них лоснились от пота, губы пересохли, в желудках похолодело.

Когда Щелкунчик закончил съемку, Ирландец сел, чтобы сберечь кислород, и тут же стал расходовать его, споря о Гюнтере. Хатавей откликнулся:

— Это Гюнтер заманил нас сюда как пить дать! Перемена в гравитации на холме доказывает это, Ирландец. Гюнтеру не хватает людей. И как он поступает? Строит базу-астероид, чтобы притягивать корабли. Боевые действия в космосе еще далеки от совершенства. Пушки в космосе плохо наводятся. Траектории на больших дистанциях ненадежны. Так какое же лучшее оружие, которое обходится без потерь дорогостоящих и редких кораблей и не требует большого личного состава? Супергравитация и пирожка без промаха запущенных метеоров. Сплошная экономия. Этот треклятый железный камешек — отличное прикрытие. Из него Гюнтер наносит удары, оставаясь незаметным. Корабли просто разбиваются. И все дела. Отличная комбинация — одни тузы.

Марнаган буркнул:

— Где же этот урод?

— Ему нет нужды появляться, Ирландец. Он послал вот... этих. — Хатавей кивнул на бестий. — Те, кто терпит крушение, погибают от нехватки кислорода, от голода, от увечий, полученных при падении. Если кто-то выживает, ими занимаются зверушки. И, кажется, будто за все ответственна Природа-мать.

Видишь, как тонко продумана атака? С виду гибель в результате несчастного случая, а не убийство, если Патруль приземлится и найдет нас. Никаких оснований для излишних расследований.

— Где же его база?

* * *

Щелкунчик пожал плечами:

— Еще сомневаешься? Ладно. Смотри.

Он постучал по камере, и на ладонь в перчатке выскочила кассета. Он взял ее, улыбаясь, и вытянул пленку во всю двадцатидюймовую длину, держа на свету, пока она проявлялась. Это было одним из его лучших изобретений. Самопроявляющаяся пленка. Первая засветка попадала на поверхность пленки и уничтожала одно химическое вещество, оставляя отпечатки. Вторая засветка просто закрепляла изображение. Глазом моргнуть не успеешь.

Вставив язычок пленки в просмотровое микrouстройство в основании камеры, Щелкунчик передал ее Ирландцу.

— Смотри.

Марнаган приставил устройство к стеклу скафандра и прищурился:

— Ну, Щелкунчик, что за дрянную пленку ты изобрел?

— Гмм?

— Что за странный процесс проявки: мое изображение запечатлевлось, а астероидных монстров нет и в помине.

— Что?!

Хатавей разинув рот выхватил у него камеру, прищурился и снова разинул рот: фото на монтаже — Марнаган садится, болтает с пустотой. Марнаган

стреляет в пустоту. Марнаган делает вид, будто доволен на фоне пустоты.

Затем крупным планом — ПУСТОТА.

Монстры не удосужились оставить след на пленке. Марнаган там, где ему полагается. Его шевелюра словно красное знамя. Сияют конопатое лицо и синие глаза. А что, если...

Хатавей произнес вслух:

— Ирландец! Ирландец! Кажется, я знаю, как выкарабкаться из этой дыры. Вот...

Он снова и снова объяснял это Патрульному. И насчет пленки, и насчет зверей, и насчет того, что пленка не ошибается. Если на пленке чудовищ нет — значит их не существует.

— Да, — сказал Марнаган. — Но выйди-ка из пещеры...

— Если моя теория верна, я это сделаю безбоязенно, — сказал Щелкунчик.

Марнаган нахмурился:

— Откуда ты знаешь, что зверье не излучает ультрафиолет, или инфракрасные лучи, или еще чего-нибудь, что не улавливается пленкой?

— Ерунда! Камера улавливает любой свет, который мы видим или не видим. Нас просто дурачат.

— Эй, ты куда собрался? — Марнаган загородил выход Хатавею, который попытался юркнуть мимо него, пользуясь малым ростом.

— Уйди с дороги, — сказал Хатавей.

Марнаган уперся кулакищами в бока.

— Если кто-то куда-то и пойдет, то это буду я.

— Ирландец, я не могу позволить это тебе.

— Почему?

— Ты пойдешь туда, просто веря мне на слово.

— Разве твоего слова мне недостаточно?

— Да, конечно, я полагаю...

— Раз ты говоришь, что этого зверинца там нет, мне ничего другого не нужно. Теперь посторонись, бачок проявочный, и дай Ирландцу переломать им кости. — Он сделал тщетную попытку подтянуть штаны, находившиеся под дюймовым слоем пористых металлических пластин. — Хатавей, цель твоего участия в этой экспедиции — ведение съемки с целью последующего обучения Младших патрульных действиям в экстремальных условиях. Инструктаж из первых рук. Заряди еще одну кассету в это свое приспособление и сними меня в профиль. Итак, занятие №7. Даниил вступает в логово льва.

— Ирландец, я...

— Помалкивай и заряжай.

Хатавей суетливо зарядил пленку и поднял аппарат.

— Готов? Щелкунчик?

— Я... Я готов, — сказал Хатавей. — И помни. Заруби себе на носу. Никаких зверей не существует!

— Держи меня в фокусе, парень.

— От начала и до конца, Ирландец.

— Как там говорится? А, вспомнил. Свет! Камера! Мотор!

Марнаган с ружьем наперевес и с улыбкой на физиономии сделал один, два, три, четыре шага во внешний мир. Чудовища поджидали его на пятом шагу. Марнаган продолжал идти.

Прямо в гущу зверья...

* * *

Никогда еще Хатавею не доводилось делать таких отменных снимков. Марнаган и монстры.

Только теперь это был один лишь Марнаган.

И никаких монстров.

Марнаган изобразил улыбку шире своих плеч.

— Эй, Щелкунчик. Полюбуйся на меня! Я уцелел!
Треклятая нечисть удрала!

— Удрала, как же! — воскликнул Хатавей с раскрасневшимся и взъерошенным лицом. — Они просто-напросто исчезли. Они всего лишь фантомы твоего воображения!

— Подумать только, они загнали нас в эту нору.
Трусишка ты, Щелкунчик Хатавей!

— Улыбайся при этом, Ирландец.

— А я всегда улыбаюсь. Ах, Щелкунчик, что это, слезы на твоих серых глазах?

— Черт, — смущенно выругался фотограф. — Почему на скафандрах нет стеклоочистителей?

— Я вынесу этот вопрос на обсуждение Совета директоров, парень!

— Ладно, проехали. Я так обрадовался, что твое тулово цело и невредимо, что аж прослезился... Теперь зайдемся Гюнтером. Эти животные — часть его замысла. Исследователи, которые здесь случайно приземляются, улепетывают на свои корабли и взлетают. Туристы и все такое прочее. Живность подозрений не вызывает. А если туристы не уносят отсюда ноги, животные их убивают.

— Постой, постой. Животные не могут убивать.

— Думаете, не могут, мистер Марнаган? Пока мы верили, что они всамделишные, они могли напугать нас до смерти, заставить нас пойти на самоубийство. Если это не опасность...

Ирландец присвистнул.

— Но нам надо пошевеливаться, Ирландец. Кислороду осталось на двадцать минут, а нам еще надо отследить источник этих страшилищ — базу Гюнтера, взять ее приступом и раздобыть свежие баллоны с кислородом. — Щелкунчик пристегнул камеру к по-

ясу. — Гюнтер, наверное, думает, что мы уже погибли. Все были одурачены этими чучелами. Ни у кого не оставалось шансов подвергнуть их существование сомнению.

— Если бы ты не фотографировал, Щелкунчик...

— И если бы в придачу не твое упрямство по поводу несчастного случая... — Щелкунчик остановился и почувствовал разжижение своих внутренностей. Встряхнул головой и почувствовал, как перед глазами поплыла пелена. Он расставил ноги, чтобы удержать равновесие, и покачнулся. — По-моему, у меня в баллоне кислорода поменьше, чем у тебя. От возбуждения я дышал вдвое чаще, и теперь мне нездоровится.

Дружелюбное лицо Марнагана исказила улыбка сострадания.

— Держись, Щелкунчик. Тот, кто изобрел эти аквариумы, не предусмотрел приспособлений на случай расстройства желудка.

— Держусь! Черт бы их побрал. Идем дальше. Нужно найти, откуда прет вся эта живность! И единственный способ сделать это — заставить зверье вернуться обратно!

— Обратно? Каким образом?

— Они только этого и дожидаются, находясь за пределами ауры наших мыслей, и если мы снова поверим в их существование, они вернутся.

Марнагану это не понравилось.

— А они... они нас не сожрут, если вернутся... если мы в них поверим?

Хатавей устало покачал неподъемно тяжелой головой:

— Если мы поверим в них до известного предела. Психологически они и видны, и осязаемы. Мы лишь хотим видеть, как они снова полезут на нас.

— А мы и впрямь хотим?

— При том, что осталось двадцать минут, а то и меньше...

— Ладно, Щелкунчик. Давай позовем их обратно. Как мы это сделаем?

Хатавей поборол потемнение в глазах.

— Просто подумай: я снова увижу монстров. Я их снова увижу, но я не стану их ощущать. Думай снова и снова.

Встревоженная туша Марнаган вздрогнула.

— А... что, если я не вспомню все это? Что, если я заволнуюсь?..

Хатавей не ответил, но весьма красноречиво взглянул на Ирландца.

Марнаган ругнулся:

— Черт с тобой! Приступим!

Монстры вернулись.

* * *

Беззвучным потопом хлынули они из-за зубчатого горизонта, озлобленно предвкушая встречу с двумя людьми.

— Оттуда, Ирландец, они вылезают оттуда! Там у них фокальная точка, передатчик всей этой телепатической дряни. Идем!

Хатавей нырнул в напирающий поток цвета, пастей, перекошенных личин, серебристых туш, обращавшихся во мглу, как только он вгрызался в их стадо.

Впереди Хатавея быстро продвигался Марнаган. Но вот он остановился и поднял ружье, делая им быстрые движения.

— Щелкунчик! Вот эта тварь! Она настоящая!

Он отшатнулся, и что-то опрокинуло его навзничь. Его внушительное туловище беззвучно ударилось о скалу.

Хатавей бросился к Марнагану, прикрыл своим телом, заслонил перчатками стекло его скафандра и закричал:

— Марнаган! Черт! Возьми себя в руки! Она ненастоящая! Не давай ей вламываться в твоё сознание. Говорю же, она ненастоящая!

— Щелкунчик... — Под стеклом мелькнуло вымученное, страдальческое выражение на лице Марнагана. — Щелкунчик... — Он отчаянно сопротивлялся. — Я... я... Вот теперь точно... — Он улыбнулся. — Это всего лишь дешевая подделка!

— Повторяй, как заклинание, Ирландец! Непрерывно!

Толстые губы Марнагана разомкнулись.

— Всего лишь фальшивка, — сказал он, а потом раздраженно: — Слезай с меня к черту, Хатавей! Дай подняться!

Хатавей встал, пошатываясь. Воздух под шлемом стал спертым, и перед глазами заплясали пузырьки.

— Ирландец, забудь про монстров. Я сам ими займусь. Я знаю как. А то они, чего доброго, опять тебя одурачат. Ты можешь опять забыть.

Марнаган оскалил зубы:

— Гыыы! Чтобы все веселье досталось тебе? К тому же Щелкунчик, мне нравится на них глазеть. Они такие симпатяшки.

Они фонтанировали из приземистого холмика в миле от них. Телепатический источник явно находился там. Они с опаской приблизились к нему.

— С охраной придется рискнуть, — прошипел Ирландец. — Я пойду вперед, отвлеку их внимание, может, попаду в плен. Потом появившись ты со своим ружьем...

— У меня нет ружья.

— Тогда мы пойдем на риск. Оставайся здесь, пока я разведаю, что там впереди. У них наверняка там датчики. Пусть засекут меня...

Не успел Хатавей возразить, как Марнаган ушел. Он прошагал ярдов пятьсот, пригнув голову, притронулся к чему-то, что-то поднял и увидел дверной проем в скале.

Его голос доносился через расстояние до шлемофона Хатавея:

— Дверь, воздушный шлюз, Щелкунчик. Туннель, идущий вниз!

Затем Марнаган ушел в туннель и исчез из виду. Щелкунчик слышал шарканье его ног по металлическим полам.

Щелкунчик резко втянул воздух.

— Так, руки вверх! — Новый резкий голос раздался по другому радиоканалу. Это говорил охранник Гюнтера.

Прошипели три выстрела, и Марнаган застонал.

Незнакомый резкий голос произнес:

— Так-то лучше. Не пытайся поднять ружье. Значит, это ты. Я-то думал, Гюнтер прикончил тебя. Как ты прошел мимо животных?

Щелкунчик побежал. Он выключил свой передатчик и перешел на прием. Марнаган обезоружен. Один охранник. Щелкунчик ловил воздух ртом. В глазах потемнело. Воздуха не хватало. Воздуха. Воздуха. Он бежал без остановки, прислушиваясь к притворному голосу Марнагана:

— Я связал розовых Гюнтеровых слонов в аккуратненькие стопочки в алфавитном порядке и выставил сушиться на солнышке, слышишь, паршивец! Но черт бы тебя побрал, они успели убить моего напарника, он и глазом моргнуть не успел!

Охранник рассмеялся.

* * *

Дверь в шлюз была по-прежнему распахнута, когда Щелкунчик до нее добрался. Мрак расплывался у него перед глазами, легкие сперло до жгучей, адской боли. Он, тихо и мягко ступая, вошел внутрь. Оружия при нем не было. Он безоружен. Черт! Черт! Черт!

За поворотом туннеля показался свет и силуэты двух человек в желтом свечении. Марнаган с посивевшим лицом подпирал стену, из его треснувшего шлема с шипением медленно выходил воздух. Охранник, тоже облаченный в скафандр, держал наперевес протонное ружье. Хатавей видел профиль охранника и его выпяченные губы.

— Пожалуй, я оставлю тебя тут, пока ты не отдашь концы, — сказал он тихо. — Гюнтер ведь этого и хотел. Прекрасная жуткая смерть.

Хатавей сделал три шага, вытянув перед собой руки.

— Ни с места! — гаркнул он. — Мое оружие мощнее твоего. Пошевельнешься, и я взорву тебя вместе со стенкой! Замри!

Охранник обернулся. Его колючие глаза вытаращились, и он неохотно бросил свое ружье на пол.

— Подбери его оружие, Ирландец.

Марнаган захотел было сдвинуться с места, но неуклюже завалился головой вперед.

Хатавей подбежал, схватил ружье, ухмыляясь охраннику.

— Спасибо за позирование, — сказал он. — Этот кадр войдет в анналы съемок на скрытую камеру.

— Что!

— А! А! Не двигаться! Теперь у меня настоящее оружие. Где дверь, ведущая на базу?

Охранник угрюмо кивнул через левое плечо.

Щелкунчик опасался выдать свое головокружение от слабости. Ему нужен был воздух.

— Ладно, потащишь Марнагана. Открой дверь, подышим воздухом. Быстрее! Быстрее!

Спустя десять минут Марнаган и Хатавей обзавелись свежими кислородными баллонами на спине. А Марнаган облачился в новый скафандр со шлемом, скрутил охранника и отправил его в огромный мусоропровод.

— Туда ему и дорога, — подытохнул Ирландец.

Они очутились в самодостаточном внутреннем мире. Астероидная крепость из сотовых блоков беззаканно летела сквозь пустоту. Идеальное прикрытие для бандита, у которого мало техники и людей. Гюнтер просто дожидался, пока мимо пролетят грузовые корабли, притягивал или сбивал их и растаскивал грузы. Животные просто ограждали его от подозрений и толп туристов, которые наводнили космос в те дни. Мелкая рыбешка никого не интересовала, ее отпугивали.

Станция для телепатической трансляции изображения животных представляла собой нагромождение тончайших сверкающих приборов, сквозь которые полоски цветной пленки с картинками попадали в щели и устья машин, где они преобразовывались в мысленные излучения. Чертовски изощренное творение гениальной мысли.

— Ну, вот мы и здесь. Что, впрочем, ненамного приблизило нас к цели, — ворчал Ирландец. — У нас ни корабля, ни космической радиостанции, а в любой момент могут нагрянуть новые охранники. Может, перефокусируем эту газонокосилку, чтобы спроектировать монстров внутрь астероида и ввести в заблуждение самих пиратов?

— Что толку от этого? — Хатавей кусал губы. — Разве они одурачат инженеров, которые их создали, дубина!

Марнаган выдохнул с отвращением:

— Вот если бы кавалерия США прискакала из-за гор...

* * *

— Ирландец! — встрепенулся Хатавей от этих слов, и его лицо просветлело. — Ирландец! Вот именно — кавалерия США!

Его взгляд метнулся к приборам.

— Ну-ка, помоги мне. Мы инсценируем самый сногшибательный рейд века!

Марнаган вздрогнул:

— Чем ты дышишь, кислородом или виски?

— У меня лишь одно-единственное условие, Ирландец. Мне нужна полная картина того, как Марнаган громит базу пиратов. Мне нужно изображение Гюнтеровой рожи, когда он увидит тебя за этим занятием. Быстрее! Нам предстоит срочная работа. Насколько ты хорош как актер?

— Глупый вопрос.

— От тебя требуются три вещи. Выходишь с ружьем наперевес и стреляешь. Это раз. Хватаешься за сердце и падаешь замертво. Это два. Хватаешься за бок, падаешь и корчишься на земле. Это три. Ясно?

— Ясно, как туманность Угольный мешок...

Спустя час Хатавей выбрался по галерее на некое подобие городской улицы, проложенной внутри астероида. Таких улиц было с полдюжины. Они были застроены кубовидными домами из желтого металла и выходили на просторную площадь с зелеными газонами, неподалеку от Хатавея.

Безоружный Хатавей, беззаботно держа в руке камеру, по-хозяйски прогуливался по площади. Он направлялся к зданию, достаточно вычурному, чтобы быть резиденцией Гюнтера.

Пройдя полпути, он ощутил, как в его спину уперся ствол.

Он не стал сопротивляться. Его препроводили прямиком туда, куда он и направлялся, и втолкнули в кабинет Гюнтера.

Хатавей смерил его взглядом.

— Так вы и есть Гюнтер? — спокойно поинтересовался он. Пират оказался невероятно дряхлым старишкой. Его лоб выпирал над запавшими, вопросительно глядящими темными глазами. Его жидкое тельце утопало в складках одеяния из металлических звеньев. Он оторвал изумленный взгляд от бумаг. Не успел он раскрыть рта, как Хатавей сказал:

— Все кончено, мистер Гюнтер. Патрульные уже в городе, и мы захватываем вашу базу. Сопротивляться бесполезно. Нас тысяча против ваших восьмидесяти пяти.

Гюнтер замер и уставился, моргая, на Хатавея. Его худые ручонки дергались на коленях.

— Блеф, — наконец отрезал он с железной убежденностью. — Ни один корабль не садился за последний час. Ваш корабль был последним. На нем было два человека. Последний раз я видел, как они улепетывают от Зверей навстречу своей погибели. Один из вас, кажется, спасся.

— Оба. Второй отправился за патрулем.

— Невозможно!

— Я никак не могу согласиться с вашим мнением, мистер Гюнтер.

С площади донесся крик. Около полусотни людей Гюнтера, растянувшихся на резных скамейках в час отдыха, повскакали с мест и заорали. Гюнтер медлен-

но повернулся к огромному окну в стене кабинета. И долго смотрел.

Патрульные наступали!

По всей площади, молча и решительно, маршировали патрульные. Пять сотен патрульных — у каждого по парализующему ружью в правой руке — выстроились в одну неимоверно длинную шеренгу.

Гюнтер залепетал словно ребенок. Его визг пронзил воздух, как кинжал.

— Выходите, парни! Отбросьте их! Мы в меньшинстве!

Засверкали выстрелы. Но Патруль продолжал наступать. Люди Гюнтера не побежали, надо отдать им должное. Они сражались в полный рост.

В глубине души Хатавей смеялся. Какой отменный кадр получился. Его камера жужжала, щелкала и снова жужжала. Никто не мешал ему снимать. Все происходящее было слишком уж безумным, безрассудным и отчаянным. Гюнтер бился в истерике, сидя за столом, не в состоянии сдвинуться с места из-за хрупких, атрофированных, костлявых ножек.

Некоторые патрульные гибли. Хатавей снова ухмыльнулся при виде трех патрульных, схватившихся за сердце, упавших и распростертых на земле в судорогах. Боже! Какая операторская работа!

Гюнтер, беснуясь, вытащил небольшой пистолет из-за своего корсета, составленного из звеньев. Он беспорядочно палил, пока Хатавей не пристукнул его посредством пресс-папье. После чего Хатавей сфотографировал упавшего на стол Гюнтера и бедлам, бушующий под его окном.

Пираты были сломлены и бежали. Осталась лишь горстка. И посреди всего этого хаоса раздался голос Марнагана:

— Эй!!!

* * *

Один патрульный прекратил огонь и побежал к Щелкунчику в Здание. Он влетел внутрь.

— Ты видел, как они драпали, Щелкунчик? Каков замысел, а? Как у нас дела?

— Отлично, Ирландец. Отлично!

— Так вот, значит, этот иссохший пират и есть негодяй Гюнтер? — Марнаган хлопнул Хатавая по спине. — Не могу не отдать тебе должное. Это наилучший план битвы, какие только бывали. И я горжусь, что мне довелось драться бок о бок с такими бойцами, как эти... — Он показал жестом на площадь.

Щелкунчик засмеялся вместе с ним.

— Ты должен гордиться. Пятьсот патрульных с шевелюрами, подобными реющим красным полотнищам, с несусветным ирландским говором, широченными плечами, веснушками, синими глазами и телосложением, таким же мифическим, как твои рассказы!

Марнаган взревел:

— Я всегда говорил, что если бы возможно было сколотить армию, состоящую из одних Марнаганов, то мы всей вселенной задали бы трепку! Ты заснял все это, Щелкунчик?

— Заснял. — Хатавей радостно постучал по камере.

— Вот тебе и сенсационные новости, парень! Деньги потекут от Патруля, чтобы показывать фильм в качестве учебного пособия на занятиях, и от «Космических фильмов» за кинохронику! А какая сцена, какое актерское мастерство! Пятьсот подобий Стива Марнагана телепатически транслируются в головы пиратов, маршируют по площади, захватывают все и вся! Как тебе понравились мои сцены со смертельным исходом?

— Ты посредственный актеришко. Все равно, пятьсот дубликатов как не бывало! — сказал Щелкунчик. Он выхватил кассету из камеры, растянул пленку в воздухе для проявки, вставил ее в просмотрное устройство. — Взгляни-ка...

Марнаган взглянул.

— Ааа! Ну, ты только глянь. Ты только глянь, — твердил он. — Вот площадь. Вот люди Гюнтера сражаются, вот они поворачиваются спиной и убегают. От кого же они убегают? От одного человека? От меня. Ирландца Марнагана! Я разгуливаю по газону, парализую их из ружья. Один против сотни, и эти трусы убегают от меня!

— Да, точно, Щелкунчик, это лучше, чем я думал. Я совсем забыл, что пленка не запечатлеет телепатическое излучение — остальных Марнаганов. Можно подумать, что я ужасно отважный малый. Разве нет? Ах, только посмотри на меня, Хатавей. Я наслаждаюсь каждой минутой этого кино.

* * *

Хатавей похлопал его по спине:

— Послушай, самовлюбленный отпрыск Эрина. Наша работа на этом не закончилась. Столько пиратов еще надо переловить! Патруль все еще марширует, и кто-то может заподозрить неладное, присмотревшись и увидев столько рыжих шевелюр.

— Ладно, Щелкунчик. Мы их сейчас всех зачистим. Мы в одной связке. Мы двое. Я беру обратно свои слова о твоих фотках, Щелкунчик. Если бы ты не догадался сфотографировать меня и вставить мои снимки в телепатическую машину, мы бы сейчас оба копыта отбросили. Ладно... я пошел...

Хатавей остановил его:

— Постой. Сначала я должен перезарядить камеру.
Ирландец ухмыльнулся:

— Поторапливайся. Вон идут три охранника. Они не вооружены. Пожалуй, я справлюсь с ними с помощью моих кулаков, ради разнообразия. Изящное искусство апперкота, знаете ли. Ты готов, Хатавей?

— Готов.

Марнаган поднял свои мясистые кулачищи.

Камера застремилась. Хатавей ухмыльнулся сам себе.

Отменная получилась съемка в затемнение!

1943

Защитный механизм

— О боже, вы хоть соображаете, как далеко нас занесло от Земли? Вы хотя бы задумывались об этом? От такого у кого угодно душа в пятки уйдет. Ой, держите меня! Да сделайте что-нибудь! Дайте мне успокоительного или возьмите за руку, сбегайте за мамочкой. Всего-то миллион миль по холодку. Гляньте-ка на мерцающие звезды. Посмотрите, как у меня руки трясутся. Потрогайте, сердце беснуется, как штиха.

Ко мне подходит капитан с ошеломленным выражением на сморщенном лице. Берет за руку, глядя в глаза.

— Здорово, капитан! Я сбрендил, если вам интересно. Имею право на страх. Только полюбуйтесь на этот космос! Еще минуту назад я смотрел на круглую, укутанную облаками Землю, дремлющую на звездной перине, и мой ум зашел за разум и возопил черт, черт! Как тебя угораздило вляпаться в такую историю! В ракете, за миллион миль от Луны, несущейся к Марсу в компании четырнадцати таких же несчастных! Я едва держусь на ногах, у меня содрогаются колени, руки, сердце. Держите меня, сэр!

Как выглядит истерика? Капитан снимает с вилки трубку аппарата внутренней связи и, хмурясь, говорит в нее скороговоркой. Надеюсь, он вызывает психиатра. Мне нужна помощь. О, проклятье, проклятье, проклятье!

Психиатр спускается по ступенькам в девствен-но-белом халате и направляется ко мне, как в грезах. Приветики, доктор! Вас-то мне и надо. Умоляю, сэр, разверните эту треклятую ракету и летите в Нью-Йорк. А не то я свихнусь от космоса и расстояний!

Речь психиатра и капитана слилась в бормотание, перемежающееся время от времени эмоциональными всплесками, кивками и жестами:

— Доктор, у юного Халлоуэя приступ страха. Можете ему помочь?

— Попытаюсь. У Халлоуэя и впрямь проблемы. Подумать только, ведь он и его мускулатура понадобятся нам после посадки.

— При таком малочисленном экипаже каждый человек на вес урана. Его просто до зарезу необходимо вылечить.

Психиатр качает головой:

— Придется напичкать его лекарствами, чтобы до конца экспедиции он вел себя тихо.

Капитан возмущается. Говорит, что это невозможно. У меня в голове забарабанила кровь. Доктор приближается ко мне, источая ароматы чистоты, белизны и проницательности.

— Да поймите же, капитан. Он явно помешан на возвращении домой. Его разговоры — почти что возврат в детство. Я не могу пренебречь его требованиями. Его фобия чересчур глубока, чтобы унять ее увещеваниями. Но, кажется, у меня есть идея. Халлоуэй?

— Да, сэр? Помогите мне, доктор. Я хочу домой. Мне хочется увидеть, как внутри стеклянного куба маслянистой лавиной взрывается попкорн. Я хочу кататься на роликовых коньках. Я хочу залезть в старый добрый фургончик со льдом и чиркать, чиркать, чиркать острым ломиком по льду. Я хочу ходить в долгие

походы, обливаясь потом, любоваться на кирпичные домиша и сияющие лица, драться со старой бандой, что угодно, только не это... бррр!

Психиатр потирает подбородок:

— Ладно, сынок. Можешь возвращаться на Землю.

Сегодня же вечером.

Капитан опять взрывается:

— Как вы можете ему такое говорить! Нам предстоит посадка на Марс. Сегодня!

Психиатр терпеливо похлопывает капитана.

— Прошу вас, капитан. Итак, Халлоуэй, ты возвращаешься в Нью-Йорк. Как тебе это нравится?

Мне уже не так страшно. Мы спускаемся по эскалатору, и вот — кабинет психиатра.

Он заливает мои глаза светом. Огоньки вращаются, как звезды на диске. Вокруг уйма странных приборов, к голове и ушам прилеплены датчики. Я засыпаю. Какой же я сонный. Как под теплой водой. Меня рассталивают. Омывают, купают. Тихо. О боже, как спать охота.

— ...слушай меня, Халлоуэй...

Я в полудреме. Слова доктора. Очень ласковые, как перышки. Мягкие, нежные.

— ...тебе предстоит высадка на Землю. Кто бы что ни говорил, ты высаживаешься на Землю... что бы с тобой ни приключилось, ты будешь на Земле... все, что ты увидишь, все, что ты будешь делать, — происходит на Земле... запомни, что..., запомни, что... ты не должен бояться, потому что ты будешь на Земле... помни... заруби это на носу... посадка на Землю через час... ты дома... снова дома... кто бы там что ни говорил...

О да! Снова дома. Забытье. Снова дома. Плыту во сне. О, спасибо, сэр. Спасибо от всей души. Да, сэр. Да. Сон, все расплывается.

* * *

Я бодрствую!

Эй, где вы там, смотрите! Земля летит! Прямо на нас, как зеленый мшистый мяч, запущенный битой! Крученый мяч!

— Контрольные посты! Посадка на Марс!

— Надеть скафандры! Проверка атмосферы!

Что он велел надеть?

— Твою бейсбольную форму, Халлоуэй, бейсбольную форму!

— Есть, сэр! — Она лежит в металлическом шкафчике. Сейчас я ее достану. Голова, руки, ноги — готово! Бейсбольная форма. Ха! Здорово! Бросок, старина! Шлеп! Уауу!

— Пристегнуть шлемы к скафандрам. Проверить кислород.

Что такое?

— Напяливай бейсбольную маску, Халлоуэй!

О, маска прямо так и сползает по лицу. Капитан примчался. Глаза горят зеленым пламенем от злости.

— Доктор, что это еще за несусветная чушь?

— Вы же хотели, чтобы Халлоуэй выполнял свою работу, капитан?

— Да, но что, черт побери, вы с ним сделали?

Странный разговор. Я слышу, как их речь перетекает поверх моей головы, словно волна через морской утес, но слова откатываются, не оставляя следа. Стоит только каким-нибудь словам застрять в моей голове, как нечто поглощает и переваривает их, и мне кажется, что слова превращаются во что-то совершенно иное.

Психиатр кивает в мою сторону:

— Я не мог изменить его основополагающее желание. Будь у меня время, то за несколько месяцев я бы смог. Но он вам нужен прямо сейчас. Так что

вопреки всем этическим нормам моей профессии, которые гласят о том, что пациентам никогда нельзя лгать, я последовал ходу его мысли. Я не посмел вызвать у него фрустрацию. Он хотел вернуться домой, вот я и позволил ему вернуться домой. Я дал ему фантазию. Я построил в его сознании защитный механизм, который отказывается верить в определенные реалии жизни и оценивает все явления с точки зрения желания находиться дома, в безопасности. Его разум автоматически заблокирует любую мысль или образ, угрожающие этой безопасности.

Капитан дико вытаращил глаза:

— Значит, так, значит, Халлоуэй обезумел?

— А что вы предпочитаете: чтобы он обезумел от страха или чтобы он смог работать на Марсе, хоть и в состоянии легкого «помешательства»? Подыграйте ему, и все обойдется. Но помните, мы садимся на Землю, а не на Марс!

— Земля! Марс! Так вы и меня с ума сведете!

Доктор и капитан ведут странные речи. Ну и пусты! Вот она, Земля! Зеленая, растущая на глазах, словно влажный кочан капусты под ногами!

— Посадка на Марс! Воздушные шлюзы открыты! Дышать кислородом из скафандра.

Свершилось! Кто последний выбежит из корабля, тот розовый шимпанзе!

— Халлоуэй, вернись, чертов придурок! Убьешься!

Ощутите милую, родную Землю под ногами! Мы вернулись домой! Славьте Господа! Давайте плясать, горланить песни невпопад и гоготать! Уууу! Аaaa!

В дверях дома, размахивая кулаками, стоит краснолицый и морщинистый капитан.

— Халлоуэй, назад! Оглянись, идиот!

Я оборачиваюсь и исторгаю счастливый вопль.

Шеп! Шеп, старый пес! Он бежит мне навстречу,

длинная шерсть развеивается, сверкая под янтарным солнцем. Лает. Шеп, я целую вечность тебя не видал. Хорошая собачка. Иди, иди ко мне, Шеп, дай-ка я тебя поглажу.

Капитан истошно кричит:

— Не смей с ним играть! Это же плотоядный марсианский змей. Ну и челюсти у этой твари! Халлоуэй, ножом его, ножом!

Шеп оскалился и показал зубы.

— Шеп, в чем дело? Разве так полагается меня встречать? Ну же, Шеп. Эй! — Я отдергиваю руку в тот самый момент, когда он молниеносно клацает челюстями. Шеп стремительно обвивает меня кольцами. — Надеюсь, ты не заразился бешенством, Шеп? — Он набрасывается и хватает меня за лодыжку своими крепкими цепкими белыми зубами! — Боже мой, Шеп, да ты спятил! Я не могу больше это терпеть. А ведь ты был таким добрым, симпатичным псом. Помнишь, как мы ходили в походы по ленивым кукурузным угодьям, мимо красных амбаров и глубоких колодцев? — Шеп крепко стискивает мою лодыжку. Я даю ему еще один шанс. — Шеп, отцепись же ты от меня! — Откуда в моей руке взялся этот длинный нож, прямо как по волшебству? — Не обессудь, Шеп, но... вот тебе!

Шеп взревел, забил хвостом, зарычал. Моя рука поднимается и опускается, рукавицы запятнаны кровью.

— Не рычи, Шеп. Я же сказал, что мне очень жаль.

— Экипаж, быстро туда. Закопайте эту тварь немедленно!

Я таращусь на капитана. Нельзя так говорить про Шепа.

Капитан уставился на мои лодыжки.

— Извини, Халлоуэй. Я хотел сказать: похороните этого пса, парни. Со всеми почестями. Тебе повезло, сы-

нок. Еще секунда — и эти кинжалные зубы прогрызли бы металлические пластины на твоих лодыжках.

Не понимаю, куда он клонит.

— Я же обут в кроссовки, сэр.

— Ах да, действительно, извини, Халлоуэй. Я понимаю, каково тебе сейчас. Шеп. Отличный был пес.

Я задумываюсь над сказанным, и мои глаза наполняются влагой.

* * *

Капитан говорит, что будет пикник и поход. Вот уже три часа ребята вытаскивают из металлического дома багаж. Послушать их, так это будет всем пикникам пикник. Некоторые, кажется, побаиваются. Но кого испугают медноголовые змеи, водяные щитомордники и раки, нет уж, точно не меня.

Гес Барц, обливаясь потом, возится с каким-то аппаратом и косится на меня.

— Халлоуэй, что с тобой происходит?

Я улыбаюсь:

— Со мной? Ничего? А что такого?

— Что ты вытворял с этим марсианским змеем?

— Что ты несешь? С каким еще змеем?

Нервно вмешивается капитан:

— Барц, оставь Халлоуэя в покое. Доктор тебе все объяснит. Расспроси его.

Барц удаляется, почесывая затылок.

Капитан похлопывает меня по плечу:

— Халлоуэй, ты наш силач. Вон какие мускулы нарастил, работая с ракетными двигателями. Так что сегодня в походе гляди в оба, будь начеку. И держи свое... гм... пневматическое ружье... наготове.

— Думаете, попадутся бобры, сэр?

Капитан слегка сглотнул слюну и заморгал.

— Гм-м. О-о, бобры. Да, бобры. Конечно, бобры. Возможно, пумы. И в придачу индейцы, как я слышал. Всякое возможно. Будь настороже.

— Пумы с индейцами в Нью-Йорке? Это в нашито времена? Ничего себе, сэр.

— Проехали. Просто будь начеку. Куришь?

— Я не курящий, сэр. В здоровом теле здоровый дух, вы же знаете старое правило.

— Старое правило. Ах да! Старое правило. Шучу. Мне не хочется курить. Как бы не так.

— Что вы сейчас сказали, сэр?

— Ничего, Халлоуэй, иди, иди вперед, не задерживайся.

Я помогаю остальным.

— Гес, мы садимся на желтый трамвай до пригородов?

— Мы пользуемся реактивными поясами, летим на низкой высоте над мертвыми морями.

— Ну-ка, повтори, Гес?

— Я сказал: мы едем на желтом трамвае до конечной остановки. Да.

Мы готовы. Все навьючили на себя поклажу и пускаются в путь. Мы идем группами по четыре. По Главной улице, мимо кондитерской фабрики, по мосту, сквозь туннель, мимо цирковой площадки и встретимся, как говорит капитан, в месте, которое он показал на какой-то странной, разрозненной карте.

— Поехали! Ух ты! Я забыл заплатить за проезд.

— Не страшно. Я заплатил.

— Спасибо, капитан. Вот это, я понимаю, поездка!

Кипарисы и клены так и мелькают мимо. Фьююю! Я бы никому в этом не признался, сэр, только вам, но я так и не заметил трамвая. Мы вдруг взмыли в пустое пространство, безо всякой опоры, и я не увидел вагона. Но теперь вижу, сэр.

Капитан уставился на меня, словно я с луны свалился.

— А теперь, значит, видишь?

— Да, сэр. Я ухватился за подвесной ременный поручень.

— До чего же потешный у тебя вид, Халлоуэй, когда ты летишь по воздуху с вздернутой рукой!

— Почему, сэр?

— Ха, ха, ха!

— Почему все надо мной смеются, сэр?

— Не переживай, сынок. Просто от счастья, вот и все.

Динг. Динг. Динг. Угол Канал-стрит и Вашингтон авеню. Динг. Динг. Пишиш. Вот оно, настоящее путешествие. Только странно, что капитану и его парням не сидится на месте. Они все время пересаживаются. Трамвай длинный. Я в самом хвосте. Они впереди.

У большого бурого здания на следующем перекрестке стоит желто-красно-синяя тележка с попкорном. Вспоминаю вкус попкорна. Давненько я его не пробовал... Если попрошу разрешения у капитана сойти и купить кулечек, он откажет. Я тайком выберусь из вагона на следующей остановке. А вернусь на другом трамвае и нагоню остальных.

* * *

Как остановить этот вагон? Мои пальцы теребят бейсбольную форму. Что они там нашупали, мне даже не хочется знать. Трамвай останавливается! То-то же! Попкорн важнее!

Я сошел с трамвая, прогуливаюсь. Вот машина для воздушной кукурузы, за которой стоит человек и возится с серебристыми кнопочками.

- ...мурр...локк...лок...кор...из...
- Тони! Тони, бамбино! Что ты тут делаешь!
- Щелк.

Такого не может быть, но это именно так. Тони, умерший десять лет назад, когда я был конопатым парнишкой, жив-здоров и опять торгует попкорном! О, Тони, как я же рад тебя видеть. Его нафабренные черные усы блестят. Его темные волосы напоминают горячую маслянистую стружку. Его сияющие от счастья румяные щеки! Он мерцает у меня перед глазами, как прохладный дождь. Тони! Дай мне пожать твою руку! Дай мне кулечек попкорну, синьор!

— Щелк... Щелк... Щелк... — брызги, —...Щелк...
риииииии...

— Капитан тебя не видел, Тони. Ты хорошо замаскировался. Один я тебя заметил. Минуточку, вот только достану свой пятак.

— Рииииииии...

Фьююю. Голова закружилась. Духота. Голова кружится, как листик в бурю. Дай-ка я подержусь за твою тележку, Тони, быстренько. Меня знобит. Голову словно иголками искололи...

— Рииииииии...

У меня жар. Словно в голове запалили факел.

Еще жарче. Извини за критику, Тони, но твоя жаровня перегрелась. У тебя перепуганное, перекошенное лицо. Почему твои руки так быстро мелькают? Может, выключишь? Мне душно. Все плавится. Колени подкашиваются.

Жарче прежнего. Лучше бы он ее выключил. Я больше не вынесу. К тому же никак не найду свой пятицентовик. Прошу тебя, выруби эту штуку, Тони. Меня тошнит. Моя форма стала оранжевой. Я могу загореться!

Тони, тогда я сам ее выключу.

Ты меня *стукнул!*

Да хватит же меня колотить, перестань щелкать своими рукоятками! Говорю же тебе, жарко. Перестань, а не то...

Тони. Куда ты подевался? Исчез.

Откуда выскоцило это лиловое пламя? А гулкий взрыв? Огонь, кажется, выстрелил из моей руки, из скаутского фонарика. Лиловый, всепожирающий огонь!

Чую едкую резкую вонь.

Как от пережаренного гамбургера.

Мне полегчало. Прохладно, как зимой. Но...

Словно жужжащая под ухом мушка, раздается далекий слабый голос:

— Халлоуэй, куда ты провалился, черт возьми?

Капитан! Это его возбужденный голос.

— Я вас не вижу, сэр!

— Халлоуэй, мы на дне мертвого моря, рядом с древним марсианским городом и... а, черт, не важно, если ты меня слышишь, нажми на свой бойскаутский значок и прокричи мне в ответ!

Жму изо всех сил на значок и ору:

— Эй, капитан!

— Халлоуэй! Слава тебе, господи! Ты не погиб!

Где ты?

— Я вышел за попкорном, сэр. Я вас не вижу. А почему я вас слышу?

— Здесь эхо. Ладно, ничего. Если ты в порядке, садись на следующий трамвай.

— Очень кстати. Как раз из-за угла, где аптека, заворачивает большой красный трамвай.

— Что!!!

— Да, сэр, и в нем полным-полно народу. Я сажусь.

— Постой! Не садись! Проклятье! Какого *такого* народу? Черт побери!

— Это банда из Вестсайда как пить дать. Все голо-
ворезы как на подбор.

— Банда из Вестсайда... Черт. Это марсиане. Уноси
оттуда ноги. Садись на другой трамвай... спускайся в
подземку! Поднимайся на надземку!

Слишком поздно. Вагон остановился. Мне придет-
ся садиться. А то кондуктор смотрит волком.

— Волком! — кричит капитан. — Тебя изничтожат!

О, о, все повылезали из трамвая. Глядят на меня
недобро. Келли, Гроган, Томпкинс и остальные. Чую,
назревает драка.

Голос капитана вонзается мне в уши, но его нигде
не видно:

— Стреляй из R-пушки, из бластера, из бластера!
Черт! Из рогатки! Отстреливайся шариками из жева-
ной бумаги. Хватай все, что под руку попадется в ко-
буре! Только стреляй! Парни, кругом, летим обратно!

У них численное превосходство. Они меня запро-
сто отдубасят, отдубасят, отдубасят по первое число.
Они прикрутят меня к дереву, к дереву, к дереву и
защекочут до смерти. Выколют татуировку из своих
инициалов у меня на лбу. Мамочки это не понравится.

Чем капитан ближе, тем громче его голос.

— Папочек тоже не понравится! Вали оттуда, Хал-
лоуэй!

— Они меня колотят, сэр! Мы деремся!

— Держись, Халлоуэй!

Я сбиваю одного апперкотом, другого. Третьего!
Кто-то вцепился в мою лодыжку. Я отбрыкиваюсь.
Получай! Спотыкаюсь, падаю! Искры из глаз. Лило-
вые, большие лиловые молнии рассекают воздух!

Троих след простыл. Раз — и нету!

Наверное, провалились в канализационный люк.

Сожалею. Я не хотел причинять им вреда.

Они стащили мой фонарик.

— Верни его, Халлоуэй! Мы идем. Верни свой фонарик и пускай его в дело! Какая глупость, глупость, — рычит он, — глупость, глупость!

* * *

Я отбираю у них фонарик, но он сломан. От него никакой пользы. Мы сошлись в рукопашной. Их целая толпа. Я слабею. Они лезут на меня, бьют. Так не честно. Я падаю, отбиваясь ногами, ору!

— Полный вперед, парни!!!

Они меня связывают по рукам и ногам. Я обездвижен. Они заталкивают меня в трамвай. Теперь я не смогу пойти в поход. А я так тщательно к нему готовился!

— Мы на месте, Халлоуэй! Парни, залпом пли! Боже праведный, ну и рожи у этих тварей! Бррр!

Берегись, капитан! Они вас всех повяжут! Ааха! Кто-то согрел меня по затылку. В глазах потемнело. Темнота. Темнота.

Баю-баюшки-баю, спи, малыш, на макушке дерева, когда задует ветерок...

— Ладно, Халлоуэй! Очнешься, когда захочешь, когда душе будет угодно.

Темно. Раздается голос. Темно, как у кита во чреве. Ох, моя голова. Я лежу, распростершись. Ощущаю спиной камни.

— Доброе утро, *дражайший* мистер Халлоуэй!

— Капитан, это вы там в темном углу?

— А кто же еще? Президент Соединенных Штатов?

— Где находится эта пещера?

— Может, ты нам подскажешь? Это же ты втравил нас в эту заваруху из-за своего попкорна, да гори он вечно в аду! Ну, на кой черт тебе понадобилосьходить с трамвая?

— Это вестайдская банда нас повязала, капитан?

— Вестайдская банда! Бrrр! Какие нечеловеческие, гнусные, жуткие, тошнотворные образины! Висломя-
сые... изъязвленные. Гнилое инопланетное отродье!

Вот странные речи!

— Послушай, ты, идиот недоделанный, через час
нас поджарят, выпотрошат, укокошат, убьют, зарежут,
прикончат, и мы, *ipso facto*, превратимся в мертвяков.
Твои «дружки» уготовили нам небольшое развлечение с
кровопусканием. Когда же наконец я смогу втемяшить
в твою тупую башку, что мы на Марсе и мерзкая шайка
марсиан собирается покрошить нас на мелкие кусочки!

— Капитан, сэр?

— Да, Берман!

— Дверь пещеры отворяется, сэр. Думаю, марсиане
готовятся снова на нас напасть, сэр. Какое-то испы-
тание, наверное.

— Не тронь меня, одноглазая скотина! Я выхожу,
не толкайся!

Мы вышли из пещеры наружу. Они режут наши ве-
ревки. Видите, капитан, они не причиняют нам вреда.
Вот кирпичный переулок. Вон там на веревке сушится
нижнее белье миссис Хайт. А тут ребята из пивного
бара... чего они дожидаются?

— Посмотреть, как мы окочуrimся?

— Капитан, что стряслось с Халлоуэем? Он какой-
то странный...

— По крайней мере, ему повезло больше нашего.
Он не видит рожи и тулова этих тварей, от которых че-
ловека может вывернуть наизнанку. Это у них, навер-
ное, амфитеатр. Похоже на полосу препятствий. Судя
по их языку жестов, если мы преодолеем препятствия,
они нас освободят. Примечание: никому еще не уда-
валось выбраться оттуда живым. Берман, похоже, они
хотят, чтобы ты пошел первым. Удачи, парень!

— Прощайте, капитан. Прощай, Гес. Прощай, Халлоуэй.

Берман побежал по коридору пружинистыми прыжками. Я отчетливо слышу его отчаянный крик, хотя он уже далеко.

Появился автомобиль!

Берман! Аааа! Он сбивает его! Берман падает!

— Берман, вставай же, вставай!

— Ни с места, Халлоуэй! Твоя очередь еще не подошла!

— Моя очередь? Что вы хотите сказать? Нужно помочь Берману!

— Халлоуэй, вернись! О боже. Глаза бы мои этого не видели!

* * *

Задрал ноги, опустил на землю. Вдохнул, выдохнул. Взмахнул руками, взмахнул ногами. Пожевал язык. Поморгал. Берман, я иду. Черт возьми, как все чертовски безумно. Вот катится фургон со льдом. Прямо на меня прет! Его не обойти. Очень быстро едет. А я запрыгну в него. Прыг-скок. Прохладный ледок! Ломиком чирк-чирк-чирк. Слышу издалека вопли капитана. За миллион раскаленных миль. Чирк-чирк-чирк — обрубаю ледяную глыбу по периметру. Фургон громыхает, содрогается, ходит ходуном, катится на больших ржавых колесах, воняет кислым аммиаком, подпрыгивая по вельветовой грязи и кирпичной дорожке. Кажется, захлопывается его корма, усеянная множеством ледяных штырей. Мою левую ногу пронзает резкая боль. Чирк-чирк-чирк! Кус льда. Квадрат льда. Ледяной куб. Встряска, судороги, агония. Колеса замирают. Я выпрыгиваю из покореженного фургона и бегу. Прокатился ли чертов фургон по

Берману? Надеюсь, нет. Тут забор. Я перемахиваю через него. Еще одна попкорн-машина. Пышет жаром, раскалена, изрыгает огонь и красное пламя, обжигающие металлические рукоятки...

Гоп-ля! Я нечаянно сбил с ног оператора попкорн-машины. Эй, Берман, почему ты у меня на руках? Как ты тут очутился? Это я тебя подобрал с земли? И зачем? Бег с препятствиями в школе? Тяжеленный же ты! Я притомился. Собаки глажут мне пятки. Далеко еще тебя тащить? Я слышу крики капитана. Зачем? Зачем? Вон топает внушительных размеров презлющий школьный надзиратель с дубинкой, чтобы загнать меня в школу, какой он огромный и мерзкий...

Я влепил надзирателю под колено и заехал ему по морде... Ой, вот мамочка-то рассердится... да, мама... нет, мама... так нечестно... так драться не по правилам... храст... ладно, забудем про это?

Я тяжело дышу. Против меня вышла целая банда щетинистых ирландцев, испещренных шрамами норвежцев и упертых итальянцев... удар, пинок, схватка... вот летит машина... Берман, надеюсь, нам удастся от нее увернуться... а вот с противоположной стороны несется другая!.. Если я все точно рассчитаю... аaaa.... хватит вопить, Берман!

Машины врезались одна в другую.

Машины все еще катятся кубарем, как два зверя, рвущих друг другу глотки.

Осталось самую малость, Берман, до конца переулка. Вот уже рядом. Когда все это закончится, я завалюсь дрыхнуть лет на сорок... откуда у меня этот фонарик? От одного из тех парней, которых я размазал по стенке? От продавца попкорна? Я буду шарить этим лучом перед собой... все от него улепетывают врассыпную... не нравится, наверное, когда свет режет глаза... конец переулка! Вот зеленая долина и мой

дом, а вот мама с папой меня дожидаются! Эй, давайте споем, попляшем. Мы пришли домой!

— Халлоуэй, так тебя растак! Ты справился!

Тьма. Сон. Медленное пробуждение. Слышу голоса.

— ...и Халлоуэй беззаботно бежит себе по амфитеатру, как школьник, сдающий бег с препятствиями. На Халлоуэя набрасывается огромный желтый марсианский монстр с пастью, что твоя задняя дверь от автофургона...

— А что же Халлоуэй?

— Халлоуэй заныривает прямо в пасть монстру... раз и все!

— И что потом?

— Зверюга обалдела. Попыталась его выплюнуть. Потом, в довершение ко всему, что, по-вашему, отчебучил Халлоуэй? А? Я спрашиваю? Он вытащил свой бойскаутский ножик и как начал чирк-чирк-чиркать лезвием по всем внутренностям, решив, что он попал в фургон со льдом, и отколупывает себе ледок.

— Не может быть!

— Клянусь честью! Зверюга после такого чирк-чирк-чирканья заметалась, закувыркалась, заспотыкалась, раскачиваясь, и, наконец, с кровавым комком вылетает Халлоуэй, сияющий, как дитя, и на бегу уворачивается от дротиков, думая, что это камушки, перепрыгивает через шеренгу присевших на корточки воинов, уверяя всех, что это забор. Затем он поднимает Бермана и бежит с ним, и тут у него на пути возникает трехсотфунтовый марсианский борец. Халлоуэй решил, что это школьный надзиратель, и как врежет ему по морде! Затем он завалил еще одного гада, что лихорадочно вертел ручки парализующей машины, которая показалась Халлоуэю тележкой для попкорна! После чего налетают два гигантских марсианских

леопарда, которых он принял за двух никчемных шоферов за баранкой двух черных драндулетов. Халлоуэй увернулся. Два «автомобиля» врезались и разорвали друг дружку в клочья. Халлоуэй еще поднажал, расстреливая всех своим «фонариком», позаимствованным у продавца попкорна. Наводя на них фонарик, он еще диву давался, когда они испарялись и... ох, ох, Халлоуэй пробуждается. Я вижу, как у него подрагивают веки. Тишина, Халлоуэй, ты проснулся?

— Да, я уже пять минут слушаю ваши разговоры. Я все еще ничего не понимаю. Ничего же не случилось. Сколько же я проспал?

— Двое суток. Ничего не случилось, говоришь? Хм. Ничего особенного, если не считать, что ты поставил марсиан на колени. А так больше ничего, браток. Твое живописное представление весьма их впечатлило. Противник неожиданно решил, что если один землянин способен на то, что ты вытворял, то что же будет, когда нагрянет целый миллион?

— Все только и шутят да врут про Марс. Прекратите же. Где я нахожусь?

— На борту ракеты, готовящейся к старту.

— Покидаем Землю? Нет, нет. Я не хочу покидать Землю. Добрую, зеленую Землю! Пустите! Я боюсь! Отцепитесь от меня! Остановите корабль!

— Халлоуэй, мы на Марсе... мы возвращаемся на Землю.

— Вруны вы все до единого! Я не хочу лететь на Марс. Я хочу остаться здесь, на Земле!

— Боже праведный! Опять двадцать пять! Попридержите его, Гес. Доктор, срочно! Помогите Халлоуэю переключить сознание. Быстро!

Лжецы! Как вы смеете! Лжецы! Лжецы!

Там, где все кончается

Давным-давно какой-то странствующий цирк утопил в канале свои ветхие красные фургоны и желтые клетки. Казалось, длинная процессия скатилась, громыхая, с набережной, чтобы сгрудиться и обрасти бурой ржавчиной под толщей серых стоячих вод. Дюжина клеток, с которых стародавняя краска облетала, как листки с календаря, лежала вверх колесами.

Стив Майклс стоял на краю, глядя вниз сквозь красную пелену.

Тридцать лет назад это место называлось Венецией у моря, штат Калифорния. Некое подобие Италии. В ночи плавно скользили взад-вперед разукрашенные гондолы с зелеными фонарями. Раздавалось пение. Кругом чистота и свежесть. Все это кануло в прошлое. Теперь здесь воцарилась свалка для пустых клеток.

Стив не знал, что уже пять часов вечера. Он, похоже, не замечал зимнего солнца в мглистом сером небе. На него накатила тишина и не давала дышать.

Вдруг рядом с ним возникла Лиза. Она согрела зимний воздух, заставив его благоухать. Ее голос звучал тихо:

— Стив, нельзя же стоять здесь целую вечность.

Он даже не вскинул на нее свои серые глаза.

— Можно попытаться.

— Возвращайся домой, в лос-анджелесскую контору, Стив. А завтра приходи снова.

— Ну да. После похорон, — сказал Стив. — Я могу прийти поглазеть на пятна крови Чарльза на тротуаре. Если пойдет дождь, я увижу, как вода все смывает. — Он уставился на бетон странного цвета у себя под ногами. — Хотелось бы, чтобы дождь пошел в моей голове и все смыл.

Лиза ждала.

— Ладно, — вздохнула она. — Что же нам делать?

Его плечи приподнялись. Он выбросил погасшую сигарету, которую забыл выкуриТЬ.

— Прогуляемся. Пойдем, Лиза. Мы разыскиваем убийцу, проживающего в доме на канале.

Они зашагали на юг.

Местность была знакомая. Стив объяснил:

— Плотная застройка начинается отсюда и сходит на нет через четыре мили вдоль берега. Там есть нефтяные скважины и насосы. Вода канала чернеет от грязи, и от нее несет... застойной кровью.

От холодного света лица Стива побледнело, кожа плотно обтянула скулы, глаза обесцветились и затусковали, а волосы покернели от контраста.

— Пока ты была вчера в Эль-Монте, Лиза, кто-то позвонил в контору. Некий старикан по имени Гербелоу, работник нефтяной скважины в Венецианской низине, рассказал, что его шантажируют. Кличка шантажиста Маркам. Странные там творились дела.

— Какие именно?

— Аварии на нефтяных машинах по ночам. Кто-то просачивается туда в темноте и гадит. Чарли догадался, что это делает тот, кто живет поблизости от системы каналов. Много ночных кряду, в поздние часы. Я задержался в конторе. Сначала Чарли расспрашивал Гербелоу, затем прогулялся вдоль всей системы каналов в поисках какой-нибудь зацепки...

Лизины пальцы сжали его локоть.

— В газетах пишут, будто это несчастный случай. Чарли Брэндон оступился в темноте, ударился головой о тротуар и утонул на шести футовой глубине...

У Стива на скулах заиграла желваки.

— Пусть полиция тоже считает, что это несчастный случай. Не хочу, чтобы копы тут все переворошили. Это мое расследование. Мое и Чарльза.

Он окинул взглядом все дома мышиного окраса, каждый из которых был серым подобием своего братца. Одноэтажные квартиры укутывала мгла в сумерках, а по утрам обдувал неистовый просоленный ветер.

— Наверняка Чарльзу пришла в голову какая-то мысль, пока он тут разгуливал. Много бы я дал, чтобы узнать, какая именно.

— Ты уже видел старика Гербелоу?

— Я позвонил ему и сказал, что мы зайдем. Он ответил, что видел Маркана однажды, пару месяцев назад, когда Маркам только начал свою игру. У Гербелоу слабое зрение. Он сказал только, что у Маркана молодой голос. Молодой и наглый.

Стив прибавил шагу.

— Стив, мы идем к нему? К Гербелоу?

— Да. Это четыре мили пешком. По пути мы можем вести наши поиски.

Лиза вздрогнула и повернулась вполоборота. Уже почти стемнело.

— Странное ощущение, когда кажется, что за тобой следят... а это всего лишь ветер.

* * *

В четырех милях вниз по течению канал поворачивает к морю. Океанский прибой обрушивал свой солоноватый гнев на волноломы, скалы и песчаные пляжи. Там нефтяные скважины сшивали воедино

море и сушу черными пальцами насосов. Слышно было, как они стенают и скрежещут от своей работы. Во тьме не видно, что они делают, но слышны их жалобные крики.

Ветер на мгновение развернула клубы тумана, словно жухлую листву на большой темной лужайке, чтобы звезды проглянули сквозь них, подобно далеким диковинным бутонам. Стив свистнул сквозь зубы.

Лиза направлялась с ним на нефтяную скважину, отстоявшую ярдов на сто от канала, среди дюжины таких же скважин, которые поднимались все выше и выше, не желая останавливаться. Нефтяная скважина похожа на приспособление, с помощью которого Некто каждую ночь снимает звезды с небесного свода и протирает тряпицей. Самая настоящая лестница в небо.

В небольшой хижине горел яркий свет. Нефтяной насос-качалка, похожий на нервный палец, вздымался и опускался вверх-вниз с оханьем-аханьем, лязгом и пыхтением.

— Дед, мы пришли!

В ответ молчание. Стив услышал всхлип Лизы, и в тот же миг она прижалась к нему со словами:

— Он там, Стив, наверху. Ему голову придавило приводным валом.

Голове там не место. Стива подташнивало, когда он взбирался по лестнице и стоял на крыше машинного отделения, где, словно во сне, распростерся старик Гербелоу. Его голову зажало валом, который то поднимался, то опускался, вверх-вниз. Стив провожал глазами его движение, вверх-вниз-вверх, пока глаза не затуманились и заслезились. Он перестал видеть, только мог присесть на колени и спустя миг проговорил:

— Лиза, сегодня шел дождь?

— Нет.

— Странно. Крыша машинного отделения мокрая, причем не от крови. Туман опускался ненадолго, и роса выпасть не успела. Странно, — сказал он, отворачиваясь. Он спустился в объятия порывистого ветра и теней, глядя на канал. На какое-то время все замерло. Вдруг метнулась тень. Стив увидел, как она мелькает вдали, может, в сотне ярдов.

Стив выхватил пистолет, не успев пробежать и четырех шагов, но к тому моменту тень скрылась из виду. И когда Стив добежал до канала, не осталось ничего, кроме цоканья высоких каблуков бегущей вслед за ним Лизы. Он поднял глаза на ажурные стальные вышки с лестничными площадками и пролетами. Отличное укрытие. Залезай и лежи себе в тени, подглядывай и отсиживайся, пока внизу снуют люди. Вон сколько этих вышек. С избытком. Как много лестничных площадок и пролетов. Стив вздохнул:

— Давай вернемся к Гербелоу. Вот тебе еще один несчастный случай. Старик возился с механизмами и подставил голову не под ту железяку.

И тут они услышали вопль.

* * *

Они побежали обратно.

Они обнаружили маленького, худющего, как стальной провод, человечка, который, прижавшись к стене хижины Гербелоу, судорожно извергал на забор потоки рвоты, в знак жгучего, едкого протеста против символа смерти, лежащего на крыше. В перерывах между лихорадочными глотками воздуха он рыдал:

— Господь Всемогущий! Он мертв! Если бы он держал рот на замке, то остался бы в живых! Видите? Видите его там наверху? — Его снова вырвало. — Я просто хотел зайти к нему на огонек, и... и...

Человечек неуклюже выптер губы волосатым запястьем, перепуганно уставившись на Стива и Лизу.

— Вы. Вы его убили! Вы — Маркам!

Стив протянул свой именной жетон, словно гальку. Человечек посмотрел на него, тихонько ругнулся и затрясся мелкой дрожью, как кожа на лошадином боку.

— Полиция. Детективы. Ах, они приходили раза два. Вечером. Им надоело ждать. И они ушли. Только они ушли — Маркам вылез из засады. Он следит. Он знает. Черт, черт его подери. Полиция. То слишком рано, то слишком поздно. Черт! — И он, закашлявшись, сложился пополам.

Стив спокойно спросил человечка, где он живет. Тот нетвердой рукой махнул в сторону соседней скважины.

— Меня зовут Блек. О боже, что с моим желудком, сердцем, зрением. Я не хочу неприятностей. И не создавайте их для меня!

— Вы знали, что происходило с Гербелоу?

Блек знал и заговорил вполголоса:

— Он платил Маркаму за то, чтобы тот оставил его в покое. Многие платили, если не хотели, чтобы их механизмы поломались. Механизмы редкие. Достать их трудно. Чинить трудно. Война и все такое. Боже, вы только взгляните на его голову!

Его снова стошило.

Стив прикурил сигарету и протянул ее Блеку для успокоения. Блек сделал жадную затяжку, зыркая то на Лизу, то на Стива. Он не мог угомониться.

— Послушайте... я... никогда не видел этого... шантажиста.

— Не видели?

— Нет. Никто его не видел. Он звонил по телефону. Меня он не тревожил. Он не требовал больших денег. Лишь самую малость. Все платили. Ведь это была ничтожная доля от их прибылей. И машины оставались невредимыми.

Блек разговорился и поведал про смазчика Келли Большого Ирландца, который сгорел с жуткими воплями ночью в своей хибарке три месяца назад. Маркам устроил поджог, без умысла его убивать. Но Келли каким-то образом там застрял. Это было первой кровью на руках Маркана. Несчастный случай, но равносильный убийству.

Стив прервал нервические речи Блека:

— Время не ждет. Блек, проведите нас по нефтепромыслам. Мы тут новички.

Блек прижался спиной к забору и задрожал:

— Ни за что на свете. Смотрите, что стало с Геберлоу! Этот Маркам приходит каждую ночь. Ни звука. Ни шороха. Только туман, — прошептал он. — Приходит неслышно, как туман. Уходит, как волна откатывается в море. Бесследно. На него ставили капканы. Сработало? Ни черта! Маркам знает, у кого что на уме. Мы находили веревки на вышках. Думали, может, он раскачивается, как обезьяна на балках на ветру. Однажды окружили вышку, но никто не осмелился на нее залезть. Побоялись, что их спихнут оттуда. Полиция приехала, но ничего не нашла, кроме мешочеков в форме человека, набитых и вздернутых на балку. Маркам растворился в воздухе. Как факир-индус на вертикально торчащей ветревке.

— Он когда-нибудь приезжал на машине?

Не было машины. Лиза предположила, что была лодка на канале.

Блек уже успокоился и зафыркал дымком.

— Черт, нет. Он никогда от нас не убегал. Во всяком случае, далеко. Прежде чем исчезнуть. Он не садился за руль. Ни единой машины на многие мили. Ни одной лодки. А если бы он пустился вплавь, мы бы его точно засекли!

Стив выбросил свой окурок и как бы невзначай поинтересовался:

— Кстати, как работает ваша вышка последнее время, Блек?

Тот был потрясен. Блек смыгнул веки, выдержал паузу, снова открыл глаза, ответив мрачно и хмуро:

— К вашему сведению... моя скважина начисто пересохла...

Стив задумчиво посмотрела на Лизу. В тусклом свете она выглядела прекрасно. Она источала аромат свежести и молодости, назло затхлым морским запахам, первобытным испарениям нефти.

Голос Блека был угрем, как и его взгляд. Теперь Стив перевел взгляд на него и сказал:

— Ваша скважина пересохла. И вы завидуете соседям и их богатству. Проживаете неподалеку. Знаете местность. Вы могли бы быть шантажистом, приходить и уходить, как туман? Разве нет?

— Гербелоу и прочие могли бы рассказать вам, что голос у шантажиста молодой. А у меня — нет!

В самом деле. К тому же, подумал Стив, было бы очень глупо убивать кого-то по соседству. И то обстоятельство, что Чарли вел поиск на много миль ниже по течению канала, исключало Блека.

Стив спрятал пистолет.

— Блек, вам придется сопровождать нас, нравится вам или нет. Нельзя, чтобы вы бегали за моей спи-

ной. Мне нужно многое увидеть и услышать. Ведите нас!

И Блек повел их, не без ропота. Они направились к морю. По пути Стив обдумывал несколько соображений. Гербелоу и Чарли были убиты в спешке. А Маркам производит впечатление терпеливого типа, который месяцами выжидает, прежде чем нанести удар, а потом возвращается. А пока Маркам будет пристально следить за Лизой, Блеком и за ним. Может, он и сейчас где-то рядом. Прячется, подслушивает. Если мы нападем на его горячий след, он и нас попытается кокнуть. Одно убийство порождает другое. Нужно работать день за днем, не привлекая внимания.

* * *

Стив стал рассказывать об этом Лизе по пути к морю, куда их вел Блек.

— Мы нашли Чарли в воде, неподалеку от затопленных цирковых фургонов на дальнем конце канала. Значит, убийца там не живет, Лиза. Он не стал бы убивать перед своим домом.

Лиза посмотрела на черные хибары и клубящийся меж ними туман.

— Значит, здесь, Стив?

Стив медленно выдохнул:

— Может, и здесь. Он провел тут всю жизнь, знает окрестности, людей. Может, я играл с ним в детстве, проживая на Наветренной улице. Вот это был бы номер! А?

Они пришли к океану посмотреть, как волны прибоя разбиваются о берег и перелопачивают пески. От острова Каталины доносился тосклиwyй вой противотуманного ревуна.

— Стив, думаешь, убийца пришел отсюда?

— Нет. Волны слишком высоки. К тому же береговая охрана в эти дни начеку. Нет. — Он прикурил еще одну сигарету. — Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что убийца не живет здесь, среди своих жертв, равно как и в конце канала, где мы нашли Чарли. Нет. Тут нужна золотая середина. Где-то между этой местностью и точкой, где обнаружили Чарльза. Вот где надо искать.

Первый гаечный ключ просвистел в темноте, как стальная птица.

Блек захрипел, упал и больше не поднялся.

Лиза вскрикнула и закрутилась волчком. Стив сам повалил ее наземь. Второй гаечный ключ угодил ему в правый бок, в нижнюю часть грудной клетки, по касательной. Испытав на себе силу удара, Стив подумал, что же осталось от головы Блека после прямого попадания.

Стив упал на спину, расслабив мышцы, и лежал, глядя на убегающую тень. Первые две пули, выпущенные Стивом, отрикошетили от железа. Третья ушла в воздух, а с нею и тень. Стив поднялся за деревянными балками и бросился за тенью. Он оставил Лизу и на бегу услышал цоканье ее шагов у себя за спиной. Он срезал угол по гравиевой дорожке на север, вместо того чтобы бежать напрямик, на тот случай, если убийца поджидает его в темноте с очередным гаечным ключом.

Тяжело дыша, он добежал до канала. Спустя минуту Лиза вцепилась в него и разрыдалась у него на плече. Кажется, и Блека настигла смерть. Скорее всего, брошенный гаечный ключ предназначался Стиву, но путь ему преградил Блек. Лиза горько оплакивала его.

Он прижал ее к себе, не теряя бдительности. Казалось, высоченные темные нефтяные вышки накренились, так и норовят рухнуть на них. А туман играет деревянными балками, как на арфе.

— О-о-о, Стив, Стив...

— Возьми себя в руки, родная. Наш игрунок заигрался. Мало ему, что он убил Гербелоу, так он еще залег на дно, чтобы выведать наши замыслы. Видать, мои выводы пришлись ему не по нутру.

Они стояли вместе, подобно парочке детей из Гигантики. Тыща вышек вышагивают им навстречу сквозь туман, ухая, кряхтя и выпуская клубы пара. Стиву задышалось легче, но боль в правом боку ворочалась, как улитка в раскаленной раковине.

Лиза сказала:

— Стив, что за ночь кошмаров! Мы ни на шаг не продвинулись. Давай уйдем отсюда, пора домой.

Он и сам почувствовал, что устал, выдохся, выгорел, озяб, постарел и переутомился. Но выругался вполголоса и отошел от нее, нахмурившись.

— Завтра похороны Чарльза. Я не смогу смотреть на его лицо, если не предприму чего-либо. Прямо сейчас.

Последовала долгая пауза. Лизин голос прозвучал странно, когда она спросила:

— Каким был Чарли в детстве?

— Чарли? — Смущенный, он подумал и тихо ответил, чтобы слышать самого себя: — В те времена? Носился по пляжу. Бегал по пирсам. Валял дурака на канале. Мамаша лупила его за игры на канале. Помню, однажды...

Канал...

Стив умолк и зашагал прочь. Лиза следом за ним, не проронив ни слова, поглядывая на его внезапно побледневшее нахмуренное лицо. Можно сказать, он пробежал три сотни ярдов вдоль канала в поисках чего-то. Когда он наконец нашел, что искал, то остановился и замер над своей находкой.

По тротуару тянулся мокрый след брызг от пролитой воды, которую впитывал цемент.

— Лиза, на крыше у Гербелоу, рядом с его телом, была вода. Вода есть и на этом месте, где Маркам вылезал из канала.

— Ты уверен, Стив?

— Да. Пожалуй, впервые я в чем-то уверен.

— Но где это видано, чтобы в канале плавали, Стив?

— Одну и ту же задачу можно решить множеством способов. У меня возникла странноватая, еще не созревшая идея. Вся эта болтовня про обезьянье лазанье на вышки просто чушь. Маркам распространяет ее, чтобы всех запутать. Он не хочет, чтобы кто-то слишком уж обращал внимание на канал. Он хочет, чтобы они подозревали друг друга. Но сам он чужак, и вот откуда он вылез.

Стив снял с себя пальто медленно, как в холодящем сновидении. Неторопливо, молча расшнуровал ботинки и произнес:

— Знаешь, как выглядит Маркам? Как только находишь главную зацепку в разгадке такой шарады, все остальные элементы сами становятся на свои места. — Он стянул носки. — Маркам молод. Лет двадцати пяти, может, тридцати. Не намного старше. Молод и здоров. У него развитая грудная клетка, как у лошади.

— С чего ты взял?

— Убийца трех человек чувствовал себя в безопасности. Почему? Потому что у него был отличный способ отступления и он жил далеко от мест, где были найдены тела. Но мы ЗНАЕМ, где Чарли вел поиски — *вдоль канала*. С математической точки зрения, если убийца не живет ни на одном конце канала, где были совершены убийства, то он неизбежно должен проживать где-то в середине. А его способ передвижения подсказывает нам общее описание его возраста и состояния здоровья. Маркам проявил огромную

осмотрительность, вылезая из канала на большом удалении от того места, где он собирался делать свое черное дело. Поэтому никто не находил его водяной след. Никому не пришло в голову искать вдалеке от тех мест, где по ночам он устраивал налеты.

Он кивнул на канал.

* * *

— Канал подсказал мне еще кое-что... у него здоровый загар. Он живет на канале. Конечно. — Стив сложил свою одежду, в том числе брюки, в небольшую стопку на холодный цемент близ вод канала.

— Не понимаю, Стив.

— Каждый день Маркам проводит на пляже уйму времени. Живет в свое удовольствие. Ничем себя особо не утруждает. Блек говорил, что он не требует у своих жертв больших денег. От каждого понемногу. Шесть-семь человек отстегивают по тридцать, может, полсотни долларов в месяц. У нашего шантажиста полно свободного времени. Это весьма точная характеристика. Если бы я обошел вереницу домов и стал бы искать парня, соответствующего этим описаниям, то я рано или поздно нашел бы его. Правильно? Да. Атлетического телосложения, с развитой грудной клеткой, здоровым загаром, молодой бездельник.

Стив разделялся догола, если не считать плавок, даже не обращая внимания на Лизу. Он поднялся и стоял у воды, глядя вниз.

— Вода сегодня ночью холодная. Наверное, летом она сносная, но сегодня ночью уж точно холодная. — Он подался вперед. — Никто не видел, как Маркам приходит или уходит. Говорили, он передвигается наплывами, как туман. Или накатами, как морская волна. Молча и непринужденно. — Он поднял глаза

на Лизу, изменившуюся в лице, как заблудившееся дитя. — Вызови полицию на тот конец канала где-то через час, Лиза. Там и встретимся.

Лиза слабо запротестовала.

Стив сказал:

— Никто не видел, чтобы подъехала машина или подошла лодка по каналу, чтобы кто-то переплывал канал. Я покажу тебе, как Маркаму удалось нагнать столько мистического страха. До встречи через час.

— Стив!

Он уплыл. Скользя белесым, туманным созданием, беззвучно рассекая воду, он оставил позади себя расходящиеся волны, которые только и указывали на место его исчезновения. Темные воды сомкнулись над ним. Канал остался холоден ко всему происходящему.

Лиза понаблюдала минут пять, но как она ни всматривалась, так и не увидела, чтобы Стив вынырнул глотнуть воздуху.

Ее обволакивал туман. Нефтяные насосы вращались. Океан молотил по берегу. Ревун завывал, словно из иного мира. Лиза замерзла и озябла. Подхватила одежду и пошла звонить в полицию.

* * *

Когда Стив появился на поверхности, он уже далеко отплыл от Лизы, направляясь на север. Он почувствовал воздух в ноздрях, сделал глубокий вдох и погрузился в воду. Первое содрогание от холодной воды затухло. Боль в боку притупилась.

Отталкиваясь широкими гребками, он всматривался в придонную тьму. Когда он касался дна, к кончикам пальцев приставал ил. Сама вода была здесь чистая. Она становилась вязкой и теплой от нефти ближе к морю. Он видел футов на двадцать перед со-

бой, пока обзор не заслонила непроницаемая чернота. Освещение на Венецианском канале было никудышное. Одна слабосильная лампочка проливала рассеянный свет со столба, отстоявшего футов на десять от канала. Ночью под таким светом ни за что не разглядишь пловца даже в пяти футах.

Когда плавно и непринужденно он снова всплыл на поверхность, то услышал двустороннее биение нефтяных насосов в недрах каменного безмолвия. Погружаясь, он ощущал чрезвычайный покой, присущий такому способу передвижения. Никто не увидит, как ты ходишь, бежишь по тротуарам или прячешься в тень. Лишь холодный канал под сенью звездного неба, туман, ветер. Никакой ряби на воде от плавания на поверхности. Надо держаться на глубине, мощно отталкиваясь ногами от холодной мокрой массы, задерживать дыхание, скользя под водой и лишь выпуская понемногу цепочки пузырьков.

С хорошими легкими, здоровым организмом, помоложе и поздоровее, чем у Стива, можно долго проплыть без глотка воздуха. Тихо всплываешь, разинув рот, снова погружаешься и устремляешься по темным закоулкам, словно акула по знакомым лагунам.

Словно акула. Стив ухмыльнулся, ощущив, как сопротивляется течение воды. Месяцы тренировок кого угодно превратят в рыбу. Все меньше воздуха. Все дольше под водой. Все легче грести. Неудивительно, что полиция ничего не замечала.

Можно выслеживать субъекта на протяжении многих миль, если он топает по тротуару, и он не догадается о слежке. Идешь с ним в ногу, обгоняешь, отстаешь, исчезаешь, подкарауливаешь.

Стив снова всплыл, медленно и бесшумно, как плавник, разрезающий воду.

— Чарли, — думал он. — Ты ходил здесь вчера вечером. Ты знал, что искать. Гербелоу поведал тебе о своих подозрениях. И ты пошел по следу. Поразительно, но факт. Ты тоже вычислил, как работает Маркам. Ты догадался, что он — глубоководная акула.

Стив в раздумьях снова погрузился в воду, отталкиваясь ногами. Холод уже не так его напрягал. Просто он уже давненько не плавал по ночам.

В стене канала зияла дыра — все, что осталось от старого ливневого водостока. Стив обследовал ее. В голове сразу прояснилось, все сразу встало на свои места. Проплы娃ешь несколько футов вверх по водостоку под землей, пока не спадет уровень воды, высываешь голову из воды, стукаясь о стенки трубы, и можно прятаться хоть всю ночь, словно крокодил в норе на речном берегу. На всем протяжении канала имелись ливневые стоки, впадающие в канал. Удобные гроты для отдыха, если устанешь плавать. Отдышись минут десять, затем плыви себе дальше. Между сводом трубы и водой достаточно воздуха для дыхания. Не приходится удивляться, что Маркам всех обвел вокруг пальца.

Стив поплыл дальше.

* * *

— Чарли, помнишь наше детство на канале? — Стив заскрежетал зубами. — Мы втроем — ты, я и канал. Чудно, как порой жизнь начинается и кончается в том же месте. М-да.

— Значит, он выследил тебя, Чарли, как я выслеживаю его. Насколько далеко, Чарли? Я скажу тебе. Прикинь, как далеко может проплыть человек под водой, скажем, с небольшими передышками, пока не устанет. Одну милю. Две мили по каналу. Не дальше.

А ровно столько, чтобы полиция не нашла. И достаточно далеко от места преступления.

— Ты догадался об этом, прогуливаясь и покуривая свои сигары, Чарли. Ты не знал про заплыв Марка-ма в тот вечер, что он выслеживает и поджидает. Он затащил тебя под воду прямо напротив своего дома! Ударил трубой, затем, чтобы тебя тут не нашли, утянул вниз по течению, в самый конец канала, где все кончается, в том числе цирк с клетками и расщепленными колесами, и оставил тебя там лежать. Потом неторопливо поплыл домой, вылез, зашел внутрь, обсох и, может, поужинал на сон грядущий. Черт бы его подрал!

В воде, на дне канала, что-то засияло.

Жестяные банки. Целая дюжина банок с цементом, выстроенных ровным рядом. Что плохого в жестяных банках? А что, если они обозначали половину пройденного пути? Их положили, может быть, чтобы пловец мог ориентироваться, не высовываясь из воды и не обнаруживая себя. Просто вереница банок, которую не заприметит никто, кроме акулы.

Наверное, какое-то время устрашение людей в тумане доставляло удовольствие и шальные деньги. Ты резвился, как дитя, носился в дебрях просоленных теней и исчезал, оставляя после себя ужас и содрогание. Здорово выколачивать таким образом деньги, днем полеживая на пляже и упражняясь по вечерам. Здорово, пока не начались убийства. Ты никогда их не замышлял. Такое не замышляют.

Переутомление сначала поселилось в его плечевых мышцах. От удара гаечным ключом появилось жжение, жар чуть ли не вызывал свечение воды, и каждый взмах руки отдавался резкой болью.

От усталости Стив начал думать лихорадочнее. Сколько еще плыть? Пока не вымогаюсь до смерти.

Потом еще один или два квартала с поправкой на разницу в силах между мной и таким атлетом, как Маркам. Этого хватит.

Акула настигла его бесшумно, стремительно, без промаха.

Акула метнулась из темноты, бледно мерцая и оставляя за собой вереницу пузырьков, а ее мощь воплотилась в руки, ноги, человеческое лицо и тело!

Стив вскрикнул под водой! Вода так и закипела от его ярости.

Маркам!

В объятья заключают или чтобы любить, или чтобы уничтожить. Любовью тут и не пахло. Только сшибка тел, вздывающих фонтаны воды, пальцы, тянущиеся, как пауки, к лицу Стива, чтобы выдавить ему глаза. Он машинально сжался в пружину и врезал по маячашей мерцающей личине, заодно пытаясь отринуть ее.

Маркам вернулся. На этот раз Стив был наготове и воспользовался стенкой канала, чтобы оттолкнуться и выстрелить свое тело ему навстречу. Они взметнули взрывную волну в мир тумана, с ревом глотая воздух, и снова скрылись под водой. Встреча с мускулами и закалкой не предвещает ничего хорошего. Тому, кто годами не нырял, в подводный мир лучше не соваться.

Маркам набросился на Стива, как только они погрузились в бурлящую воду. Что-что, а задерживать дыхание Маркам умел, на то у него натренированные объемистые легкие. Достаточно было обхватить Стива, увлечь на дно и удерживать там, чтобы одолеть. Рано или поздно Стив наглотался бы воды и захлебнулся.

Что Маркам и сделал.

Стив нарочно расслабился, только высвободив одну руку до плеча. Он экономил воздух. Он стиснул своими ногами ноги Маркама. «Странно. Субъект по

прозвищу Маркам. Веду с ним подводный бой. Даже его лица раньше не видел, и теперь не вижу, — думал Стив, — и вот я сражаюсь с каким-то прозвищем, горой мускулов и роем пузырьков!» Они стукнулись о дно канала, как бы барахтаясь в драпировке рухнувших сценических декораций, обвитые многометровыми рулонами зеленого и черного бархата посреди грозы. Молнии раскалывали мозги Стива. Перед его смеженными глазами замелькали искры и кометы. Воздуха! Еще секунда, и его легкие...

Правой рукой Стив поймал нос Маркана и как врезал ему снизу вверх! Маркан разинул пасть — распахнутый капкан, изрыгая клоочущий воздух, — резко, жутко, мгновенно. Он отцепился от Стива, улепетывая словно краб.

Стив знал, что будет дальше. Маркан выпрыгнет за глотком воздуха, нырнет и будет держать Стива, пока у того не кончится воздух. На этот раз промашки не будет. Только холодающие, мертвяющие, вымокающие легкие.

Стив пошел на опережение. Он всплыл, изрыгая проклятия. Под водой невозможно изрыгать проклятия, только в уме. Проклятия засели внутри тебя, как ты засел внутри холодной водной паутины. Стив проклинал ночь, безумный пульс нефтяных насосов, океан, перемалывающий далекие пляжи. Потом он обрушился на всплывающего Маркана, и тот закорчился, как наживка в банке!

Стив запер запас бесценного воздуха в легких. Его уши трепетали, словно жестянки, подвешенные на сильном ветру, по которым колотили деревянными жердями.

Это за тебя, Чарли! Он в замедленном темпе стукнул дергающейся головой Маркана об илистое дно. За тебя, Чарли! И за Большого Ирландца. За сгоревшую

хижину! За старика Гербелоу! И за человека-акулу, который плавал в тихой воде, не оставляя следа, а только струи воды в том месте, где он вылезал и куда уходил, что испарялись к утру и исчезали!

Второй удар. Третий удар.

— Выпускай воздух, ублюдок! Выпускай воздух!

Четвертый удар. Маркам обмяк. Яростный напор Стива не ослабевал. Он сдавливал голову, пока она не затуманилась и весь воздух не хлынул наружу. Вдохнув лихорадочно, Маркам глотнул доброй холодной воды из канала, на котором дети играли в стародавние времена, доброй холодной воды из канала, на котором играли под солнышком Чарли и Стив и еще один мальчик, который вырос и превратился в акулу, доброй холодной воды из канала, в который они упали втроем, а теперь только одному из них суждено выйти оттуда живым!

Стив держал его до полного глотка.

Сонный кошмар. Он вылез во внешний мир, радуясь легким, радуясь чуду воздуха. Он просто вцепился в стенку канала и минут пятнадцать с наслаждением вдыхал и выдыхал воздух — вдох и выдох.

Затем, медленно ступая по воде, он нырнул и нашел то, что искал; взял искомое за руку и медленно поплыл к концу канала, до которого, казалось, миллион миль. Поэтому он не суетился, останавливался время от времени, снова пускался в путь. Казалось, два ребенка, взявшись за руки, идут домой, и один ведет другого по холодным водам.

Конец канала. Стив задумался о нем, задумался о Чарли, который тут прогуливался, задумался о цирковых фургонах, и тут в голову ему пришла забавная мыслишка. Из последних сил он принялся за ее воплощение.

Конец канала. Он дошел до него. Он нырнул.

Когда он вынырнул, уже один, послышался шум. Вой сирены из пригородов, автомобили тормозят, распахиваются дверцы. Стив выбрался из воды. Он услышал хлопанье дверей, шарканье бегущих ног.

Вода стекала с него студеными ручьями. Он про-друг. Горло болело от отчаянного холода. И весь мир свелся к огонькам шести фонариков, обшаривающих его тело.

Лиза приехала и неожиданно расплакалась. Сирена отвела свое. Лиза обняла его.

— Стив, Стив, ты живой.

— Конечно, конечно, Лиза, милая. Смотри, не вымокни.

— Ах, Стив...

Он позволил ей, теплой и ласковой, дрожать с ним в унисон. Положив голову на ее плечо, он смыжил веки, ощущая, как вода струится и струится с его темных волос. Он думал, у меня в голове идет дождь, который поможет смыть кровь Чарли, хотя бы отчасти. Да. Смыть.

Его зубы стучали. Он обнимал Лизу, словно теплый буек в море тумана. Он выдавил из себя несколько слов:

— Вызвать фургон. Зацепить крюками. В клетках завелся новый зверь. Я думаю, мне удалось его укротить. Да...

Прожекторы повернули вниз, выжигая полоски в холодной воде. Прутья. Ржавые прутия. Белый зверь безвольно плавал за решеткой. За решеткой. За решеткой.

Стив безумно хохотнул и покрепче прижал к себе Лизу:

— Будь рядом!

Раздражительный народец

Чарльз Кроссли, президент компании «Американские корабли на реактивной тяге», развалился в своем любимом кресле в гостиной. Голос в телевизоре завывал. Европа. Кроссли передернулся. Секретные атомные заводы. Кроссли содрогнулся. Полудиктатуры. Кроссли покрылся потом. Политическое давление. Война. Кроссли скорчился.

Его жена с негодованием выключила телевизор.

— Бред! — Она уставилась на своего безвольно обмякшего супруга. — У Тройственного Союза нет никакого оружия! И у нас нет! И у России с Британией нет. И вообще ни у кого нет! С оружием давно покончено. Оно запрещено. Когда? В тысяча девятьсот шестидесятом?

Кроссли со вздохом провел рукой по редеющим волосам.

— Они производят атомные бомбы в глубокой тайне, — сказал он, обронив на ковер сигарный пепел.

— Прекрати! — вскричала жена. — Ах, мой милый ковер!

— Ковер. Ох уж мне этот треклятый ковер, — проговорил он и, прикрыв глаза, надолго погрузился в невнятное бормотание. Затем он открыл один глаз. Посмотрел на жену. Посмотрел на ковер, на сигару в руке и на опавший пепел.

— Ковер? — Он снова закрыл глаза. Пять минут спустя он вскочил, наделав много шума. — Ковер! Эврика! Придумал! — Он стиснул в объятиях и расцеловал жену. — Ты гениальна! Я люблю тебя! Именно! Именно!

В буйном порыве он ринулся по направлению к Европе!

Так началась война 1989 года между Тройственным Союзом и Америкой.

Небольшой реактивный корабль пересекал Атлантику, движимый вспышками пламени. В нем летел Чарльз Кроссли — человек, озаренный догадкой. За ним, оставляя позади пустоту, следовали еще три тысячи кораблей. Они принадлежали ему. Ими владела его компания. Эти люди работали на него. Эта была его частная война.

— Ха! — явственно хохотнул мистер Кроссли.

Неожиданно заговорило радио:

— Кроссли?

— У аппарата, — ответил Кроссли.

— Говорит Президент, Кроссли. — Голос звучал резко, и атмосфера в кабине корабля весьма накалилась. — Поворачивайте обратно, во имя здравого смысла. Что вы затеяли? А не то я конфискую вашу компанию!

— Дело не терпит отлагательств, господин Президент. Мы бились над этим многие месяцы. Тройственный Союз ни за что не признается в том, что прилагивает к Европе фашистский скелет. Мы не можем доказать, что они этим занимаются, но слухи циркулируют, знаете ли. Мы должны играть в открытую. Ждать больше нельзя. Извините, я должен действовать в одиночку. Операторы бомбометания?

Три тысячи голосов: «Готовы!»

— Кроссли!!! — закричал Президент.

— Под нами Вена! — Кроссли взмахнул рукой. — Приступить к бомбометанию!

Три тысячи голосов:

— Бомбы сброшены!

Президент:

— Кроссли!!!

— Бум! — откликнулся Кроссли.

Из прозрачного прохладного летнего воздуха посыпались розовые конфетти. Тонны и тонны завихренных конфетти! Целые бомбовые отсеки, набитые конфетти. Три тысячи бомбовых нагрузок, состоящих из очень розовых, тончайших конфетти!

— Подумать только, — задумчиво проговорил Кроссли, ложась на обратный курс, — подумать только, что весь замысел обязан своим рождением просыпанному на ковер пеплу! Йо-хо-хо!

Президент Соединенных Штатов потрясал кулаками:

— Вы разбомбили их!

Кроссли зевнул.

— Закон не запрещает сброс бумажных отходов, — тихо сказал он.

— Вы совершили налет на граждан Тройственного Союза!

— Никто не пострадал, — невозмутимо сказал Кроссли. — Ничего не взорвалось, никто не получил синяков, никто не умер. Разве хоть кому-нибудь конфетти попало в глаз? Ответ отрицательный. Нет — слово из трех букв.

Кроссли закурил сигарету.

— Пятьдесят тысяч фрау-домохозяек и сто тысяч ребятишек расчистили тротуары. Мужчины выстроились в длиннющие очереди в венских бюро по трудуустройству за вакансиями подметальщиков улиц. Но вот ведь незадача с этими дьявольскими конфетти! Все дело в их электрической и химической пропитке.

Стоит рукам человека прикоснуться к ним, как они исчезают! А потом появляются опять, когда поблизости нет людей. От метлы мало толку. Если взвихрить конфетти, то они скачут, как блошки или прыгающие бобы. Очень чувствительные штучки. Осмелюсь предположить, на очистку Вены уйдет много недель. Вот что я сделал с Тройственным Союзом. Всемирная Организация запрещает нападение. Разве это было нападением, сэр? Конфетти на ветру? Гм?

— Всемирная Организация запрещает войну! — гаркнул Президент.

— Это не война. — Кроссли подался вперед, напряженно постукивая по столу. — Допустим, мы будем сбрасывать конфетти ежедневно, заставляя народонаселение Тройственного Союза триста шестьдесят пять дней в году выщипывать и прочесывать свои лужайки. А ведь мы способны и на кое-что другое, господин Президент. Мелкие, доводящие до исступления пакости. Только представьте, господин Президент!

Президент дал волю своему воображению. Ненадолго. Потом его губы медленно растянулись в улыбке.

В провинции Брюгер Тройственного Союза выдался погожий денек. Синело утреннее небо, и очаровательно белели облака. А на волнистых зеленых холмах раскинулся пикник — тысячи брошенных бумажных салфеток, сотни хлебных горбушек, корочек, отрывалок, жестянок из-под сардин, оброненных яиц и скомканых картонок. Пикник, подобно реке из тысяч притоков, наводнил холмистые парки. Мальчуган, пробегавший по лощине, задержался, чтобы избавиться от недопереваренного обеда.

Смех. Бульканье винных бутылок! Пение!

Президент Соединенных Штатов и мистер Кроссли звякнули бокалами, возглавляя пикник, залпом выпили, вновь наполнили бокалы, выпили снова.

Остальные улююкали, визжали от восторга, играли в догонялки, швырялись бутылками!

А на двадцати тысячах других холмов Тройственного Союза приземлились двадцать тысяч малолитражных семейных кораблей. И разразились еще двадцать тысяч пикников. Шестьдесят тысяч хорошенко скомканных салфеток были отброшены после того, как ими вытерли рот! Были разбросаны сто тысяч раскрошенных яичных скорлупок! Шестьдесят тысяч блестящих консервных банок из-под супа остались сверкать на солнышке. Триста миллионов муравьев радостно бросились им навстречу. И еще тридцать миллионов граждан Большого Брюгера вытаращились на вторжение, не зная, что предпринять и куда катится мир?

К вечеру последний мальчишка освободился от противного содержимого своего желудка, последняя девчушка взвигнула от жгучего ядовитого плюща, последняя сардинка прибыла по месту назначения, последняя пивная бутылка оставила после себя пенистый вакуум.

Улетая в ночь, американские интервенты исторгли боевой клич, который весьма напоминал отрыжку, и, скорее всего, таковым и был.

Генерал Краусс, личный представитель Брюга, новоиспеченный полудиктатор Европы, кричал из телевизора:

— Мистер Президент! Внушающие доверие свидетели наблюдали, как вы, именно вы облупили яйцо и скорлупку за скорлупкой выбросили под вековую липу!

Кроссли и Президент находились в святая святых Белого дома. Президент говорил:

— Краусс, законы о мире гласят, что ни одна страна не имеет права производить вооружение для

убийства населения либо нанесения увечий оному, или уничтожения имущества другой страны. Следовательно, мы не в силах напасть на вас. В то время как вы тайно производите вооружения...

— Вы не можете этого доказать!

— ...производите вооружения, — сурово повторил Президент. — Соответственно нам ничего не остается, кроме как применять оружие, вовсе не являющееся таковым. Мы ничего не разрушили и никого не убили.

— А-а-а!!! — Глаза Краусса сверкнули на экране. Его лицо исчезло. На смену ему пришло другое изображение — зеленая лужайка. За кадром раздавались каркающие комментарии Краусса. — Имуществу Большого Брюгера нанесен ущерб! Послушайте! Приблизительная оценка! На вашем пикнике были затоптаны шестьдесят пять тысяч муравьев, мелких и крупных, черных и рыжих, кусачих и некусачих!

Изображение погасло, уступив место другой картинке.

— Внемлите! Десять миллионов травинок. Приблизительно. Десять миллионов вытоптано и раздавлено. Две тысячи прекрасных цветов. Вырвано с корнем!

— Это по недосмотру, — извинился Кроссли. — Дети расшалились.

— Две тысячи цветов, — свирепо повторил Краусс. — С корнем!

Крауссу понадобилось время, чтобы совладать с собой. Он прокашлялся и продолжал:

— Около тридцати миллиардов атомных частиц древесины содраны взрослыми с платанов, дубов, вязов и лип Большого Брюгера во время игры в догонялки. И!.. шестьдесят миллионов частиц содраны с заборов Большого Брюгера молодыми мужчинами,

удиравшими от разъяренных быков Большого Брюгера. И! И... — Его голос громыхал. Изображение снова погасло, и появилась весьма любопытная сценка. — И шестнадцать тысяч кубических футов первоклассного, первосортного лесного мха было раздавлено, изуродовано и приведено в негодность молодыми любовниками, уединившимися в чаще леса! Вот доказательства! Это — война!

Первые воздушные корабли Тройственного Союза пролетели над Нью-Йорком спустя неделю. Из их чрева выплыли желтые коробочки на парашютиках.

Кроссли, отдыхая в своем саду, занимался придумыванием новых методов противодействия противнику, как вдруг с изумлением увидел одно такое устройство, зависшее у кирпичной садовой стенки.

— Бомба! — закричал он и запрыгнул в дом, раскаиваясь в им же связанный адской войне.

Его жена Эдитглянула из заднего окна.

— О-о, возвращайся, — сказала она. — Это всего лишь радио.

Они прислушались. Музыка. Блюз.

— Из Безумных сороковых годов, когда я носила косички, — сказала Эдит.

— Гм, — пробурчал Кроссли.

Так называемая музыка — «бл-ю-у-у-з» — в исполнении дамочки, страдающей оттого, что «сходит с ума по нему, скучает без него, не знает радости, если его нет рядом»¹.

— Любопытно, — сказал Кроссли.

— Да, — согласилась она.

¹ Имеется в виду блюз «Mad About Him, Sad About Him, How Can I Be Glad Without Him Blues» в исполнении Дайны Шор (Dinah Shore).

Песня закончилась. Они ждали.

— И это все, что оно играет? — недоуменно спросила Эдит. — Здесь нет никакой шкалы, чтобы сменить запись.

— Ох-ох, — сказал Кроссли и закрыл глаза. — Кажется, я догадываюсь...

Песня закончилась и началась в третий раз.

— Этого я и ожидал, — сказал Кроссли. — Ну-ка, помоги мне.

Песня плавно перешла в четвертое, пятое, шестое исполнение, пока они пытались ткнуть чем-нибудь в болтающуюся в воздухе машинку, а она упархивала от них, как птичка-колибри.

— Радарные датчики, — изумился Кроссли, отказываясь от этой затеи. — Вот черт!

Эдит прикрыла уши ладонями.

— О, Чарльз, — сказала она.

Они зашли в дом и плотно захлопнули дверь, а окна — еще плотнее. Музыка все равно просачивалась.

После ужина Кроссли посмотрел на Эдит и спросил:

— Сколько у тебя?

Она посчитала на пальцах.

— Следующий раз будет сто тринадцатым, — сказала она.

— У меня столько же, — сказал он, протягивая ей ватные затычки для ушей.

В тот вечер он лихорадочно работал. Он задумывал военные действия с применением конфетти, недействующих тюбиков зубной пасты, химического вещества, от которого бритвы затуплялись после первого же бритья, и, гм, ну-ка, что тут у нас еще...

Его двенадцатилетний отпрыск делал уроки в соседней комнате.

— Совершенно не обращает внимания на эту кошмарную музыку, — восхищался Кроссли. — Дети — это просто чудо. В любом бедламе могут сосредоточиться. — Он подкрался к сыну и заглянул через его плечо.

Мальчик писал сочинение:

«Эдгар По написал «Бочонок амонтильядо», «Маску красной смерти» и «Я схожу с ума по нему, скучаю без него, не знаю радости, если его нет рядом»...

— Блюз, — сказал Кроссли. Он обернулся. — Эдит! Укладывай чемоданы. Мы уезжаем!

Они забрались в семейный вертолет. Как только вертолет взлетел, младший сын Кроссли сказал, глядя вниз на музыкальный ящичек в саду:

— Двухсотый раз!

Кроссли отвесил ему подзатыльник.

Убегать было бесполезно. Парящие радиоприемники завывали повсюду, и в воздухе, и на земле, и под мостами.

Сбить их было невозможно. Они уворачивались, и музыка не прекращалась.

Эдит пристально смотрела на мужа, в некотором смысле ответственного за все происходящее. Сыночек примеривался к его коленкам для нанесения удара.

Кроссли позвонил Президенту.

— ЭТО ВЫ!!! — возопил Президент. — КРОССЛИ!!!

— Господин Президент, я могу все *объяснить*!

Итак, война продолжалась. Всемирная Организация пристально наблюдала, с нетерпением дожидаясь того момента, когда одна из сторон перейдет грань дозволенного, выстрелит или пойдет на убийство. Но...

Поддерживались нормальные цивилизованные отношения. Продолжались импорт с экспортом и товарообмен продовольствием, одеждой и сырьем.

Если бы одна из сторон порвала отношения, начала бы производить пушки, ножи, гранаты, то Всемирная Организация тут же вмешалась бы. Но не было собрано ни одной пушки, не было заточено ни единого ножа. Не было ни убитых, ни раненых, ни покалеченных. Всемирная Организация ничего не могла поделать. Войны не было.

Почти не было.

— Хайнрих!

— Да, женушка?

— Подойди, посмотри на это зеркало!

Хайнрих, заместитель начальника полицейского департамента Большого Брюгера, подошел вразвалочку, в шлепанцах и с глиняной трубкой, словно с ручной птичкой в руке.

Хайнрих посмотрелся в зеркало, которое было чистым издевательством, будто из ярмарочной комнаты смеха.

— Что с ним стряслось за одну ночь? — недоумевал он. — Взгляни на меня. Я стал похож на идиота! — усмехнулся он. — У меня лицо вытянулось, как резина, обезображенено, изуродовано. Значит, зеркало перекосилось.

— Сам ты перекосился! — закричала жена. — Прими меры!

— Ладно. Куплю новое. А пока пользуйся тем, что наверху...

— Оно тоже перекошено! — рявкнула жена. — Как я могу правильно надеть шляпку, увидеть, аккуратно ли наложена помада или пудра? Неповоротливый тюфяк, беги сей же час за новым зеркалом! В темпе, мигом, одна нога здесь, другая там!

Кроссли получил указания. Либо найти выход, либо заключить перемирие. Если последующие атаки Соединенных Штатов не принесут результатов,

тогда Соединенным Штатам придется договариваться о мире. Да, о мире. И покое. Чтобы их оставили в покое, избавив от отвратительной тетки, поющей отвратительный блюз двадцать раз в час, денно и нощно. Американская общественность будет держать оборону столько, сколько понадобится, сказал Президент, но времени оставалось мало, и вряд ли проблему можно было решить поголовным прокалыванием барабанных перепонок. Кроссли предстояло отправиться туда и энергично взяться за дело.

Так он и поступил. Его реактивный самолет летел над Европой во главе большого наступления. По его приказу были сброшены три тысячи бомбовых нагрузок всякой всячины. После чего три тысячи фирменных кораблей развернулись и легли на обратный курс. Он же задержался, курсируя над Европой в ожидании результатов.

И дождался.

Мощный невидимый луч захватил его корабль и неумолимо повлек вниз, в мрачные горы Большого Брюгера.

— Что ж, — сказал Кроссли. — Приключение!

Захват произошел тихо и добропорядочно. Когда он вышел из своего принудительно посаженного корабля, его вежливо препроводили в город, застроенный ультрасовременными зданиями, с улицами, проложенными между гор, и там, в небольшом сооружении, в маленькой комнате он встретился лицом к лицу со своим врагом.

Когда Кроссли вошел, Краусс восседал за столом. Кроссли кивнул и отвесил поклон:

— Привет, Краусс. Вас будут судить за похищение.
— Вы можете уйти в любое время, — каркнул Краусс. — Это разговор по душам. Садитесь.

Стул имел форму приплюснутой пирамиды. Сидеть на нем было возможно, но при этом седок съезжал с него во все стороны. Потолок помещения, где предстояло сидеть Кроссли, был очень низким. Ему пришлось выбирать между болью в пояснице и соскальзыванием. Он предпочел соскальзывать.

Краусс перегнулся через стол и ушипнул Кроссли.

— Ай! — вскрикнул Кроссли.

Краусс повторил свои действия.

— Перестаньте! — закричал Кроссли.

— Ладно, — согласился Краусс.

Стул взорвался под седалищем Кроссли.

Кроссли подскочил, издавая нечленораздельные звуки. Ударился головой о потолок. Схватился одной рукой за поясницу, другой — за голову.

— Мистер Кроссли, не поговорить ли нам о мире?

— Да, — сказал согбенный Кроссли, — когда вы прекратите тайное производство вооружений. В противном случае еще больше конфетти, пикников и свиных голяшек.

— И еще больше музыки в Америке, а? Мистер Кроссли?

Снова щипок.

— Ай! Мы перетерпим вашу музыку, а там подоспеет наше очередное оружие. Мы всегда будем впереди вас, чванливые зануды. Вы изобрели психологическую войну, а мы ее слегка усовершенствовали.

— И музыку усовершенствуете, мистер Кроссли?

— Способ найдется. Ай! Руки прочь!

— Я подробно освещу наши планы, Кроссли. Во-первых, снабжение Америки избыточной партией комаров. Причем *голодных*. Далее, химическое вещество, вызывающее скрип всей обуви при каждом шаге. В-третьих, электрические импульсы, заставляющие будильники звонить каждое утро на час раньше...

У Кроссли возник чисто профессиональный интерес.

— Неплохо. Все в рамках Мирного соглашения. Все безвредно. Гммм, кроме, пожалуй, комаров.

— Всего лишь раздражители кожи.

— Все равно Всемирная Организация будет против.

— Ладно, комаров долой!

— Ай!

— Что, больно? Извините. Теперь посмотрим, можем ли мы сделать вам еще больнее. В этой бумаге у меня на столе говорится о вашей смерти, наступившей пять минут назад в результате крушения вашего самолета. Мне остается лишь транслировать сие сообщение, а затем привести вас в «соответствие» с содержанием документа. Вам понятно?

Кроссли усмехнулся:

— Я должен докладывать Президенту каждый час. Не будет доклада — последует немедленное расследование Всемирной Организации. А вам понятно?

— Ваш самолет разбился.

— Номер не пройдет! Двигатели Бриндли-Коннорс никогда не отказывают, а новое реактивное топливо на моих кораблях предотвращает жесткие посадки. Так что...

Краусс заерзal.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Мне пора звонить Президенту. Можно?

— Вот. — Ему подали телефон.

Кроссли взял телефон. Электрический разряд ударили его в грудь через протянутую руку.

— Черт! — Он выронил телефон. — Я подам на вас рапорт!

— Доказательств нет. Ведь мы оба играем в игру на раздражение? Вот. Телефон.

На этот раз Кроссли соединили с Президентом:

- Кроссли, вы уже слышали новость?
- Какую новость, сэр?
- Про жвачку, олух вы царя небесного, про жвачку!
- На улицах, сэр?

Президент заскрежетал зубами.

— На улицах, на крышах, в собачьей шерсти, на машинах, на кустарнике. Везде! Комьями, с бейсбольный мяч! И липучая!

Краусс слушал и ликовал.

Кроссли сказал:

— Проявите отвагу, мистер Президент. Используйте крокетные воротца.

— Крокетные воротца? — Краусс схватил Кроссли за руку.

— Невидимые крокетные воротца, — улыбнулся Кроссли.

— Нет. — Краусс торжествовал. — Люди могут споткнуться, покалечиться, даже убиться. Всемирная Организация вам не позволит!

— О-о, — сказал Кроссли. Разочарованно. — Господин Президент, забудьте о них. Вместо этого переходите к Плану номер сорок и Плану номер сорок пять.

Зазвонил другой телефон. Краусс поднял трубку и ответил.

— Ваша супруга, герр Краусс.

— Ладно. Соедините.

— Я в порядке, господин Президент. Двигатель немного забарахлил.

— Что?

— Дорогой, ужасная беда!

— Катрина, у меня нет времени. Я очень занят.

— Это очень важно, идиот! Это кошмар какой-то!

— Ладно, в чем дело, liebchen?

— Ответьте мне, Кроссли? Вы были сбиты?

— Не совсем, господин Президент. Они придумывают, как меня убить. Пока не придумали.

— Прошу вас, мистер Кроссли, не так громко. Я не слышу, что говорит жена. Да, моя дорогая?

— *Ханс, Ханс, у меня перхоть!*

— Повтори, здесь так шумно, Катрина!

— Я позвоню вам через час, господин Президент.

— *Перхоть, Ханс, перхоть. Тысяча. Пять тысяч хлопьев перхоти на моих плечах!*

— И ты звонишь, чтобы поведать мне об этом, женщина? До свидания!

БУМ!

Кроссли и Краусс повесили трубки одновременно. Краусс оборвал разговор с женой. Кроссли — с Президентом.

— Итак, на чем мы остановились? — сказал Краусс, обливаясь потом.

— Вы собирались меня убить. Помните?

Снова затрезвонил телефон. Краусс ругнулся и поднял трубку.

— Что еще?

— *Ханс, я пополнела на десять фунтов!*

— Почему ты упорно звонишь и сообщаешь мне такие вещи?

— *Миссис Лейбер, миссис Креншнitz, миссис Шмидст тоже пополнели на десять фунтов!*

— Да? — Краусс повесил трубку, недоуменно моргая. — Так. — Он уставился на Кроссли. — Вот как, значит. Ладно, Кроссли, мы тоже способны действовать утонченно. Доктор!

Дверь в стене отъехала в сторону. За ней стоял мерзкого вида негодяй с закатанными рукавами, пробуя, не без удовольствия, уколоть себя в тощую руку иглой для подкожных инъекций. Он посмотрел на Кроссли и сказал:

— Практикуюсь.

— Схватить его! — закричал Краусс.

Все набросились на Кроссли.

Затемнение.

— Как вы себя чувствуете, Кроссли?

Как он должен был себя чувствовать? Нормально, подумал он. Он поднялся с операционного стола и посмотрел на доктора и Краусса.

— Вот, доктор, — сказал Краусс. — Объясните мистеру Кроссли, чего ему ожидать в ближайшие десять лет.

— Десять лет? — встревожился Кроссли.

Доктор отвесил поклон, соединив свои тонкие пальцы. И вкрадчиво зашептал:

— Через десять лет у вас может случиться... небольшое недомогание. Оно начнется через год. Ненавязчиво. То небольшое расстройство желудка. То нарушение сердечной деятельности. Или незначительное внутреннее раздражение легкого. Временами головная боль. Землистый цвет кожи. Возможно, будет постремливать в ушах.

Кроссли вспотел. Вцепился в колени.

Доктор продолжал, довольный собой:

— Затем, с течением времени, сердце начнет трепетать, подобно крыльышкам птички. Кинжалная боль в паху. Спазм брюшины. Горячий пот по ночам, вымокшее постельное белье. Бессонница. Ночь за ночь, сигарета за сигаретой, головная боль за головной болью.

— Достаточно, — мрачно сказал Кроссли.

— Нет-нет, — доктор поднял иглу, — я еще не закончил. Я совсем забыл. Еще времененная слепота. Да, временная. Искры в голове. Голоса. Паралич нижних конечностей. Затем ваше сердце в последнем порыве начнет колотиться и за десять дней измолотит себя в

кровавое месиво. И вы умрете ровно... — он справился по календарю в своей памяти, — через десять лет, пять месяцев и четырнадцать дней. Отсчет пошел.

Тишину в комнате нарушало только прерывистое дыхание Кроссли. Он попытался встать, задрожал и откинулся на спину.

— Что самое замечательное, не будет никаких доказательств того, что мы с вами сделали, — сказал Краусс. — В ваш организм были введены некоторые гормоны и молекулярные примеси. Ни один анализ, ни сейчас, ни после смерти, их не выявит. Ваше здоровье просто будет подорвано. Никто нас не привлечет к ответственности. Хитроумно, не правда ли?

Доктор сказал:

— Вы свободны. Теперь, когда мы настроили вас, как часовую мину, чтобы вы умерли не сразу, вы можете идти на все четыре стороны. Нам бы не хотелось вас тут убивать. Нас привлекли бы к ответственности. Но десять лет спустя, да в другом месте, как это может быть связано с нами?

Телефон.

— Ваша супруга, герр Краусс.

— У меня выпадают волосы!

— Терпение, женушка!

— Кожа пожелтела! Прими же меры!

— Я буду дома через час.

— К тому времени от дома уже ничего не останется,
ИДИОТ!

— Мы должны идти к Победе, дражайшая моя!

— Но не по дороге же, усыпанной моими золотистыми, ах, золотистыми волосами!

— Да, женушка, я передам от тебя привет доктору.

— Ханс, не смей вешать трубку, когда я с тобой разговариваю. Не...

Краусс, с трясущимися руками, безвольно осел на стул.

— Жена позвонила сказать, что у нее все в порядке.

— Ха, — слабо выговорил Кроссли.

Краусс дотянулся до него и ушипнул.

— Ай.

— Так-то, — сказал Краусс. — Помалкивайте, если вас не спрашивают.

Кроссли встал и засмеялся. Доктор посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Я знаю, что делать. Я покончу жизнь самоубийством!

— Да вы спятили, — сказал Краусс.

— Я все равно умру через десяток лет. Так почему бы не совершить самоубийство здесь и не напустить на вас следователей Всемирной Организации, а? Мистер Краусс?

— Нельзя! — сказал Краусс отупело. — Я не позволю!

— Вот возьму и спрыгну с крыши здания. Вы не можете продержать меня здесь дольше часа, а не то Организация заявится сюда посмотреть, что тут творится. И как только вы меня выпустите, я сигану с крыши.

— Нет!

— Или преднамеренно разобью свой корабль на обратном пути. Почему бы и нет? Ради чего мне жить? А если в результате вас будут судить, так это же только к лучшему. Да, я решил. Я умру.

— Мы удержим его здесь, — сказал доктор Крауссу.

— Мы не можем, — сказал Краусс.

— Отпустите его, — сказал доктор.

— Какая глупость, — сказал Краусс.

— Убейте его!

— Еще большая глупость, — вырвалось у Краусса. — О, это просто ужас!

— Где тут у вас самое высокое здание в городе? — поинтересовался Кроссли.

— Дойдете до следующего угла... — начал было доктор и прикусил язык. — Нет. Стойте. Надо его остановить!

— Прочь с дороги, — приказал Кроссли. — Я иду.

— Но это же нелепость, — возопил Краусс. — Доктор, мы должны что-то придумать!

На улицах рыдали женщины, сжимая дрожащими руками пучки выпавших волос. Там, где женщины собирались поплакать, образовались лужицы. Смотрите, смотрите, мои прекрасные волосы выпали! Твои волосы, ты, сожительница мясника? Подумаешь! Вот мои волосы выпали, это да! Мои! Твои были, как пеньковая веревка, лошадиный хвост! А мои, ах! Мои! Как пшеница, полегшая от бури!

Кроссли вел доктора и Краусса по широкой улице.

— Что происходит? — наивно спрашивал он.

— Чудовище, вам лучше знать, что происходит, — яростно прошипел доктор. — Моя жена, моя красавица Тиккель! Ее пепельные волосы погибнут!

— Еще раз посмеете нагрубить мне, — пригрозил Кроссли, — и я брошусь под первый же автобус.

— Нет, ни в коем случае! — закричал Краусс, вцепившись ему в руку. Доктору: — Глупец, неужели ваша жена важнее повешения?

— Моя жена ничем не хуже вашей, — огрызнулся доктор. — Катрина и ее шампунь с экстрактом хны!

Кроссли привел всех в здание и поднялся со всеми на лифте. Они прошагали по террасе на тринадцатом этаже.

— Это бунт, — стенал доктор, глядя на улицу внизу. — Женщины штурмуют салоны красоты, требуя помощи. Неужели Тиккель тоже бушует вместе с ними?

Огромные толпы горожанок держались за свои головы, словно те могли скатиться с плеч и шмякнуться о мостовую. Они спорили, звонили мужьям в высших эшелонах власти, посыпали телеграммы Вождю, поколотили и надавали пинков какому-то лысому мужчине, который посмеялся над их горем.

— Извините, Краусс, — сказал Кроссли. — Вот. — Он щелкнул пальцами по созвездию перхоти на лацкане Краусса.

— Мои волосы! — воскликнул сраженный догадкой Краусс. — Мои прекрасные волосы!

— Вы подпишете условия мира или мне спрыгнуть с этого здания и оставить вас и вашу разгневанную жену лысыми?

— Мою жену, — всхлипнул Краусс. — Лысой! Ах, боже!

— Выдайте всех секретных исполнителей вашего заговора, признайте свою вину, и нападение будет приостановлено. Ваши волосы останутся в сохранности, — сказал Кроссли. — И излечите мою смертельную болезнь.

— Этого мы сделать не можем, — сказал Краусс, — я имею в виду болезнь. Но условия мира... Ах, моя лысеющая жена! Я вынужденно принимаю условия. Значит, мир!

— Отлично, — сказал Кроссли. — Но еще одно условие. — Он сграбастал доктора и поволок на самый край, как бы намереваясь столкнуть его вниз.

— Стойте! — Доктор лихорадочно извивался. — Я солгал! Мы ничего с вами не сделали. Это была психологическая уловка. За десять лет вы переволовились бы до смерти!

Кроссли так изумился, что разжал руки.

Он и Краусс смотрели вниз на уменьшающегося в размерах доктора.

— Я совсем не хотел его сбрасывать, — признался Кроссли.

— Шлеп, — пробормотал Краусс спустя миг, глядя вниз.

Кроссли гнал свой реактивный корабль домой.

— Эдит, все кончено! Через час музыка выключится!

— Любимый! — радировала она. — Как ты этого добился?

— Запросто! Они думали, что достаточно раздражать людей. В этом и был их просчет. Они не задели нашу психологию до самых глубин. Их раздражитель действовал поверхностно, выводя людей из себя...

— И вызывая сонливость.

— А мы нанесли удар по их самолюбию, а это уже кое-что иное. Можно выдержать радиоприемники, конфетти, жвачку и комаров, но им не вынести облысения или пожелтения. Такое немыслимо!

Эдит побежала встречать его, как только он совершил посадку. Радио все еще болталось в саду, парило и распевало.

— Сколько ты насчитала? — воскликнул он.

Она поцеловала его.

Она сделала шаг назад, быстро складывая в уме, взглянула на дрейфующее радио и машинально сказала:

— Две тысячи триста десять!

«*Thrilling Wonder Stories*»,
декабрь 1947

Ракетное лето

В то холодное серое утро любопытствующая толпа гудела в преддверии намеченного Рождения. Они прикатили в сияющих алых «скарабеях» и желтых пластиковых «жуках», позевывая и распевая песни. Рождение для них было великим событием.

Он одиноко стоял в окне высокой башни собственного делового центра, наблюдая за ними с печальной досадой в серых глазах. Его звали Уильям Стэнли. Он был президентом компании, владевшей и этим зданием, и рабочими ангарами на бетонной площадке, и летным полем, которое уходило на две мили в джерсийскую мглу. Уильям Стэнли думал о Рождении.

О Рождении чего? Крупная, изящно слепленная голова Стэнли отяжелела и постарела. Наука скальпелем режущего пламени вскроет черепа инженеров, химиков и механиков, сделав гигантское кесарево сечение, и на свет появится Ракета!

— Да, сэр! Да, сэр! — слышал он приглушенные расстоянием, крикливыми возгласы уличных торговцев и лотошников. — Купите игрушечную ракету! Купите ракетные игры! Картинки ракет! Ракетное мыло! Купите ракету-грызунок для карапузов! Ракета, ракета, ракета! Эй!

Плотно сжав тонкие губы, он захлопнул распахнутую глясситовую раму. Каждое божье утро Америка

отправляла своих паломников в это священное место. Сквозь прозрачное заграждение они пристально разглядывали Ракетный корабль, как запертого в клетку зверя.

Он заметил игрушечную ракету, выроненную девочкой и тут же подмятую и раздавленную толпой.

— Мистер Стэнли?

— А? Да, капитан Гринвальд. Извините, совсем забыл о вашем присутствии. — Стэнли размежеванным шагом задумчиво направился к своему чистому столу. — Капитан, — вздохнул он устало, — вы видите перед собой самого разнесчастного человека на земле. — Он посмотрел на Гринвальда, сидящего напротив. — Ракета передана чрезмерно щедрой наукой в дар цивилизации впавших в детство взрослых, которые развлекаются динамитом с тех пор, как его изобрел Нобель. Они...

Его прервали. Кабинетная дверь распахнулась настежь. В комнату ворвался высоченный, испачканный машинным маслом, чумазый, пышущий жаром работяга с заскорузлой загоревшей кожей. В его черных сверлящих глазах пылал ракетный огонь. Не доходя до стола, он остановился и, тяжело дыша, оперся на стол.

Стэнли приметил зажатый в его кулаке гаечный ключ.

— Здравствуйте, Симпсон.

Симпсон смачно выругался.

— Что это болтают, будто вы вздумали завтра.popридержать Ракету? — потребовал он ответа.

Стэнли кивнул:

— Ей еще рано взлетать.

Симпсон фыркнул.

— Рано взлетать, — передразнил он Стэнли. Потом снова ругнулся. — Черт возьми, с таким же успехом

можно сказать женщине, что она родила мертвого ребенка!

— Я понимаю, это не укладывается в голове...

— Не укладывается? Дьявол! — рявкнул он. — Я — Главный Механик. Я два года вкалываю! И остальные тоже. И Ракета завтра взлетит, а не то мы докопаемся до правды!

Стэнли расплющил в кулаке сигару. Перед его глазами комната едва заметно закачалась. Порой ему хотелось взяться за пистолет, но он отгонял эту мысль. Он промолчал.

Симпсон продолжал бушевать:

— Мистер Стэнли, даю вам время до трех пополудни, чтобы вы передумали. Мы пустим в ход свои связи, и уже до выходных вас попрут с этой работы! В противном случае... — он произнес последующие слова очень медленно, — как будет выглядеть ваша жена с проломленной головой? *Мистер Стэнли?*

— Не смейте мне угрожать!

Дверь грохнула у него перед носом. Симпсон убрался.

Капитан Гринвальд выставил вперед наманикюренную руку. На одном из тонких пальцев сверкало кольцо с бриллиантом. Кисть опоясывали дорогие часы. Его лучистые карие глаза прятались за невидимыми контактными линзами. Гринвальду было за пятьдесят изнутри, а на вид — едва тридцать.

— Советую отказаться от вашей затеи, Стэнли. Человечество дождалось завтрашнего запуска миллиардов лет.

Стэнли покачал головой, прикуривая сигарету:

— Послушайте, капитан, куда вы собрались лететь?

— К звездам, разумеется.

Стэнли чиркнул спиртовой спичкой.

— Ради всего святого, прекратите мелодраму и примитивные речи. Что за штуковину вы вручаете людям? Что она сделает с народами, с моралью, мужчинами и женщинами?

Гринвальд усмехнулся:

— Мне бы только долететь до Луны. Потом я вернусь на Землю, где благополучно уйду на покой и умру.

Стэнли возвышался над ним, высокий и очень седой.

— Вас интересует, какими последствиями обернулось применение арбалета для истории Англии и Франции?

— Я не силен в истории.

— Вы помните, как отразилось изобретение пороха на цивилизации?

— Это не имеет никакого отношения к делу!

— Вы должны признать, что если бы внедрение автомобиля и аэроплана осуществлялось по определенному плану, то можно было бы спасти миллионы жизней и предотвратить многие войны. Для всех подобных изобретений следовало ввести этические нормы и правила и строго их соблюдать. В противном случае изобретение подлежит изъятию.

Гринвальд покачал головой, ухмыляясь:

— Это по вашей части. Я же займусь полетами. Я готов подчиняться подобным правилам, если вы таковые составите и обеспечите их принудительное исполнение. Единственное, чего я хочу, это первым долететь до Луны. А теперь мне пора спускаться вниз. Мы еще не закончили погрузку, знаете ли, вопреки вашему приказу. Мы надеемся каким-нибудь образом вас обойти. Конечно, я солидарен с вашими убеждениями. Я выполню любые ваши

указания, кроме, скажем, отмены старта Ракеты. Я не прибегну к насилию, но я не могу поручиться за Симпсона. Он крутенек и имеет резкие суждения.

Они вышли из кабинета и направились к лифту. Сила сжатия опустила их на первый этаж. Они вышли из кабины. Стэнли по-прежнему отстаивал свои принципы:

— Наука веками одаривала человека игрушками — кораблями, машинами, пушками, автомобилями, а теперь вот — Ракетой, и все это при полнейшем пренебрежении потребностями человека.

— Наука, — провозгласил Гринвальд, выходя на летное поле, — благодаря частному предпринимательству произвела больше товаров, чем за всю предыдущую историю! Взять хотя бы развитие медицины!

— Да, — сказал, упорствуя, Стэнли. — Мы излечиваем людей от рака и консервируем людскую алчность в особой сыворотке. Раньше говорили «простуду умори голодом, а лихорадку накорми досыт». Сегодня лихорадка — это материализм. Все, что производит наука, касается только Тела. Когда Наука изобретет нечто для Души, я отдаю ей должное. Нет.

Вы маскируете ваше путешествие романтической фразеологией! «Вперед, к звездам!» — кричите вы. Слова! А что на деле? Для чего, зачем нам эта Ракета? Повышение производительности? Это у нас и так есть. Приключения? Слабое оправдание, чтобы сбежать с Земли. Исследования? Можно и повременить с ними еще пару лет. Lebensraum? Жизненное пространство? Это вряд ли. Тогда что же, капитан?

— А? Что? — рассеянно пробормотал Гринвальд. — Вот и Ракета, однако.

Они оказались в невообразимой тени, отброшенной Ракетой. Стэнли посмотрел в сторону толпы по ту сторону перегородки.

— Вы только гляньте на них. Вся их половая жизнь — помесь викторианского вуду и скисшего Фрейда. Образование нужно перепрофилировать. Угроза войны. Религия и философия — сплошные недоразумения. А вы собираетесь сигануть в космос! — Стэнли покачал головой. — О, капитан, я не сомневаюсь в вашей искренности. Я лишь утверждаю, что вы выбрали неподходящий момент. Ну, ладно, допустим, одарили мы их ракетой-игрушкой — пусть себе резвятся. Но неужели вы положа руку на сердце, полагаете, что они решат проблемы войн, образования, единства, мышления? Да они же убегут от них с такой скоростью, что у вас голова закружится. Войны будут развязаны между мирами. Но если вам нужно больше войн, воюйте здесь, где мы хотя бы сможем докопаться до их первопричин, прежде чем уноситься на астероиды в поисках утраченных фамильных амбиций.

Грызущиеся державы и субъекты, которые требуют себе больше планет и спутников, пустят по ветру и те остатки единства, которые у нас еще есть!

Сделав паузу, Стэнли перехватил ненавидящие взгляды механиков под сенью Ракеты. Толпа по ту сторону загородки узнала Стэнли. Глухой ропот толпы перерос в рев ненависти.

Гринвальд показал на них:

— У них в голове не укладывается, почему вы так столько тянули, прежде чем решили приостановить запуск Ракеты.

— Можете им сказать, что я ждал принятия законов, регулирующих ракеты. Расскажите им, что корпорации играли в игры, улыбались и делали мне

реверансы, пока достраивалась Ракета. Потом они сбросили свои лицемерные маски и сегодня утром отзовали законопроект. Поведайте им об этом, капитан. И еще в придачу сообщите им, что задуманные мною законы подразумевали постепенное разумное распространение ракет, рассчитанное на трехвековую эру. А потом полюбопытствуйте, согласился бы хоть один бизнесмен ждать даже пять минут?

Капитан Гринвальд нахмурился:

— Я только хочу доказать, что это возможно сделать. Если после моего возвращения я смогу помочь вам контролировать Ракету, то я буду на вашей стороне, Стэнли. После того как я докажу, что это возможно, мне безразлично, что будет...

Стэнли юркнул в свой вертолет, угрюмо помахал капитану. Толпа за перегородкой взревела, потрясая кулаками. Он сидел, наблюдая за их перекошенными от злобы лицами. Они ненавидели его — и продавец ракетных воздушных шариков, и продавец ракетного мыла, и туристы.

А как его возненавидит сын, Томми, когда узнает!

По пути домой он решил не торопиться, позволив зеленым холмам скользить под ним. Он включил автопилот и откинулся назад в губчатую мягкость кресла, подвешенный в гудящем блаженном сне. Звучала музыка. При желании сигареты и виски были в пределах его досягаемости. Сладостная музыка. Он мог погрузиться в грэзы, развеять тревоги, покуривать, потягивать выпивку, ликовать, роскошествовать, почивать, забыться, отгородиться оболочкой синтетических гипнотизирующих веществ.

И пробудиться десять лет спустя, глядя, как жена быстро тает на его глазах. И увидеть однажды, как

сын вдребезги разбивает себе голову о пластиковую стену.

И его сердце разрывается от невероятной атомной мощи звездолета, пролетающего в космосе мимо Земли!

Он столкнул со столика виски, за которым последовали сигареты. Наконец он выключил щелчком убаюкивающую музыку.

Вот его дом. Его глаза потеплели. Дом находился на зеленой лужайке, вдалеке от сел и городов, ослепительный, как соль, в обрамлении пирамидальных пальм. Заводя вертолет на посадку, он увидел на газоне светлые черточки. То была его дочь Алиса. Где-то рядом резвился его сын. Ни один из них не боялся темноты.

Раздосадованный, Стэнли дал полный газ. Земля вздрогнула и исчезла под ним. Ему хотелось одиночества. Он не чувствовал в себе сил оказаться с ними лицом к лицу. Скорость — решение всех проблем. Ветер взревел, засвистел, сталкиваясь с вертолетом. Он увеличивал обороты. Его щеки зарделись.

Когда он поставил вертолет на стоянку в изысканном ангаре синего пластика, в саду играла музыка. О, прекрасный ангар, подумал он, ты умиротворяешь меня. О, восхитительный ангар, в минуты смятения в мыслях я с тобой. Я счастлив владеть тобою.

До чертиков.

На кухне Альтея с помощью механизмов подвергала продукты питания взбиванию. Ее мамаша сидела, приблизив сморщенное ухо к аудиодраме. Они радостно взглянули на него.

— Дорогой! Ты сегодня рано! — воскликнула она, поцеловав его.

— Как там Ракета? — пропела теща. — Представляю, как ты гордишься ею.

Стэнли промолчал.

— Подумать только! — Глаза пожилой женщины загорелись, как лампочки. — Скоро мы будем завтракать в Нью-Йорке, а ужинать на Марсе!

Стэнли пристально посмотрел на нее, затем с надеждой посмотрел на Альтею:

— Что ты думаешь?

Она почуяла подвох.

— Ну, все изменится. Будем проводить летние отпуска на Венере, а зимние на Марсе. Ведь так?

— Боже праведный, — застонал он, смежив веки и слегка постукивая по столу. — Боже!

— Что такое, что случилось? — изумленно вопрошила Альтея.

Он признался им, что приказал отменить старт.

Альтея вытаращилась на него. Мамаша-теща дотянулась до аудио и рывком выключила.

— Что ты сказал, молодой человек?

Он повторил.

Напряженную паузу разрядило отдаленное «П-С-С-Ш-Ш-Ю-Ю» из гостиной. Распахнув настежь дверь, в кухню ворвался его сын, размахивая ярко-красной Ракетой в запачканном кулакче.

— П-С-С-Ш-Ш-Ю-Ю!!! Я — Ракета!!! Подать трап!!! Привет, папочка!!! — Он описал ракетой молниеносную дугу. — Я стану пилотом, когда мне будет шестнадцать! Эй-эй!

Он взглянул на бабку:

— Бабуля?

Он перевел взгляд на мать:

— Мама?

И, наконец, посмотрел на отца:

— Папа?

Его руки медленно опустились. Он понял, что выражали глаза отца.

— О боже!

К трем часам пополудни он принял душ и переоделся в чистую одежду. Дом притих. Альтея пришла и села в гостиной, уставившись на него уязвленным, потрясенным взглядом.

Он подумал, не привести ли ей немного статистики. Пять миллионов погибли в автавариях с 1920 года. Пятьдесят тысяч гибнут каждый год в авиакатастрофах. Но цифры, факты не главное. Нужно, чтобы она прониклась его чувствами. Может, каким-то образом дать ей наглядный пример? Он взял ручное аудио и набрал номер.

— Алло? Смитти?

Голос на противоположном конце отчетливо ответил ему:

— О, мистер Стэнли?

— Смитти, вы рядовой добропорядочный человек, приятный сосед, прилежный фермер. Мне хотелось бы знать ваше мнение. Смитти, если бы вы знали, что надвигается война, вы бы помогли ее предотвратить?

Альтея обратилась в слух и зрение.

Смитти сказал:

— Да, конечно, черт возьми!

— Спасибо, Смитти. И еще. Какого вы мнения о Ракете?

— Это величайшее достижение в истории. Послушайте, говорят, вы задумали...

Стэнли не собирался ввязываться в дискуссии. Он поспешно извинился и повесил трубку и посмотрел на жену в упор.

— Ты заметила отделение цели от средств ее достижения? У Смитти на уме две вещи. Он думает, что может предотвратить войну. Это раз. Он считает Ракету величайшим достижением. Это два. Но они, к сожалению, несовместимы.

Применение, уготованное Ракете, не сделает ее средством достижения счастья. Это порочное средство. А порочные средства неизменно приводят к порочным результатам. Преступник стремится к богатству. Получает ли он его? Временно. Рано или поздно его настигает кара. А все потому, что он выбрал порочные средства.

Стэнли беспомощно всплеснул руками:

— Как еще я могу донести это до тебя?

В ее глазах стояли слезы.

— Я ничего не понимаю и не хочу понимать! Тебя выгонят с работы и все равно запустят ракету!

— Тогда я снова займусь законотворчеством!

— И тогда тебя убьют?! Нет уж, прошу тебя, Уилл. Убьют. Он посмотрел на часы. Ровно три.

Он ответил на звонок аудио:

— Стэнли у аппарата.

— Стэнли, это Кросс из Калифорнийского технологического.

— Кросс! Как я рад тебя слышать!

— Я только что слушал последние известия, — сказал Кросс. Стэнли поймал себя на том, что его голос оставался таким же четким и чеканным, как много лет назад. — Ты попал в затруднительное положение, так, Уилл? Поэтому я и звоню. Я разделяю твои убеждения по поводу машин-механизмов. Я и сам всегда считал, что машины — всего лишь продолжение человеческих страхов и страстей, утрат и возмещений в жизни. В этом мы с тобой единомышленники. Но на этот раз ты неправ, Уилл. Сегодня ты допустил ошибку.

— И ты туда же! Ты мой последний друг, — устало возразил ему Стэнли. — Что я еще мог поделать? Уничтожить ракету?

— Ну, это было бы совсем ни в какие ворота. Неприемлемо. Скорми им что-нибудь приемлемое.

Скажи им, пусть стартуют, — посоветовал Кросс весьма приятным тоном. — Предупреди их, как добрый отец, о последствиях. Затем, когда они обожгутся...

— Человечество может отправиться в тартарары, — резко закончил за него Стэнли.

— Нет, если грамотно разыграть партию, отслеживая переменные величины, можно будет как-то обвести их вокруг пальца и выкрутиться самому. Пораскинь мозгами.

— Мне все-таки кажется, надо взорвать ее к чертям собачьим и дело с...

— Они построят ракету еще больших размеров. И будут преследовать тебя и твою семью всю оставшуюся жизнь, — логично объяснил Кросс. — Мы-то с тобой знаем, что наука ни на йоту не продвинула умственные способности человека. Зато мистер Оbyватель предпочитает, чтобы его младенцы носили одноразовые подгузники, и любит путешествовать из Сибири в Джонстаун со скоростью разъяренной пули. Их нельзя остановить, но можно немного сбить с курса.

Стэнли крепко сжимал аудиотрубку. И прислушивался.

В полуденном небе раздался оглушительный рокот вертолетов прямо у него над головой. Дом задрожал. Альтея резво вскочила и побежала выглянуть в окно.

— Не могу сейчас говорить, Кросс. Я тебе перезвоню. Они тут дожидаются меня снаружи...

Голос Кросса растаял, как сон:

— Помни, что я тебе сказал. Пусть себе приступают.

Стэнли подошел к двери, отворил, переступил одной ногой за порог.

Среди ясного синего неба загрохотал радиоголос.

— СТЭНЛИ! — громыхнуло на всю округу. Это был голос Симпсона. — СТЭНЛИ! ВЫХОДИ! И ГОВОРИ! ВЫХОДИ! И СКАЖИ НАМ, СТЭНЛИ! СТЭНЛИ!

Альтея не стала отсиживаться дома. Она вышла с ним на влажную зеленую лужайку, на всеобщее обозрение.

В воздухе, кружась, кишмя кищели вертолеты. Солнце содрогалось. Вертолеты зависали, словно огромные колибри, носились каруселью, закладывали виражи. По меньшей мере пять сотен вертолетов затмили собою лужайки, сотрясая крыши домов.

— А, ВОН ТЫ ГДЕ, СТЭНЛИ!

Стэнли прикрыл ладонью глаза. Он напряженно, не без опаски вглядывался вверх, а его губы скорчились в гримасе, обнажив зубной ряд.

— ТРИ ЧАСА ПРОШЛИ, СТЭНЛИ! — раздавался гулкий гром словес.

В этот самый миг, под круговортью, нависшей над его лужайкой, над головами детей и жены, над его головой и его убеждениями, Стэнли слегка слюну, отступил на шаг, опустил руки и дал своему замыслу окончательно оформиться. Ладно, он отдаст им ракету. Пусть забирают. Нельзя воевать с малыми детьми, думал он. Надо, чтобы они дорвались до своих незрелых яблок. Запретишь им, они все равно отыщут лазейку. Плыви по их неразумному течению и внуши им благоразумие. Пускай детишки вволю наедаются неспелых яблочек, пускай объедаются ими, пока пузо не разопрет, пока не разболятся животы. Улыбка медленно тронула уголки его губ и пропала. План созрел.

Глас небесный обрушился на него, как стальной кулак:

— СТЭНЛИ! ЧТО СКАЖЕШЬ ТЕПЕРЬ? ЧТО ТЫ ТЕПЕРЬ ЗАПОЕШЬ? КОГДА НАД ТВОИМ ДОМОМ

ЗАВИСЛА ТЫСЯЧА ФУНТОВ НИТРОГЛИЦЕРИНА?
ТЕПЕРЬ-ТО ТЫ ЗАГОВОРИШЬ?

Вертолеты злонамеренно снизились. По лужайке прокатились раскаты грома. Блестящая янтарная юбка Альтеи заполоскалась на ветру.

— ТАК ПОЛЕТИТ РАКЕТА ИЛИ НЕТ, СТЭНЛИ?

Уголком ноющего от напряжения глаза Стэнли приметил своего сына, наблюдающего за происходящим в оконном проеме.

— ПОДНИМИ ПРАВУЮ РУКУ И ПОМАШИ, — гремел небесный глас, — ЕСЛИ ОТВЕТ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ!

Стэнли заставил их подождать. Он не торопясь облизнул губы. Потом мало-помалу, очень непринужденно, поднял правую руку ладонью вверх и помахал громыхающим небесам.

Небеса разверзлись, обрушив на землю целую Ниагару бурного ликования. Пять сотен аудио торжествовали, исторгали восторженные возгласы! Верхушки деревьев бешено колыхались от циклона взрывной энергии! Шум еще не улегся, когда Стэнли повернулся, взял Альтею под руку и, не оглядываясь по сторонам, повел ее к двери.

Черный реактивный самолетик вывалился из гущи полуночного звездного неба. Спустя мгновения из него вышел Кросс, пересек темную лужайку и сердечно пожал руку Стэнли.

— Неплохо проводишь время, а?

В доме они сначала опрокинули по бокалу бренди, затем перешли к делу. Стэнли обрисовал свой план, свои контакты и психологию. Ему было отрадно видеть на редкость одобрительную улыбку на круглом розовом лице Кrossa.

— Блестяще! Вот теперь ты дело говоришь! — восхликал Кross. — Мне нравится твой план, Стэнли.

Вся тяжесть вины ляжет на них. Они не смогут тебя преследовать.

Стэнли снова наполнил бокалы.

— Я позабочусь, чтобы ты завтра полетел на Ракете. Гринвальд... капитан... будет сотрудничать, когда рейс будет завершен, я не сомневаюсь. Так что решать тебе и Гринвальду.

Они подняли бокалы.

— А когда все закончится, — медленно сказал Кросс, — мы начнем долгую, трудную борьбу за реформу нашей системы образования. Начнем применять научный подход к человеческому мышлению, а не только к машинам. И когда мы построим логический субъективный мир, то можно будет безбоязненно строить любые машины. Поднимаю этот бокал за наш план. Да будет он воплощен в жизнь!

Они выпили.

На следующий день два миллиона человек заняли холмистую местность и небольшие джерсийские города, сидя на крышах «скарабеев» и пластиковых «жуков». День был насыщен радостным возбуждением. В небе царил голубой вакуум. Именем закона вертолетам запретили взлетать. Притихшая исполнинская Ракета лежала и поблескивала.

В полдень экипаж неторопливо прошагал по летному полю во главе с капитаном Гринвальдом. И среди них Кросс. Захлопнулись огромные металлические люки, вспыхнуло гомерической мощности пламя, ракета взметнулась ввысь и исчезла из виду.

Люди ликовали, плакали и смеялись.

Стэнли наблюдал за аналогичным проявлением эмоций у его сына, дочери и тещи. Он испытывал глубокое удовлетворение тем, что Альтея не последовала их примеру. Держась за руки, они наблюдали, как тускнеет ослепительное свечение неба. Первая

Ракета стартовала на Луну. Захмелев от счастья, весь мир пребывал в бредовом состоянии.

Две недели тянулись медленно. Астрономы не могли отслеживать Ракету, настолько невелика и незначительна была она в пустоте между Землей и лунной поверхностью.

В последующие четырнадцать дней Стэнли спал мало. Его постоянно донимали приступы душевного смятения и страхи. Ему снился старт Ракеты. Он видел, как люди месяцами ходили под металлической сенью замечательной Ракеты, похлопывая ее замасленными, мозолистыми руками, с обожанием окидывая ее цепкими, оценивающими взглядами.

Стоило лишь на мгновение задуматься о ней, как вы тоже влюблялись в нее, хотя она символизировала войну и разрушение, ибо невозможно было не восхищаться ее стройной и соразмерной конструкцией. С ее помощью можно было стереть туманную космтику Венеры и воссоздать ее робкие, доисторические черты. А там еще Марс. Человек миллионы лет пребывал в заточении. Почему бы ему наконец не вырваться на свободу прямо сейчас?

Затем он назвал все фантазии их настоящим именем — БЕГСТВО — и откинулся на спинку кресла в ожидании возвращения Ракеты.

— Лунная Ракета возвращается! Приземление назначено на девять часов утра! — орали аудио у всех и каждого.

Подобно золотистому семени, Ракета упала с небес, выбросив огненные корни, чтобы подпружинить свой спуск. Ракета обуглила посадочную площадку, затопив раскаленными газами всю округу на многие мили. Посреди внезапно наступившего ракетного лета люди изнемогали от зноя.

Из своего кабинета на башне Уильям Стэнли торжественно и безмолвно наблюдал за происходящим.

Ракета мерцала. По остывающей бетонке в припадке восторга хлынула неистовая толпа, сметая на своем пути заграждения и полицейские кордоны.

Волна остановилась, вскипела, видоизменяясь, слой за слоем. Толпу охватило гробовое молчание.

И вот из круглого шлюзового люка вырвался воздух, словно сдавленный стон.

Целых две минуты понадобилось мощной двери, упрятанной в толще корабельного корпуса, чтобы выдвинуться вперед и отъехать в сторону на смазанных петлях. Толпа напирала плечом к плечу, выпучив глаза. Дверь уже полностью распахнулась. К небесам вознесся оглушительный возглас ликования. В шлюзовой камере стоял экипаж Лунной Ракеты. Возглас почти сразу оборвался.

Было бы не совсем точно сказать, что экипаж Ракеты стоял на ногах. Экипаж скрючило.

Капитан шагнул вперед. Ну, не то чтобы шагнул, а зашаркал, волоча ноги. Он заговорил. Но из его перевернутого рта и отечных губ раздавалось нечленораздельное шамканье:

— Аaaaaa pppp oooo божжже болезззнь oooo pppp nnnn...

Он простирая на всеобщее обозрение изъязвленные кровоточащие серо-зеленые пальцы. Он поднял голову. Что это там краснеет? Неужели глаза? А эта ввалившаяся впадина? Неужели там был нос? И куда подевались зубы из этого зияющего шамкающего рта? Его волосы истончали, поседели, опаршивели. От него разило зловонием.

Гипнотическое молчание разорвалось. Первые ряды толпы повернулись и вцепились во вторые ряды, а те инстинктивно повернулись и вцепились в тре-

ты и так далее. Все это засняли телевизионные камеры.

Вопли, крики, визг. Многие остались и оказались затоптанными. Капитан и его экипаж вышли, жестикулируя, призывая их вернуться. Но кто бы стал обращать внимание на движения их загнивающих тел? Несуразные охотники за сувенирами устроили давку, раздирая одежду на спинах друг у друга.

Сувенирчик? Струп облезающей плоти, капля желтой жидкости из развернутых язв? Сувениры для Земли. Покупайте на месте. Хватайте, пока они не сгнили! Доставка почтой в любую точку Соединенных Штатов!

Действующие лица (в порядке появления):

Капитан, спекшийся астронавигатор, поддерживаемый двумя астрономами. За ними — шестнадцать математиков, техники, химики, биологи, радисты, географы и машинисты. Волочите ноги, джентльмены, да прихватите с собой светлое дивное будущее!

Продавец воздушных шариков, улепетывая, избавился от всего своего товара. Резиновые ракеты поплыли, неистово, разъяренно перекручиваясь, стукаясь о головы убегающих, лопались, затертые толпой, которая втаптывала их ошметки в землю.

Завыли сирены. Полицейские «жуки» устремились к воротам летного поля. Через десять минут на площадке — хоть шаром покати. Никаких следов капитана или экипажа. Обнаружились частично разложившиеся лоскуты их смердящей одежды. В аудиоднесении пять минут спустя просто говорилось:

— Капитан и экипаж были уничтожены по приказу бюро здравоохранения! Имелись опасения возникновения эпидемии...

Шум паники улегся. Дверь в кабинет Стэнли отворилась, вошел некто и встал у него за спиной, закрыв за собой дверь.

Стэнли не сразу отвернулся от окна.

— Пятьдесят человек ранены, из них пятеро тяжело. Я сожалею об этом. Но это небольшая плата за мировую безопасность.

Он медленно обернулся.

Перед ним стояло омерзительное, распухшее, зараженное существо. С тошнотворной плоти грязными истерзанными лохмотьями свисала капитанская униформа. Существо открыло окровавленный рот.

— Ну, как все прошло? — спросило существо вполголоса.

— Отлично, — сказал Стэнли. — До Луны долетели?

— Да, — ответило существо. — Капитан Гринвальд передает тебе привет. Он знает, что мы можем провернуть это дело снова и снова, когда захотим, и это все, что он хочет знать. Он желает тебе удачи и хочет, чтобы ты шел вперед. Мы сначала приземлились, возвращаясь с Луны, в Фербенксе, штат Аляска. Естественно, за пределами городка. Ночью. Все получилось так, как ты задумал. Мы заменили экипаж. Там вышла небольшая стычка. Симпсон с первым экипажем и капитан Гринвальд все еще там, под психогипнозом. Они счастливо проживут, ни о чем не догадываясь, под новыми именами. Они ничего не будут помнить. Мы стартовали из Фербенкса сегодня утром с новым экипажем после репетиции нашей инсценировки. Думаю, у нас все неплохо получилось.

— Где сейчас сменный экипаж? — спросил Стэнли.

— Внизу, — ответствовало существо. — Самы проходят психообработку. Получают блокировку памяти, чтобы забыли, как они сегодня облапошили весь мир. Потом они отправятся на свои привычные рабочие места. Можно воспользоваться твоим душем?

Стэнли нажал на кнопку. Отъехала в сторону панель.

— Заходи.

Существо потянуло свою личину за края, и она упала ему в руки — серо-бледно-зеленая маска из эластичной резины. Появилось лоснящееся от пота, розовое лицо Кросса. Затем он стал выворачивать пальцы, пока не слезли кошмарные серо-зеленые перчатки с химическим кровотечением. Все это он швырнул в стенную мусоросжигалку.

— День Ракеты миновал, — сказал он тихо. — Завтра твой законопроект снова внесут в Мировой Парламент, или я ошибаюсь в своих расчетах. Осмотрительность, мысль и интеллект теперь получат шанс. Род людской спасся от самого себя.

Стэнли смотрел, как Кросс заходит в душевую кабинку, раздевается и включает опрыскиватель.

Он снова повернулся к окну. Два миллиарда человек этой ночью пребывали в раздумьях. Он знал, о чем они думали. Снаружи раздался грохот. Это министерство здравоохранения взорвало великую Ракету.

Вот и все. Журчание чистой воды по кафелю душевой ласкало слух.

«*Planet Stories*»,
весна 1947

Полный расчет

- За Землю.
- За Марс.
- За атомную бомбу!
- За взрыв.

Они снова выпили. Трое мужчин сидели под марсианскими звездами, на дне марсианского моря. Трое из небольшого серебристого ракетного корабля. Трое дрожащих и озлобленных, с губами, обожженными виски. Их бросало то в жар, то в холод. Они вскрикивали. Ракета застыла на месте. В каменных желобах чернели воды марсианского канала. Они откупорили новую бутылку.

— За старую добрую прекрасную дурацкую взорванную и навеки почившую Землю! — воскликнул Джонс.

— Выходи за меня, Уильямс, — предложил Комфорт. — Выходи за меня. И стань моим возлюбленным. И мы с тобой всех радостей вкусим...¹

— Заткнись!

— Выходи за меня, и мы возродим цивилизацию.

¹ Исказенные начальные строки из стихотворения Кристофера Марло «Пылкий пастушок — своей возлюбленной» (*The Passionate Shepherd to His Love* Christopher Marlowe):

*Come live with me, and be my love,
And we will all the pleasures prove.*

— Сядь и сиди!

Комфорт сел и заплакал.

Комфорт прикоснулся к своей руке и ощутил слезы на пальцах, быстрые и горючие. Всего шесть часов назад Джонс, Уильямс и он снаряжали ракету для возвращения на Землю. Они оставались последними на Марсе. Они недоумевали: неужели атомная война действительно такая страшная, как утверждало космическое радио. Они еще пощучивали на эту тему. По их прикидкам, через месяц они будут в Нью-Йорке.

И тут — жуткая синяя вспышка в небе.

Горящая Земля — над горизонтом поднялось новое маленькое солнце.

Они тотчас налегли на выпивку.

Они оцепенели от времени и ночи, от пламени и ужаса, от виски и кошмара.

Джонс выпил залпом, глядя в никуда.

— За Алису и мою сестру, за моего брата Герба, за бабушку и маму, папу и... — Он запнулся.

— За милуокский зоопарк и, — тихо усмехнулся Комфорт, — за снег, сметенный с улиц Меллин-тавна в Иллинойсе. За весну в Центральном парке. За спагетти-бар в Венеции, штат Калифорния, апрель тысяча девятьсот шестьдесят восьмого.

— За президента Ф. Рузвельта-младшего, за премьера Каволовского, за премьер-министра Баррингтона-Смита. За все атомы мира. За атомы под названием Ванамук-крик и за атомы под названием речная форель, которую я жарил на сковородке в Северных лесах. За атомы, которые пронизывали высокие деревья по ночам, когда я лежал, бодрствовал и прислушивался. За все и всяческие атомы, — сказал Уильямс.

Джонс страшно выругался:

— Черт побери! Я должен что-то предпринять! — Он вперился в небо так, что из глаз покатились слезы.

— И я! — Уильямс разбил свою бутылку. — Мы должны что-то сделать. Должен быть способ отомстить, действовать!

— Ты ничего не можешь поделать, — прошептал Комфорт, смеявшись.

— Мы должны, говорю я тебе, должны!

Спустя минуту возник марсианин.

Он мягко ступал по дну моря, в одиночестве. Он задержался в ореоле света, излучаемого желтыми электрическими факелами. На нем была бронзовая маска, сквозь которую, подобно голубым алмазам, переливались его глаза.

— Постойте-ка! — Уильямс с трудом поднялся. — Наверное, я свихнулся. Кажется, я кого-то вижу!

Остальные тоже что-то увидели.

Марсианин их поприветствовал. Без слов. Только в мыслях. Они витали в воздухе, как дыхание.

Комфорт протянул руку.

— Он настоящий. Я его осознаю!

Бронзовая маска кивнула. Мысль посетила их головы.

— Меня зовут Йио.

— Так марсиане все-таки существуют! — Мужчины онемели.

— Маска повернулась:

— В высокогорных городах выжила тысяча из нас. Мы видели прибытие ваших кораблей десять лун тому назад. Мы видели, как они вернулись в небеса. Мы ждали, когда вы все улетите. Сегодня ночью мы увидели пожар в небе. Поэтому я здесь. Я пришел предложить вам троим убежище.

— Пошел ты со своим убежищем! — гаркнул Уильямс. — Убирайся, мы и сами как-нибудь перебьемся!

— Но...

— Нам и так хорошо, — сказал Джонс.

— Долго же вы дожидались, — сказал Уильямс. — Почему вы не спустились к нам несколько месяцев назад, подлые трусы? Испугались? Онемели от ужаса небось. Так, Комфорт? Так, Джонс?

— Именно!

— Чего вы боялись? — Спотыкаясь, Уильямс описал круг вокруг марсианина, ощупывая синие шелка, в которые было облачено худое тело пришельца, быстро смерив его взглядом с головы до ног. — Нас? Клянусь Сатурном, не напрасно боялись! Мы — Земля! Земляне! Лучшие люди вселенной! И ее чертовых окрестностей, если еще где-то остались люди, в чем я лично сомневаюсь! А ты что из себя представляешь? — Он фыркнул. — Ты мужчина или женщина? Ну-ка, гляну, что там у тебя под маской. Терпеть не могу, когда прячутся под маски!

Марсианин отшатнулся:

— Я пришел помочь выжившим.

— Как ты выучил наш язык? Телепатия? Подглядывал все эти месяцы, подслушивал наши мысли? Конечно! — Уильямс сплюнул. — Мы тебе не выжившие, мистер. Мы хорошо приспособленные джентльмены с университетским образованием. Нам от тебя ничего не надо!

— Но неужели я ничего не могу сделать?

— Убирайся, — сказал Комфорт. — У меня жутко плохое настроение.

— А у меня еще хуже. — Джонс шмякнул кулаком по влажной ладони другой руки. — Я взбешен, и меня тошнит. И еще много чего, что не выразить словами. Не нарывайтесь, мистер.

Комфорт думал: «Мы должны остановиться. Мы несемся куда-то, к чему-то недоброму. Я должен это прекратить. Мы обезумели. Этого марсианина здесь не может быть. Он возник из нашего страха, из нашей

злобы и раздражения. Мы должны положить этому конец и...»

Марсианин пошевелил руками:

— Мы, марсиане, тоже немало выстрадали в свое время. Мы познали мудрость. Мы отказались от атомной энергии во избежание самоуничтожения. Мы выживаем сегодня благодаря библиотекам, городам, мозаикам, фонтанам...

— Возгордились? Да? — сказал Уильямс, хлопнув по пистолетной кобуре. — Зазнались? Нечего сыпать нам соль на раны, мистер! Не надо говорить, что вы есть, а наших друзей — нет. Вас целая тысяча, а все наши погибли. Хватит с нас такой болтовни, ты...

— Нужен философский подход, — тихо ответил марсианин. — Цивилизации, планеты переживают взлеты и падения. Кому-то везет больше, кому-то меньше. Вооружения — неприемлемы. На Марсе мы не применяем оружие вот уже десять тысяч лет.

— Убирайся, — велел Уильямс.

Они были взвинчены и разгорячены. Их рты дергались, глаза моргали.

Марсианин пожал плечами:

— Мы приглашаем вас жить в нашем городе. Восхитительное место — роза, жемчужина и все оттенки ночи, сокрытые в горах, впервые освещенные этим вечером, ибо опасность миновала. Вы должны увидеть наш маленький город-алмаз: зеленые лужайки; фонтаны взмывают ввысь и насыщают воздух водяным туманом; детский смех над синими мозаичными дорожками; жители наслаждаются редкими винами на верандах своих вилл; золотистые женщины, симпатичные мужчины в бронзовых масках; музыка играет — все это вы должны увидеть.

Комфорт, Джонс и Уильямс тупо надвигались на него с каменными лицами.

Марсианин перечислял достопримечательности: им следует посетить глубокие пруды, в которых разноцветные чернила перемешиваются, ежесекундно сплетая причудливые узоры. Они должны полюбоваться горящими и изменчивыми картинами на стенах. Они должны взобраться на хрустальные минареты, где произрастают вечные цветы, которым десять тысяч лет; они хрупки и нежны, как белые теплые дети. Они должны услышать музыку, сочиненную пятьдесят тысяч лет назад, исполненную на инструментах из струн, ветра и воспоминаний, извлеченную из фарфоровой горловины...

Вся троица зашаталась. Казалось, почва тает под ногами. У них глаза повылезали из орбит, лица взмокли.

— Заткнись, — приказал Уильямс.

Марсианин разинул рот.

— Предупреждаю, хватит! — сказал Уильямс.

Марсианин сделал жест, говоря тихим голосом.

— Ну ладно, — сказал Уильямс.

Он выхватил пистолет и выстрелил.

Маска вдребезги разлетелась дымящимися осколками и искрами. Обмякшее тело марсианина в тунике рухнуло наземь.

Комфорт вытащил свой пистолет и пальнул в неподвижную груду. Джонс сбил в кучу останки и склонул в воды канала.

— Так, — отрывистым голосом сказал Уильямс с горящими глазами, вцепившись в свой пистолет. — Где город, про который он тут разглагольствовал?

Все трое закивали друг другу.

— Мы его найдем, — сказали они.

Они забрались в ракету.

— Я учился в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, — сказал Комфорт, сидя у пульта управле-

ния. Они двинулись на север, перевалив через призметные синие холмы. Вглядываясь в иллюминаторы, они прочесывали глубокие ущелья.

— Я учился в Мичиганском, — сказал Уильямс.

— Старый добрый Мичиганский, — сказал Джонс. — Я — в Южно-Калифорнийском. Выпьем за него.

Их губы плотно сомкнулись. Они были разгорячены и возбуждены, словно в любой миг могло случиться нечто значительное.

«Нельзя этого делать, — думал Комфорт, — так дальше невозможно. Это безумие и кошмар. Я интеллигентный человек, я этого не допущу. Меня учили не вести себя таким образом. Я должен положить этому конец».

Он промолчал.

— Видно что-нибудь внизу? — спросил Уильямс.

— Я смотрю. — Комфорт облизнул обветренные губы. — Внимательно высматриваю.

— Как найдешь, сразу дай знать.

— Три университетских выпускника. Смех один!

— Что такое университет?

— Не знаю.

— Учебное заведение с кампусом в городе на планете Земля.

— Что такое учебное заведение? Что такое кампус?

Что такое город? Что такая планета Земля?

— Атомы.

— В один прекрасный день я вернусь и посмотрю, на что похожа моя старушка альма-матер.

— Обугленные головешки, копоть, пепел, сажа, сера, прах мумий.

— Старый добрый Мичиган; выпьем?

— Заткнись!

Они всматривались в иллюминаторы и моргали.

— Вот он, этот город! — сказал Комфорт, ухмыляясь.

Все посмотрели.

Все заулыбались.

— Ну-ну, — сказал Джонс.

Они посадили серебристую ракету.

Они высадились прямо в центре города, где мужчины в бронзовых масках сопровождали женщин, облаченных в изумрудную дымку. Вокруг носились смеющиеся дети. Фонтаны выбрасывали струи высоко в ночное небо. Все было окрашено в переливчатые, нестойкие цвета роз, гардений, водяных лилий. Откуда-то доносились изысканная музыка. Ночь была тихая, и воздух благоухал свежестью. Все были счастливы. Исполняли котильон. Танцоры плавно скользили за окном синего хрусталия. Распускались цветы, зеленела трава. В библиотеках посетители сидели за древними книгами, играя на них, как на арфах, вызывая звучание древних голосов, напевающих им о старинных знаниях в сладостной тишине.

Город и не догадывался о прибытии ракеты.

Те, кто заметил раскрытие люка, успели только обернуться и улыбнуться под своими масками.

— Ну-ка, — сказал Комфорт.

— Ну-ка, — сказал Джонс.

— Ну-ка, — сказал Уильямс.

И нажали на гашетки трех пулеметов.

Сверкающими, трескучими очередями пули обрушивали башенки. Пули дырявили фонтаны, выбивая из них потоки звуков и непрокачанной воды. Троє стрелков поворачивались и поворачивались, поливая все вокруг пулями. И повсюду взрывались светильники, падали портьеры, выкорчевывались стеклянные колонны, и стены, и камни; танцы прервались,

музыка разлетелась вдребезги! Одна башенка, которую расстреливал Уильямс, взметнулась мириадами кристаллов и опустилась наземь, подобно гигантской бабочке, с хрустальным звоном, напоминающим музыку. В городе не оказалось ничего массивного; пули врезались и крушили все и вся. Маски были изрешечены, горожане полегли, как скошенная трава. Один за другим прогремели взрывы. Марсиане не кричали. Они оставались там, где стояли.

Пули выискивали и приговаривали к молчанию, потом выискивали снова, до тех пор, пока не подавляли один за другим источники музыки, глушили мелодии, разгоняли танцоров, сжигали багровым пламенем библиотеки.

Лица троих стрелков выражали решимость, застыв в полуухмылке.

В тишине они перезарядили пулеметы и снова открыли огонь.

— Вон ту башню мы пропустили!

Все прицелились в нее.

— Внимание! Один пытается скрыться!

Скосили его.

— Где-то еще музыка играет!

Последний музыкальный инструмент, наверное запись, звучал на одной из хрустальных террас.

Они стреляли наугад, пока музыка не умолкла.

Город затих.

Упала последняя звонкая капля стекла.

А затем завыл всепожирающий огонь пылающих библиотек, в синий воздух взметнулись крылья зарева и жара.

Их пулеметы раскалились, расстреляв все патроны.

Утомленные, обливаясь потом, они покинули город.

Не проронив ни слова.

Они остановились и оглянулись на усеянный обломками город. Вытерли губы.

Протерли глаза, часто, отупело и утомленно моргая. Они опустили стволы пулеметов. Достали последнюю бутылку и напились. Внезапно на них навалилась такая усталость, что они были не в состоянии идти.

Они рухнули на морской песок и лежали, смежив веки.

— Джонси, Джонси, Джонси, — завыл Уильямс в долгой ночи. — Джонси?

— Чего тебе?

— Выпьешь?

— Можно.

— Держи.

Все жадно набросились на выпивку, проливая ее на грязную униформу и скользкие от пота руки. Задул холодный ночной ветер.

— Мы врезали им по первое число.

— Еще как, еще как, еще как врезали!

Комфорт обхватил руками голову:

— Уильямс, ты еще не сказал, ты еще не дал мне ответ.

— Что?

Они не шевелились. Стояла непроглядная ночь.

— Ты не сказал, выйдешь за меня или нет, Уильямс.

— А-а-а-а!

— И мы с тобой всех радостей вкусим, Вилли. Нам нужно завести семерых детей, чтобы заложить основу нового мира.

— Да, конечно, конечно, — устало сказал Уильямс. — Новый мир. Целый десяток детей.

— Джонс нас обвенчает, правда, Джонси, старина? Ты будешь пастором, ладно, Джонси?

— Ладно, ладно.

— Вот молодец, — сказал Комфорт. — Ты слышал, Уильямс?

— Слышал. Заткнись и заваливайся спать. Я выйду за тебя. Утром.

— Честное слово?

Его голос прозвучал тонко и жалобно.

— Да! Честное слово!

— Ибо ты нужен мне, Вилли. О-о, как ты мне нужен. Я так боюсь!

— Да, конечно, я знаю. Спи. Устал я. Устал.

Они закрыли глаза и лежали на холодном песке.

— Сладких снов, — сказал Джонс.

«*Thrilling Wonder Stories*»,
февраль 1950

Леонард Дуглас¹

Состязание в любви

- Он высокий, — сказала семнадцатилетняя Мэг.
- Он очень смуглый, — сказала почти восемнадцатилетняя Мэри.
- Он хорош собой.
- И придет сегодня вечером... именно сегодня вечером... к нам на свидание.
- С вами, с обеими? — вскрикнул отец. Он всегда вскрикивал. После двадцати лет, прожитых в браке, и семнадцати лет с дочерьми такая тональность голоса стала для него естественной. — С вами, с обеими? — снова вскрикнул он.
- С нами, с обеими, — подтвердила Мэг.
- С обеими, — повторила Мэри, улыбаясь поданному на ужин стейку.
- Я не голодна, — призналась Мэг.
- Я тоже, — сказала Мэри.
- Это мясо, — прокричал отец, — стоит полтора доллара за фунт! С этой самой минуты — вы голодны.
- Дочери молча принялись за еду, раскачиваясь на стульях.

¹ Один из многочисленных псевдонимов Рэя Брэдбери: Даг Роджерс, Е. Каннингем, Рон Рейнольдс, Брайан Элдред, Гай Амори, Сесил Клейборн Каннингем, Энтони Корвиас, Де Лириум Тремейн, Эдвард Банкс, Д.Р. Банет, Уильям Эллиотт, Бретт Стерлинг, Леонард Сполдинг, Дуглас Сполдинг.

— Перестаньте качаться на стульях! — возопил отец.

Они уставились на дверь.

— Хватит пялиться на дверь, — сказал отец, — а не то повыкальваете себе вилками глаза.

— Он высокий, — сказала Мэг.

— Он весьма смуглый, — сказала Мэри.

— Он хорош собой, — сообщил папа маме, когда она вошла в комнату из кухни. — Превышает ли по весне количество умопомешательств среди женщин другие времена года?

— К июню психушки уже переполнены.

— С четырех часов пополудни эта парочка слоняется по комнате в кататоническом ступоре, — сказал отец. — Кажется, юного джентльмена, который пожалует к нам вечером, они собираются делить, как именинный пирог. Ощущение такое, будто я попал на мясокомбинат за миг до того, как бессловесную тварь огреют по башке и поделят между двумя соперничающими сторонами. Этот мальчик хотя бы догадывается, во что он вляпался?

— Мальчики предупреждают друг друга, — сказала мама, — насколько я помню.

— Мне это не помогло, — признался отец. — В семнадцать лет ты идиот. В восемнадцать — дебил. В двадцать — дорастаешь до уровня болвана. К двадцати пяти — олух. К тридцати — бестолочь. И только сейчас, в славном сорокалетнем возрасте я — не что иное, как недоумок. А посему сердце мое обливается кровью за бычка, прибывающего к нам вечером на заклание ради древних церемониалов инков.

— О, не будь так кровожаден, — сказала мама.

— Они не способны воспринимать английский, на котором я к ним обращаюсь, — сказал отец. — Как об стенку горох. На них действует лишь несколько слов.

Смотри! — Он придинулся к дочерям, которые сидели с отсутствующими взглядами и грезили наяву с ножами и вилками в руках.

— Любовь, — промолвил папа.

Девочки встрепенулись.

— Романтические чувства, — сказал папа.

Девочки снова встрепенулись.

— Июнь, — сказал папа. — Свадьба.

Девочке охватила легкая дрожь.

— А теперь, — попросил папа, — пожалуйста, передайте мне подливку.

* * *

— Добрый вечер, — сказал папа, стоя у двери в переднюю.

— Здравствуйте, — сказал высокий, смуглый, приятной наружности парень. — Я Боб Джонс.

— Редкостное имя, — вполголоса сказал отец. — Заходите, мистер Джонс. Девочки наверху обмениваются платьями, чтобы произвести на вас впечатление.

— Благодарю, — сказал Боб Джонс, заходя в дом и возвышаясь над папой.

— До чего же ты крупногабаритный, — заметил папа. — Как же ты этого достиг? Видать, поднимал пульмановские вагоны с одномесячного возраста?

— Ну, нет, — сказал Боб Джонс, пожав руку папе, от чего тот принялся приплясывать, как шотландец, пока не избавился от рукопожатия. На папином лице застыла маска ужаса, когда он повернулся и повел бычка на приветливо разукрашенную бойню.

— Присаживайся, сынок, — сказал папа. — Только не на этот стул. Это современный стул, рассчитанный всего на одного человека. Не садись туда, а садись куда-нибудь еще. С какой из девочек у тебя свидание?

— Они еще не решили, — сказал Боб Джонс, улыбаясь.

— Разве от тебя ничего не зависит, мальчик мой?
Встань на защиту своих прав!

— У меня есть предпочтение, но, откровенно говоря, сэр, я побаиваюсь говорить об этом в открытую, — признался Джонс. — Как бы не дошло до смертоубийства.

— Ногти и пилки для ногтей, — сказал папа. — Жуткая смерть. Ладно, позволь дать тебе небольшой совет. Но прежде всего чего бы ты хотел отведать в свой прощальный ужин? Чем тебя угостить? Сэндвич, фрукты, сигарету, повязку на глаза?

— Чего-нибудь из фруктов.

И Боб Джонс сграбастал пригоршню персиков с кофейного столика и отправил их в свою печь, а папа тем временем пытался перевести дух.

— Что касается моего совета, — папа прикрыл рот, — Мэг симпатичнее, а Мэри с характером. Шансы равны. И та, и другая будет хорошей женой, Боб.

— Э-э, не торопите меня!

— Я и не тороплю. Все обдумай. На этой неделе. Но скажи, каким образом девочки собираются решить, кому из них ты достанешься?

— Тестированием.

— Тестированием?!

— Знаете, это что-то вроде письменного и устного экзамена, как в школе.

— Боже милостивый. Никогда о таком не слыхивал!

— Он довольно замысловатый. Я как на иголках.

— И ты собираешься такое терпеть?

— Видите ли, сэр, мы все понемногу учили психологию и хотим, чтобы все было по-научному. В конце

концов, кому захочется, чтобы поклонник баскетбола сошелся с баскетболоненавистником?

— Трудно поверить в такое, если призадуматься.

— Вот именно, — серьезно сказал Боб Джонс. — Так что они проэкзаменыт меня и друг друга, а я проэкзаменю их, и мы сами всё решим.

— Вот те на! — изумленно воскликнул папа.

— А вы... гм.. — молодой человек замялся, — не знаете, сэр, какие вопросы они будут задавать? Может, вы обсуждали их за столом?

— Боб, это уже похоже на шпаргалку, не так ли, если я тебе скажу?

— Да. — Он нервически засмеялся. — Пожалуй, что так.

И он в два присеста поглотил еще один персик.

— Но, откровенно говоря, — сказал папа, — я ничего не видел и не слышал. Ведьмы варили свой яд в уединении. В любой момент они спустятся сюда со своими перстнями а ля Борджа. Скушай еще один персик, Боб.

— Да, если можно, — сказал Боб Джонс.

По дому пробежала зловещая дрожь.

— Если бы мы жили в Калифорнии, — сказал папа, — я бы подумал, что в океане сдвинулся разлом, сотрясается земля. Но так как мы в Иллинойсе, это означает, что Мэг и Мэри спускаются по лестнице.

Так оно и было.

— Боб! — закричали они разом в дверях и тут же умолкли, словно пальнули из последней пушки и остались на войне без боеприпасов. Они уставились на отца, на Боба Джонса, потом друг на друга.

— Я, пожалуй, пойду прогуляюсь по саду, — сказал папа.

Девочки растерялись.

— Я хотел сказать, по кварталу, — сказал пapa. — А может, вы хотите, чтобы я остался в качестве арбитра?

— Поступай как хочешь, — сказали девочки.

Пapa поспешил проскочить мимо Боба Джонса во избежание его рукопожатия.

Вернувшись с прогулки, он обнаружил в гостиной маму.

— Как идет экзамен на любовь? — поинтересовался он.

— Они сидят в саду под фонарем и почти не разговаривают, — доложила мама. — Вроде как приглядываются друг к другу.

— Может, мне подслушать немного?

— О нет, не надо. Так нечестно.

— Моя дражайшая жена, не так уж часто в жизни выпадает шанс присутствовать при таком сенсационном природном феномене, как этот. Я не добрался ни до Парикутина, ни до Кракатау. Я, скорее всего, не увижу Большого Каньона, но когда расщепление атомного ядра происходит прямо у тебя в саду, то самое время выйти и посмотреть на дымок. Я буду очень осторожен.

Он зашел в затемненную кухню и стал прислушиваться.

— Ладно, — сказала Мэг в саду. — Сколько тебе лет?

— Ему восемнадцать, глупенькая, — сказала Мэри.

— Что тебе больше нравится: баскетбол, бейсбол, танцы, плавание или *джай-алай*?

— Нет, нет, — запротестовала Мэри. — Виды спорта — в одну сторону, а развлечения — в другую, не смешиваем! Все знают, что, если смешать спорт с остальным, парень скажет, что любит бейсбол, и всё.

Нужно спрашивать так: что ты любишь, ходить на танцы или на шоу? Так как, Боб?

— Танцы, — сказал Боб.

Обе девочки взвизгнули и сделали пометки в своих карточках с баллами.

«Дипломат, — подумал папа, — истинный дипломат».

— Что тебе нравится: плавание или теннис? — спросила Мэри.

— Плавание.

Девочки опять взвизгнули.

— Гений, — пробормотал папа.

Девочки сутились вокруг Боба Джонса, как две сороки, выющие гнездо. Что ему нравится, пиво или мороженое? Вечерние свидания по субботам или по пятницам; постоянные или попереемые? Какого он роста? Что он предпочитает, английский или историю? Занятия спортом или вечеринки? Боб Джонс зерзал и стал озираться по сторонам. Карандаши скрипели, листки переворачивались, баллы складывались или не складывались.

Папа собирался было покинуть горячую точку, как дверной звонок пропренькал известную мелодию (на слова «бритье и стрижка — четвертак»), и в тот же миг, едва он отворил дверь, в дом впорхнула Пери Ларсен, вопиюще яркая блондинка, миловидная, подвижная и глазастая. Посмотришь на нее и словно видишь море в солнечный денек, неугомонное, непоседливое, живое.

— А вот и я! — зычно возвестила она.

— В самом деле, — сказал папа.

— Я пришла вершить суд, — сказала Пери.

— Ты шутишь!

— Нисколько. Мэг и Мэри позвонили мне и сказали, что не доверяют друг другу сложение баллов, поэтому они попросили меня прийти. Джонс тут?

— Джонс — гора в саду, вокруг которой суетится парочка дятлов.

— Бедный Джонс. Вот потеха-то!

Пери юркнула мимо него и направилась на кухню. Хлопнула задняя дверь.

Папа стоял, держась за подбородок, вспоминая, как она выглядит на бегу. Он повернулся к маме.

— Меня охватило глубокое чувство печали, — сказал он. — Назревает трагедия. Море слез, плач, вырванные волосы.

— «Медея»? — спросила мама.

— Или «Грозовой перевал», бог его знает. Ты когда-нибудь присматривалась к Пери Ларсен? А я присматривался. Это крах. Мэг хороша собой. Мэри с характером. У Пери есть и то, и другое. И мозги в придачу, насколько я помню результаты ее академической успеваемости. И все это в одном флаконе. Дай срок — и буря грянет.

И она не заставила себя ждать. В саду разразился великий шум и переполох. Девичьи голоса пронзительно возмущались. Баллы складывались и вычитывались, делились и выводились из алгебраических формул. Папа застыл посреди гостиной, переводя вопли для мамы.

— Вот Пери говорит, что по баллам Боба Джонса должна заполучить Мэри.

Кто-то зарыдал.

— Это Мэг рыдает, если ты не в курсе.

— О боже! — вырвалось у мамы.

— Внимание! Ситуация меняется, — сказал папа, выдвигаясь на кухню. — Оп-ля! Пери говорит, что она ошиблась в сложении. По результатам футбола, хоккея и пива получается, что Боба Джонса забирает Мэг.

Из сада донеслось стенание раненой львицы.

— Это уже другая дочь, — подсказал папа. — Принимает муравьиный яд, не сходя с места.

— Постойте-ка! — произнес некий голос.

— Постойте-ка! — Папа поднял руку, наказав гостиной и всем до единого стульям помалкивать.

— Заново сверку делают? — спросила мама.

— Именно, — сказал папа.

— Пери Ларсен говорит, что оба подсчета дают равный результат. Так что Боб пойдет на свидание с ними с обеими, — сказал папа.

— Нет!

— Да!

Раздался и стих громоподобный ропот. Рев угодившего в капкан медведя.

— Это Боб Джонс, — сказал папа.

— Подойди-ка, взгляни на его физиономию, — предложила мама.

— Ох, уж эта Пери Ларсен, у меня такое ощущение, что она...

Дверь распахнулась настежь, и внутрь ворвались Мэг и Мэри, размахивая листками бумаги.

— Папа, сложи сам и скажи, подведи итог. Выручай нас, папочка, пожалуйста!

— Ладно, ладно!

Он посмотрел на дверь. Боб Джонс и Пери Ларсен остались в саду, наедине. Он откашлялся и закрыл глаза. Затем взялся за карандаш.

— Шли бы вы в сад, пока я разбираюсь с этим, и...

— Мы подождем, папа.

— Но вы должны...

— Мы подождем, пока ты складываешь.

— Но...

— Ну, папа!

— Хорошо, хорошо! Посмотрим. Два балла за футбол. Два за пиво-воды. Так, посмотрим...

Он поработал с минуту, пока обе дочки тянули его за локти. В саду воцарилось подозрительное молчание. Он все поднимал глаза, откашливаясь, делая мелкие ошибки. Наконец задняя дверь отворилась, и, улыбаясь, Пери Ларсен прошла по дому.

— Как продвигается дело? — спросила она.

— Медленно, — сказал папа, — а может, быстро.

Это как посмотреть.

— Я тут вспомнила, что у меня осталась работа по дому. Привет! Я побежала! — сказала Пери и пурпурный вылетела в переднюю дверь.

— Пери, вернись! — закричали девочки, но той и след простыл.

Задняя дверь хранила молчание. Затем, когда папа подвел окончательные итоги, дверь снова отворилась, и в дом вошла ходячая гора, глуповато моргая.

С таким видом, будто его согрели по голове, Боб Джонс проговорил:

— Что ж, было здорово, всем пока. — Он вроде как хихикнул.

— Боб, назад!

— Только что вспомнил, у меня вечером тренировка по баскетболу. Совсем из головы вылетело. Спасибо за персики, мистер Файфилд.

— Не меня надо благодарить, а их маму за то, что вырастила их как надо, — сказал папа.

Боб Джонс, словно его шарахнуло несколькими наковальнями, бродил по комнате, говоря спокойной ночи, столкнулся сам с собой и, попросив прощения, вышел за дверь. Послышалось, как он свалился со ступенек переднего крыльца, встал и засмеялся.

— Папочка! — вскричали дочки.

— Ну и... — сказала мама.

Папа вернулся к вычислениям. Ему было боязно смотреть на бледные личики дочек. Они следили,

как он добавляет завершающие штрихи к подсчетам.

— Папа, — вопрошали они, — что там получилось?

— Доченьки, — сказал он, глубоко вздохнув и откидываясь на спинку стула. — Сдается мне, что Мэг получила кругленькую «баранку», а Мэри цифру сравнимой величины и происхождения. Иными словами, девочки, ни одной из вас не достался парень, который ходит как мужчина. Вы забыли присовокупить еще два пустячка.

— Что?

Он молча сходил в спальню и вернулся с маминой сумочкой. Из нее он извлек флакон духов и красную помаду.

— Вот о чем вы забыли, — сказал он. — Вы обратили внимание на лицо Боба Джонса, когда он выходил отсюда?

Они молча закивали.

— Запомните этот взгляд, — сказал папа. — Когда вы замечаете такой взгляд, это означает, что вам следовало замолчать полчаса назад. Вряд ли вы увидите мистера Джонса опять.

Девочки тихо заплакали.

— Через пятнадцать минут, — сказал папа, сверившись с часами, — у мусоросжигалки за домом состоится небольшая церемония. Вам предписывается участвовать в ней, имея при себе ваши тесты, экзаменационные билеты, контрольные и тома по психологии. Я совершу ритуал сожжения этих книг¹. Затем мы все направимся в ближайший кинотеатр на двойной сеанс и выйдем оттуда посвежевшими с осознанием

¹ Любопытно, что Брэдбери пишет о сожжении книг при том, что краткая версия будущего романа «451 градус по Фаренгейту» вышла в 1950 г., а этот рассказ в 1952 г.

того, что завтра будет новый день и Боб Джонс вовсе не такой высоченный, смуглый и симпатичный, как нам почему-то когда-то казалось.

— Есть, сэр, — сказала Мэг.

— Есть, сэр, — сказала Мэри.

На экзаменационных листках папа начертал: Пери Ларсен — 1, команда хозяев поля — 0.

— Итак, команда, все в душ!

Девочки медленно поплелись наверх. Наверху они побежали.

Папа сел, раскурил трубку и попыхивал ею с философским видом.

— Они научатся, — сказал он.

Мама тихо кивнула.

— Тебе придется преподать им несколько уроков, — сказал папа.

Мама опять молча кивнула.

— Ну и вечерок выдался, — сказал папа.

Мама, будучи женщиной, на которую, как надеялся папа, его дочери когда-нибудь станут похожи, промолчала.

По-прежнему не проронив ни слова, мама встала, улыбаясь, подошла к папе и поцеловала его в щеку. Затем оба бесшумно, не произнося ни слова в притихшем доме, они прошагали по коридорам и комнатам, чтобы подготовиться к позднему походу в кино.

*«Сатурдэй ивнинг пост»,
24 мая 1952*

Именная пуля

Пули срубали деревца, выкашивали кустарник, дробили камень, перемалывали почву в пыль и сбивали с цветов лепестки. Потом на какое-то время пули ничего не поражали, а шелестели над землей, выискивая человеков. Без пуль день стал погожим и ослепительно-ярким, холмы зеленели, как мята, и радовали глаз.

Я обвел взглядом поле боя. Гомес, рядом со мной, выглянул и тут же юркнул в нашу с ним стрелковую ячейку.

— Дружище, — посоветовал он мне. — Нельзя же вставать в полный рост.

— Что на роду написано, то и будет, — ответил я медленно, потягивая носом воздух. — Надо будет, пуля с твоим именем и за угол свернет. Что толку прятаться.

— Помяни трех святых! — Гомес хлопнул себя по лбу. — Ты же не прогуливаешься под проливным дождем?

Я улыбнулся:

— Все знают, чем быстрее бежишь, тем больше дождинок в тебя попадает.

— Величайшее заблуждение. — Гомес закурил, чтобы успокоиться. — Бегом ты доберешься до дома, где сухо, и сбросишь мокрую одежду, пока остальные рохли бултыхаются!

— Этот вопрос стар как мир. Люди годами о нем спорят, — ответил я. — Если дождь застал тебя врасплох, то как быть: бежать или идти? Помнится, какая-то фирма, выпускающая плащи, провела эксперимент. Двое парней. Тот, кто пустился вскачь, как лошадь, промок ровно настолько же, насколько тот, который шел прогулочным шагом. И даже больше.

— Да, — мечтательно сказал Гомес, — но, согласно моей философии, если бежишь, тебе кажется, что ты не такой мокрый. Хочешь, назови это душевным подъемом.

Он смерил меня любопытствующим взглядом.

— И ты, бедолага, даже не знаешь, как уцелеть на войне.

Пули расщепили пару-тройку веток над нами. Фонтанчики пыли взвились из земли в тридцати ярдах слева от нас. Я величественно возвышался, демонстрируя свою невозмутимость.

— Если мой час пробил, я сгину.

— Это — философия безумца, — сказал Гомес смущенно и опечаленно. Посматривая искоса, он с нескрываемой тревогой обращал свои слова к небесам, к ладоням и сигарете.

— Этому незаурядному малому кажется, будто Бог записывает наши имена в большую книгу, и, когда наступает пора, где бы ты ни находился, являются люди с плетеной корзиной, чтобы тебя унести.

— Таково мое убеждение, — спокойно сказал я.

Гомес тронул меня за колено:

— Скажу тебе как можно вежливее: у тебя склад ума неисправимо безрадостного баптиста.

Он закрыл глаза, чтобы не смотреть на меня.

— Послушай, до меня доносится нежный голосок твоей матушки, которая тебе говорит: «Джо, сынок, что на роду написано, тому и быть». Ты возражаешь: «Но, мамочка, если я верну билет на самолет и само-

лет разобьется?» А она в ответ: «Значит, сынок, твой час еще не пробил». Ты восклицаешь: «А что, если бы я сел на этот роковой рейс?» И она терпеливо улыбается твоему милому невежеству: «Значит, твой час пробил, сыночек».

Гомес громко выдохнул:

— Видишь? С такой мамочкой ты ни в том, ни в другом случае не можешь выиграть.

Я нехотя усмехнулся. Рядовой Гомес говорил, как моя родня.

— Чертовщина, — запротестовал я.

— Вот, — обвинил меня Гомес, — ты настаиваешь, повторяя ее философию, в которую, как я полагаю, ты даже не веришь.

— Гомес, я не боюсь, ибо если мой великий час настал, так, значит, он настал! Ты восклицаешь и подставляешь грудь. Слышишь! Пули пролетают над головой. Пули с начертанными именами. А как имена оказались на пуле? Безумцы вроде тебя их написали, пытаясь прочитать визитную карточку на каждой пролетающей пуле. А потом, клянусь всеми святыми в календаре, ты удивляешься, когда тебя подстрелили. С тобой сыграли злую шутку, когда одна из пуль в тебя попала. Послушай! Слышишь? Пули шепчут имена. Так что же, мне отзываться на эту треклятую перекличку? Еще чего! Дай мне заглушку для ушей. Я сижу и курю. Весь мир утыкан указательными столбами Гомеса. Когда я вижу такой столбик, я втягиваю голову в плечи. Я осторожно ступаю в скользких ваннах. Я меню пробки тщательно высушеными руками. Мой символ — безопасная бритва. Только для меня одного все девицы на вечеринке заполняют медицинскую анкету.

— Потрясающий образ жизни! — вскричал я. — Увертывайся, уворачивайся, увиливай, не высовывайся, ползай, носи беруши и перчатки. Но когда-нибудь

особая пуля, особенное такси или скользкая ванна с твоим именем, выведенным большими красными буквами, все-таки тебя настигнет.

Гомес уже собирался протестовать, как вселенная взорвалась. Все заорали, завопили, забегали. Повсюду пули. Разрывы бомб. Красное пламя. Белые вспышки. Свист. Рывок. Бросок вперед. Кто быстрее!

Я услышал, как кто-то гаркнул:

— В атаку!

Я выскочил из окопа и побежал вперед, оглядываясь по сторонам, но Гомеса нигде не было. Я бежал пригнувшись, падал, поднимался, а Гомеса все нет. Я оглянулся назад, и мне померещился виток сигаретного дымка из окопа, в котором он тихо сидел, когда я видел его в последний раз, но уверенности не было. Я кричал и стрелял на бегу.

Противник ретировался. Мы бежали, орали, палили. И все в пустое место. Неприятель откатился, и теперь нас эпизодически отстреливали снайперы. Такая чехарда продолжалась по многу дней. Мы наступали на пустое место, неся небольшие потери, и все это было слишком уж прозаично.

К вечеру мы остановились близ зеленых холмов. Ветер посвежел. По слухам, нам предстояло тут заночевать. Я вырыл себе просторный окоп. И тут, извиваясь, приползает Гомес.

— Ходи, как подобает мужчине! — крикнул я.

Он дополз до меня на брюхе, улыбаясь и зажав в зубах сигарету.

— Никто же не стреляет! — сказал я с презрением.

Гомес протиснулся в окоп, вырытый мной по доброте душевной для нас обоих. Он уселся с довольным видом и раскурил потухший окурок.

— Где ты пропадал, когда началась заваруха? — сказал я.

— Вспоминал историю, рассказалую мне папочкой много лет назад. Она показывает, как мой отец учил жить, по сравнению с тем, как тебя воспитывала мать. Речь о человеке, который жарким, безоблачным днем гулял с зонтиком. Люди поднимали его на смех: «Что, дождь идет?» Ходили за ним по пятам толпами. Подтрунивали. Они проходили под кокосовой пальмой. Подул ветер. Упали четыре кокоса. Двоих — насмерть. Двоих — покалечило. А тот, что с зонтом, цел и невредим. На следующей неделе он открыл выгодное дело, продавая солнцезащитные зонты.

— Ну какое это имеет отношение к тому, что ты битых четыре часа отлынивал от войны? — спросил я сердито.

— Разве нужно объяснять? Опять-таки наши философии проявляют себя. Ты говоришь: «В Книге написано, что я умру сегодня в Трентоне!» — и покупаешь билет в Трентон! А я говорю: «Так, значит, в Книге написано, что я умру сегодня в Трентоне, да?» Но я-то еду в Паукиси. И если никакого Паукиси и в помине нет, я вырою его себе! — Он похлопал по земле и по лопате.

— Я вырыл этот Паукиси для тебя! — возмутился я. — Боже, если бы все вели себя как ты, войны бы не кончались.

— Если бы все вели себя, как я, — парировал он, — войны бы не было.

Хоть я и был зол как черт, я не смог сдержать смеха.

* * *

В воздухе стало тихо. Пыль и трескотню унесло ветром. Гомес сказал:

— Сдается мне, все это — гонка между пулей с моим именем и кораблем моего отца, который должен прибыть в один прекрасный день.

Мимо прошуршала пуля. И прошептала мое имя. Я стоял в свежевырытом окопе, поглядывая то на Гомеса, то на открытые холмы, откуда прилетали пули. Мне захотелось пригнуться. Я не смог. Я был сыном моей мамочки. Нельзя было предавать ее философию на глазах у Гомеса.

Гомес бормотал с закрытыми глазами:

— Папа всегда говорил: «В один прекрасный день придет наш корабль». Я не понимал. Я был ребенком. Воображение рисовало мне прекрасный белый пароход. Я видел, как мы бежим по пристани. Я слышал торжественный гудок. Какое звучание! Я видел, как смеются мама, папа и братья. Как они пританцовывают, хлопают друг другу по спине. И вот он, корабль, во имя всего святого, огромный, белый, у причала, расцвеченный флагами. Опускается трап. Толпа визжит! Что было на корабле, я так и не узнал. В моих сновидениях я до этого так и не дошел. Я только знал, что корабль нас осчастливил уже самим фактом своего прибытия. Все мы прыгали, пели. Наверное, на корабле был новый дом вместо съемной квартиры или новый «форд» вместо трамвая, и настоящее столовое серебро вместо вилок и ножей из мелочной лавки. Говорю же, не помню. Я только помню большой белый корабль.

* * *

Он умолк и задумчиво сидел в окопе.

— Разнесчастный человек. Мой бедный папа. Никакой корабль за ним так и не приплыл. Он говорил: «Как Господь свят, корабль придет». Он твердил это и за день до своей кончины. Мне исполнилось четырнадцать, когда я понял, что никакого корабля не будет, пока мы сами его не построим. Его нужно не только построить, но и начать вычерпывать воду из корпуса еще

до того, как его достроишь. Я сказал себе: «Он не пришел за папой, но, о господи, он придет за мной». Поэтому я здесь сижу сегодня. Поэтому я ползаю на брюхе. Ползать лучше, чем ходить. Сидеть лучше, чем ползать. А лежать пластом лучше всего. Я должен выжить на этой войне, чтобы вернуться домой, трудиться и добиться, чтобы ко мне пришел корабль, который не пришел за отцом. Я должен вернуться и построить этот корабль. Я должен уцелеть, чтобы, когда много лет спустя настанет время, я бы мог окрестить отцовский корабль. Корабль США «Гомес». В шкафу на съемной квартире у меня на этот случай припасена бутылка хорошего шампанского. А сейчас я сижу здесь и смазываю стапеля.

Воцарилось молчание. Мы переглянулись. Я знал, что никогда его не пойму, с другой стороны, и он меня до конца не поймет. Каждый из нас изложил свою философию, и осталось лишь испытать ее под огнем.

— Что ж, дружище, — сказал я, хоть и слегка впечатленный его рассказнями, но все еще злой на него. — Смени меня на палубе, а то мне надоело торчать на вахте да рыть для тебя окопы.

— Сделай одолжение старому приятелю, — ответил он. — Постой еще минут десять.

— Послушай! — воскликнул я. — Ведь сейчас нету стрельбы!

Мы прислушались.

— Вот пролетела одна, — заметил Гомес.

— На ней написано «Смит»! Тебя зовут Смит? — гневно закричал я.

Он засмеялся. Сидел и смеялся, откинув голову и разинув рот.

— Боже милостивый. Я забыл тебе сказать! Это тебе тоже нужно знать. Моя последняя предосторожность! Мое полное имя Винсенте Мануэль Антонио Морено де ла Вега и Гомес!

Я был ошеломлен и огорожен.

— Попробуй написать такое имечко на пуле! — вскричал он. — И это мое официальное имя! Перед тем как я уехал из Калифорнии, я добавил девичью фамилию моей матери. Вот какой я хитроумный, какой изобретательный! Видишь? С таким именем я буду жить вечно!

Под тяжестью стольких имен я осел наземь. Спустя какое-то время я устало сказал:

— Ладно, Как-там-тебя-кличут, вставай!

Я покачал головой.

Гомес встал, или точнее, присел на корточки, весьма довольный своей уловкой. Он добродушно устался на поле боя.

— Мама родная, — прошептал он. — Миллионы пуль, кишмя кишат. На некоторых написано «Винсенте». На некоторых «Мануэль». На нескольких, наверное, «Антонио». Но ни на одной нет полного имени, это уж наверняка. Такое невозможно! Я тихо скорблю по товарищам вроде тебя, с короткими именами. Джо Джонс, Пит Смит, Билл Грин...

— Заткнись! — сказал я, чувствуя, что проспирял. — Стоять смирно, матрос, и смотреть в оба!

Мое ехидство заставило его вытянуться, но он не обиделся на меня.

— Есть, друг мой, — сказал он мягко, обращаясь к холмам. — С таким именем-оберегом, как у меня, я бессмертен.

Он сделал горделивый жест и потерял равновесие.

И тут это случилось.

Если бы он стоял в полный рост, как я велел, его бы поразило в сердце. Если бы он присел, как было вначале, его бы ранило в лицо. В конечном счете, наверное, состязание наших философских взглядов окончилось ничейным результатом.

Глухой стук, как удар кулаком. Гомес вскрикнул. Его отбросило назад.

— Невозможно!

Он просидел в окопе секунд десять, переваривая случившееся.

— В меня попали! — сказал он, поднимая брови.

* * *

Спустя час я навестил Гомеса в первой госпитальной палатке за линией нашей обороны. Он тихо лежал, пока наши врачи его обрабатывали. Ему дали болеутоляющее. Пуля среднего калибра раздробила ему плечевой сустав. Живописное месиво. Пока его будут собирать по косточкам, как головоломку, шесть месяцев в госпитале обеспечено, а то и дольше. А потом он будет свободен, относительно целехонький и двадцатиоднолетний.

Перед тем как его унесли, я угостил его сигаретой.

— Помяни всех святых, — прошептал он, улыбаясь от боли, торжества и без тени недоумения. — Помяни каждого в отдельности, друг. Понимаешь? Вот так шутка! Прибыли одновременно!

— Кто? — спросил я.

— И пуля, и корабль. Вместе. Пуля с моим первым именем. И корабль, который так и не пришел при папиной жизни. Я всегда недоумевал, для чего нужен этот корабль. Я даже не подозревал, что это будет настоящий корабль. Давным-давно в своих снах я пытался попасть внутрь. Я хотел узнать, какой на нем груз. Теперь я знаю, кого он везет.

— И кого же? — спросил я.

— Меня, собственной персоной, — сказал Гомес, плавно закрывая глаза. — Пришел папин корабль,

чтобы доставить меня домой, в Калифорнию. Можно еще сигаретку?

— Да хоть всю пачку, — сказал я.

Прошло шесть месяцев, но я все время думаю о Гомесе. Если бы в тот день мы меньше болтали, если бы мы спорили минут на пять дольше, обстоятельства сложились бы иначе. Что, если я бы не испугался, нырнул бы на дно окопа и заставил бы Гомеса встать в дозор? Что, если бы он не произнес свое официальное имя целиком, не жестикулировал и не потерял бы равновесие? Может, он был бы убит. Может, он был бы со мной, и мы бы спорили с ним. Может, он схватил пулю с моим полным именем и только отчасти со своим. Иногда мне кажется, что он спас мне жизнь, приняв пулю, которая могла оказаться не такой благосклонной ко мне. А иногда я думаю, кто из нас прав, а кто нет? Он или я? Может, ни я, ни он? Может, и нет вовсе такой философии, на которую можно положиться во время войны?

Все равно я много раздумываю по ночам, пытаясь уснуть. Я слышу музыку, смех и пляски Гомеса, и вот белый пароход на привязи у причала, его мама и папа, пляшущие вместе с ним и распевающие песни, когда пароход отходит.

В эти минуты я сижу в глубоком окопе и не высчитываюсь, а просто сижу сиднем, пытаясь разобраться, и буду сидеть, пока не разберусь. Я никуда не собираюсь идти. Я не шевелюсь. И парни из нашей роты прозвали меня Филипп Дэвид Джон Уильям Говард Роберт Джонс.

Я попросил их сделать мне такое маленькое одолжение.

Филипп Дэвид Джон Уильям Говард Роберт Джонс.

Это имя ласкает мне слух.

Механический хэппи-лэнд

Две тысячи лет назад посетители греческих храмов бросали монеты в устройства, которые с механическим лязгом отпускали им святую воду.

Долгий путь отделяет первый торговый автомат от «диковины причудливых очертаний»¹, сотворенной Уолтом Диснеем для своего царства — Диснейленда. Когда Уолт Уитмен писал «Тело электрическое пою», откуда ему было знать, что он сочиняет девиз нашего, подвластного роботам общества. Я считаю, что влияние Диснея будет ощущаться даже спустя века. Я утверждаю, что Дисней и Диснейленд могут стать движущими силами нашей эпохи.

Но прежде чем я представлю доказательства, позвольте мне обрисовать мое происхождение. В двенадцать я владел первыми значками с Микки-Маусом в Тусоне, штат Аризона. В девятнадцать, продавая газеты на перекрестках, я ужасался перспективе попасть под машину и не увидеть премьеру диснеевской феерии — «Фантазии». За последние тридцать лет я посмотрел «Фантазию» пятнадцать раз. «Белоснежку» — двенадцать раз. «Пиноккио» — восемь раз. В итоге я был и остаюсь помешан на Дисне.

¹ Страна из поэмы Сэмюэля Тэйлора Колъриджа «Кубла-хан». Р. Брэдбери озаглавил этой строкой один из своих рассказов в сборнике «Механизмы радости» (1964).

Теперь вы можете представить мое отношение к статье, напечатанной в журнале «Нейшн» несколько лет назад, которая ставила на одну доску Диснейленд и Лас-Вегас. Оба сообщества, утверждалось в статье, вульгарны, оба являются воплощением американской культуры в ее самом развратном, дешевом, ужасающем проявлении.

С полчаса я рокотал и наконец взорвался. Я послал письмо чопорным редакторам «Нейшн». В нем говорилось: «Господа! Подобно многим интеллектуалам до меня, я откладывал поход в Диснейленд, признавая, что от него слишком уж веет мещанством и обывательщиной. Никому бы не захотелось быть там застуканным. Но наконец-то один добрый озорной друг затащил меня в мой первый тур по Волшебному Царству. Мне составил компанию... самый большой ребенок нашего времени — Чарльз Лоутон¹.

Сие есть доброе воспоминание о том дне, когда капитан Блай протащил меня, упирающегося, через ворота Диснейленда. Он пропахал борозду сквозь толпу. Он ринулся вперед. От его неотразимого натиска все шарахались в стороны. Я следовал за Моисеем, который повел водам отхлынуть, и они отхлынули. Толпы разинули рты, потрясенные перемещением его огромного туловища сквозь потревоженный воздух, обворачивались и глазели на нас.

Мы прямиком направились к ближайшему кораблю (а куда бы еще меня повел капитан Блай?) — «Плавание по джунглям».

Чарли сидел на носу, показывая то на крокодилов, то на слонов, то на львов за трапезой. Он хохотал над

¹ Английский, американский актер и режиссер, обладатель премии «Оскар» за лучшую мужскую роль в картине «Частная жизнь Генриха VIII» Чарльз Лоутон (Charles Laughton) сыграл роль капитана Уильяма Блая в фильме «Мятеж на "Баунти!"».

несусветной трескотней и шуточками рулевого. Прятал голову в плечи, когда стреляли в упор из пистолета в атакующих бегемотов. Зажмуриваясь, подставлял лицо дождю, когда мы проплывали под водопадом Швейцера.

Мы стартовали на другом корабле, на Лунной Ракете, на этот раз — в будущее. Вы бы видели, в какой восторг пришел Блай!

А к вечеру мы бороздили Миссисипи на «Марке Твене» с джаз-бандом на борту, уханье которого напоминало биение большого темного сердца. Пароход гудел, как преданный забвению дракон. Мимо проплывали медлительные берега. Мы все — на верхней палубе. У нас липкие пальцы от сладкой ваты, пиджаки заснежены солью от попкорна, улыбки приключены к нашим физиономиям взрывом то восторга, то изумления. Затем мы — усталые дети, а Чарли — самый усталый большой ребенок, покатили по шоссе домой.

В ту ночь я не мог не вспомнить поездку на восток, когда я сошел с «грейхаунда» в Лас-Вегасе в три часа ночи. Я слонялся в гуще механического лязга, сквозь стайки взбудораженных дамочек, лихорадочно сжимающих автоматические устройства, вступая с ними в схватку, чтобы победить в двух раундах из трех. Я слушал, как сухо щелкают монеты, выстреливающие из желоба, только для того, чтобы снова угодить в монетоприемник и сгинуть в недрах машины навсегда.

При свете абажуров мужчины и женщины в зеленых козырьках все сдавали и сдавали карты, бесшумно, бесстрастно, бесчувственно, змеиными движениями, чиркая фишками, метая кости, забирая деньги, складывая фишki в стопки, не выказывая ни радости, ни удовольствия, ни любви, ни озабоченности — глухо, молча, слепо. А их руки все двигались и двигались.

Руки принадлежали только себе. Сидя напротив этих ледяных людей, собранных из деталей конструктора, я наблюдал злобную похоть хватателей и заграбастывателей, вечно проигрывающих и обреченных.

Я пробыл в Дантовом аду Лас-Вегаса один час, потом забрался в свой автобус, увозя с собой свою душу, запертую между ребер, стараясь не дышать, а то, чего доброго, выдохну ее, а кто-нибудь ее подхватит, зажмет, сложит и обменяет на двухдолларовую фишку.

В итоге, если приподнять черепные крышки лас-вегасских картежников, вы обнаружите, как трутся и урчат часовые колесики, черные пружинки, рычажки. Постучите по ним — потечет смазка. Хлопните по ним — они загремят, как алюминиевые тамбурины. Пошлепайте их по щекам — и под их настороженными, одурманенными веками промельтешият вереница «лимонов» и «вишенок». Прострелите — из них брызнут гайки да болты.

Настоящие люди в Вегасе — грубые роботы, механические попрошайки.

А роботы Диснейленда, в свою очередь, — любящие, заботливые, всегда добрые люди.

Главное — сущность.

Какой заключительный довод я хочу привести для сравнения? А вот какой: мы живем в эпоху, когда миллиард роботов нас окружает, донимает, изменяет, а иногда и уничтожает. Металлопластиковые машины лишены морали все до единой. Но своим замыслом и функциями они призывают нас становиться лучше или хуже, чем мы бы все равно стали.

В такой век было бы безрассудно пренебрегать одним из тех немногих людей, кто прививает человеческие свойства роботам — роботам, которые будут

влиять на социально-политические институты спустя десяток тысяч дней.

Сейчас нашему интеллектуальному развитию угрожает снобизм. После того как я услышал многочисленные насмешки над Диснеем и его аудиоанистронным Авраамом Линкольном в павильоне штата Иллинойс на Всемирной выставке в Нью-Йорке, я сходил на диснеевскую фабрику роботов в Глендейле. Я наблюдал за окончательной отделкой второго компьютеризированного гуманоида, движимого электричеством и пневматикой, который «заживет своей жизнью» в Диснейленде этим летом. Я видел, как новое подобие мистера Линcolльна садится, встает, двигает руками, вращает запястьями, сгибает пальцы, закладывает руки за спину, поворачивает голову, смотрит на меня, моргает и готовится заговорить. В эти минуты меня переполнял такой благоговейный трепет, какой я редко испытывал в своей жизни.

Пожалуй, всего несколько веков тому назад все это сочли бы богохульством. Сотворение человека — не человеческое дело, а Богово, сказали бы вам. Дисней со всеми техниками повязали бы и сожгли на костре в году этак 1600-м.

И опять-таки, думалось мне, а ведь в чьем-то воображении все это возникло еще раньше: начиная с фантастических геометрических изображений роботов Брачелли в 1624 году и до механических людей в романе Чапека «R.U.R.» в 1925 году. Прочие придумывали и зарисовывали металлические ответвления человека и его органов чувств или разыгрывали их в театре.

Но факт остается фактом: Дисней первым создал робота, который убедительно реален, смотрит, говорит и ведет себя как человек. Дисней — основоположник истории гуманизированных роботов на пути

к более обширному, фантастическому поиску потребностей цивилизации человека.

Отправьте свое воображение в 2065 год. Всего лишь через сто лет отправьтесь с группой детей в аудиоаниматронный музей. Вы обнаружите там первородное море, из которого мы выплыли и выползли на сушу. В этом море миллионы и миллионы лет звероящеры сотрясали воздух душераздирающими криками. Животные-роботы съедают одних, чтобы потом быть съеденными другими, а тем временем робот-обезьяночеловек дожидается удобного момента, когда перестанет хлестать кошмарная кровь.

Далее вы видите, как пещерные люди-роботы добывают трением огонь, приволакивают волосатую гору мамонта, обрабатывают шкуры, рисуют скачущих подобно молнии лошадей, словно вспышки кинокадров, на стенах пещеры.

Викинги-роботы топчут прибрежные пески Винланда.

Компьютеризованный Цезарь выступает на Форуме, гибнет в Сенате, лежит мертвый и непревзойденный, а тем временем в десятитысячный раз над его телом ораторствует Антоний.

Наполеон при Ватерлоо тикает, как лавка часовщика.

Генералы Грант и Ли снова оживают при Аппоматтоксе.

Смазанный, гудящий и жужжащий король Джон (Иоанн Безземельный) подписывает Великую хартию вольностей.

Фантастика? Возможно. Нелепо? В какой-то степени. Бессмысленно? Вульгарно? Слегка. Не стоит выделки? Стоит — тысячу раз кряду.

Ибо одной из проблем человека является *вера* в свое прошлое.

Мы вынуждены принимать на веру недоказанные события недоказанных лет. При всей реальности развалин, скрижалей и табличек мы опасаемся, что большая часть прочитанного нами сфальсифицирована. Артефакты могут оказаться не чем иным, как сфабрикованными символами, искусственными скелетами, собранными вместе в воображаемых шкафах. Даже реальность только что прошедшего времени необратима.

Так через недоверие мы зачастую обрекаем себя на повторение того самого прошлого, из которого мы должны были извлечь уроки.

Но теперь благодаря аудиоаниматронике, роботомеханике или, если хотите, науке о машинах, которые склонили свои теплые тени навстречу человечеству, мы можем схватить и слить воедино лучшее из двух видов искусства.

Кино страдает от «невсамделишности», потому что оно не трехмерно. Преимущество кино — его способность добиваться совершенства. То есть гениальный режиссер может отснять, остановиться, переснять, смонтировать и перемонтировать свою мечту до тех пор, пока не получится то, что он хочет. Его фильм, заключенный в капсулу времени и извлеченный через пять веков, будет по-прежнему содержать его идеал точно в той же форме, какую он ему придал.

Театр страдает от противоположного недуга. Живая драма действительно более реальна: вот она, у вас перед глазами, во плоти. Но она несовершенна. Из тридцати с лишним спектаклей в месяц, может быть, лишь один раз все актеры вместе достигнут того эмоционального накала, которого они добиваются.

Аудиоматроника заимствует совершенство кинематографа и сочетает его с эффектом «присутствия» сценической драмы.

С какой целью?

Чтобы мы наконец могли поверить во все до единого миллионы дней, прожитых человеком на Земле.

Выходя из роботизированных музеев грядущего, студент будущего скажет:

— Я знаю, я верю в историю египтян, ибо сегодня я участвовал в закладке краеугольного камня Великой Пирамиды.

Или:

— Я верю в то, что Платон действительно существовал, ибо сегодня днем под лавровым деревом в живописной местности я часами слушал его беседы и споры с друзьями; основы, составные элементы-блоки великой Республики слетели с его уст.

Теперь-то наконец я вижу, как Гитлер пришел к власти. Я стоял на стадионе в Нюрнберге, я видел, как его кулаки месят воздух. Я слышал его вопли, а в ответ рев толпы и армейских колонн. На мгновение я прикоснулся к живой материи зла. Я познал жуткую и соблазнительную красоту таких материй. Я обонял факелы для сожжения книг. Я отвернулся и вышел на свежий воздух...

Дальше в этом музее находится Бельзен, еще дальше — Хиросима... Завтра я пойду туда.

И для студентов это будет история не в прошедшем, а в настоящем времени. Не Аристотель, который жил и умер, а Аристотель, который проживает в этот самый час по соседству.

Не траурный поезд Линкольна, навечно погрязший в черном крепе истории, а постоянно курсирующий из Спрингфилда в Вашингтон во имя спасения нации.

Не тот Колумб, который совершил плавание, а Колумб, который отправляется в плавание завтра утром; запишитесь в экипаж, взойдите на борт и отплывайте.

Не Кортес, который узрел побережье Мексики, а Кортес, который высадится на берег в три часа пополудни, согласно музейным часам. В этот самый миг Монтесума дожидается, когда заведут его механизм и отправят по месту назначения.

Возможно, благодаря такому свежему созерцанию и познанию рождается понимание, которое положит конец циклическому повторению нашего прошлого.

Может, я преувеличиваю? Не исключено. Ничего нельзя гарантировать. Мы бродим в эпоху машинного младенчества. Кто скажет, чего мы можем достичь вместе когда и мы, и машины повзрослеем?

Пугает ли меня все это? Разумеется. Конечно, эти аудиоаниматронные музеи должны попасть в руки тех, кто говорит правду и лжет лишь по ошибке. Иначе мы окажемся в компании барона Франкенштейна и AC/DC-Чингисхана.

Новое понимание истории начинается с ответственности в руках человека, которому я доверяю, — Уолта Диснея. В Диснейленде он снова доказал, что первая функция архитектуры — это радовать глаз, напоить свежим кислородом, изменить человека, вызвать у людей желание жить, вырастить их возвышенными, сделать их добре.

Диснейленд высвобождает в человеке самые лучшие свойства. Здесь грубое животное начало подвергается ненавязчивому усмирению; здесь не вправляют мозги и не подавляют, не третируют и не изматывают, не растаптывают операторы недвижимости, не душит смог и уличное движение.

То, что оправдывает себя в Диснейленде, должно сработать и в роботах, которых изобрел и отправил на землю Дисней и те, кто придет после него.

Мне нечего добавить к сказанному, кроме того, что я призываю вас отправиться в Диснейленд, как только

у вас найдется свободное время. Там вы соберете свои собственные доказательства. Там вы увидите счастливые лица людей.

Я имею в виду не безмозглое счастье, не счастье членов мужского клуба или кружка рукоделия, а истинное счастье.

Здесь нет битников. Нет равнодушных с бесстрастными личинами, притворяющихся, будто им все безразлично, и обворовывающих свою жизнь, крадущих у себя шанс пожить.

Диснейленд заставляет снова волноваться. Вы ощущаете, что настал первый день весны того неповторимого года, когда вы обнаружили, что действительно живете. Вы возвращаетесь в те утренние часы детства, когда вы просыпались и думали, лежа с закрытыми глазами: «Да ведь ребята будут здесь в любую секунду». Камушек звякнет об оконное стекло, комок земли стукнется о крышу конским копытом, вопль сотрясет ставни дома на дереве.

Затем ты полностью пробуждаешься, и камешек действительно ударился о крышу, крик сотряс небо, и твои тенниски подхватили тебя и унесли из дома в гущу жизни.

В этом суть Диснейленда. Я собираюсь туда прямо сейчас. Кто со мной наперегонки?

«Холидей»,
октябрь 1965

Что, почему и кому принадлежит Нетривиальные искания

Кому принадлежит месяц июнь?
Кто безраздельный владелец октября?
Кто не превзойден в искусстве писать портреты королевской фамилии в староиспанском стиле?
Кто правообладатель Женщины на все времена?
Кто сотворил молодую возмужалость на всеобщее обозрение?
Кто тот мастер, чья Мария является Праматерью Всех Матерей на холсте и в мраморе?
Кто в конечном счете чем владеет и почему?
Под владением я подразумеваю лучшее запечатление жизни на земле в словах или живописи, в скульптуре или симфонии. На протяжении веков одержимые безумцы захватывают все вотчины Искусства. Они возвышаются, каждый на своей делянке, каждый на своей крепостной башне, каждый в изумительном обрамлении на стенах перенасыщенных галерей либо в прохладных церковных гробницах, бросая нам вызов — превзойти их.
Кому, что и почему принадлежит?
Наше Искусство снова и снова задает вопросы, на которые призваны отвечать критики, историки и здурядные созерцатели вроде меня. Это большая игра в перебрасывание мяча.
Следуйте за мной.

Ван Гогу принадлежат все подсолнухи, когда-либо проросшие из семечка и перекачивавшие свои соки, чтобы поворачивать циферблаты вслед за полуднем.

Это означает, что он владетель солнца и отчасти лета, которое он вынужденно делит с некоторыми импрессионистами.

Веласкес и Гойя с ним или превыше его распоряжаются испанскими королевскими лицами; пытливый взгляд и челюсть карликового бульдога, улыбчивые стиснутые зубы терьера, руки-клешни и бритвенные кости, обтянутые до обморока бархатом и убранные в паутину кружев.

Кто лучше всех нанес на карту и начертил женское прикосновение и тепло своей палитрой, подобной жаркому времени года и благоухающему дыханию?

Боттичелли.

Я слышу вскрик: «Да, но...!»

Присмотримся к женщинам в различных ракурсах, открытых мужчинами в теплый сезон.

Женский затылок? Лучше всех запечатлел...?

Дега? В некотором роде.

Ренуар? Возможно.

Но вне сомнения — Мане, который одним своим дуновением заставлял колыхаться шелковистые волосы, убранные за уши, и тут же хватался за кисти.

Мане — ранимых девичьих затылков почитатель,

А Ренуар девичьих прелестей, что тронул

персики пушок,

самозабвенный обожатель.

Вообще-то, лоно иль спина — не так уж важно,

Я славлю Бога и за это, и за то.

Далее. Кто лучше всех восславил и начертил Праматерь всех Матерей?

Да Винчи. Ему принадлежит множество картонов и портретов «Мадонны в скалах».

Эти женщины и матери больше, чем портреты, и вызывают в нас почтительную и беззаветную любовь.

Изваяние Мадонны?

«Пьета» Микеланджело в соборе Святого Петра.

Кто нанес на бумагу кошмар?

Снова Гойя, который носился по ночным небесам, зарисовывая углем ведьмаков, и приземлялся с расстрельными командами умерщвлять невинных.

Или Босхов ад? Мы наведываемся туда снова и снова. Разве нет? И не без удовольствия.

А почему не «Искушение Святого Антония» в исполнении Калло?

Выбор труден.

В случае социо-культурно-политического ада дела обстоят проще.

Хогарт! Он хирургическим скальпелем и граверной иглой уязвляет напыщенность, мерзость и гадость лондонского быта, дабы залить доски кислотой и навсегда сковать свои гротески в их жуткой пантомиме.

Кто создал Вечного Юношу?

Микеланджело. Кто вырубил Давида из итальянских карьеров и поставил возвышаться на фоне небес?

Кто владеет доктором Джонсоном?

Босвелл.

Дон Кихотом?

Сервантес. Да, но...

Еще в большей степени — Гюстав Доре.

Достаточно вспомнить о мельницах Безумного Дона, как перед глазами возникают гравюры Доре и запоминаются.

Гаргантюа и Пантагрюэль?

Доре.

Басни Лафонтена?

Доре.

Пусть их сочинили другие авторы, но каждое из этих литературных произведений прибрал к рукам, переварил и возвратил нам сей незаурядный художник-иллюстратор.

Достаточно подумать о детских книжках, как нам навстречу выпрыгивают яркие герои Доре и мрачные ужасы. Никому другому за всю историю не удавалось так безраздельно воцариться в литературе благодаря проницательному, всевидящему оку и уверенной руке. Он — Старый Мореход и Ворон Эдгара По, Кот в сапогах и Даниил в львином рву, Потерянные, утопленные в грязи души ада и Гаргантюа, орошающий Париж в засушливый сезон.

Подобно шекспировскому Цезарю, Доре возвышается во Вселенной, широко расставив ноги.

Лондон целиком принадлежит ему. Каждая крыша, пристань, угольный ящик, потерянный ребенок в свете фонаря, призрак-попрошайка?

Да!

Кто устроил лучшие джунгли и населил их прекрасными дикарями и зверьем с именами? Кто увидел Марс столь отчетливо и отправил нас туда под сень двойных лун верхом на восьмилапых *тоатах*? Эдгар Райс Берроуз. Тарзан. Джон Картер.

Благодаря им я получил Марс во вторичную аренду.

Шекспир.

Гамлет играет на бескрайнем кладбище среди надгробий и похоронных процессий, которые начинаются с призраков и кончаются суицидом и убийствами. Сноп света из могилы!

Дайте отдохнуться.

Слава богу, никто из этих творцов преднамеренно не замышлял завладеть чем-либо! Породить нечто этакое, нетленное, что пребудет в веках.

Но человек одержимый или влюбленная женщина — это мужчина или женщина неистово преданные, одинокие, сосредоточенные. Они даже не догадываются, что превращаются в метафору, которая воплощает все лютики, или пальчики на ногах девушки, или длинную шею бога Солнца, чтобы выдержать сорок тысяч дней. Любовь упрощает и отбрасывает примеси. В конечном счете — Захват. Благодаря ковке, обжигу и очищению старые слитки переплавляются в свежие, порой бессмертные красоты. Наконец, художник, писатель, поэт-драматург владеет не только своим творением, но и всем, что оно представляет.

Перечислим женщин.

Кто в литературе знает женщин лучше всех?

Джейн Остин, чья худенькая тень, брошенная на Европу, могла бы отодвинуть на задний план Толстого с его Анной Карениной? А дух женственности в поэзии навсегда вплетен в хрупкую основу Эмили Дикинсон.

А вот — Вирджиния Вульф с романом и тетрадью, подобно Офелии, плывущей вниз по течению, потерянная, но ей суждено вернуться в библиотечные воды.

Теперь в темпе.

Кто создал Генриха VIII из цельного холста?

Гольбейн. Его Генрих потрясает и поражает воображение. Вот воистину Король, способный уложить на лопатки Франциска I в двух схватках из трех.

Где бы сейчас был Наполеон без Давида?

Где был бы бой быков без Гойи и его конюшеннего мальчика — Пикассо?

Кто одарил нас ветреной, песчаной и звездной погодой?

Сент-Экзюпери. Ему принадлежат небесные потоки бурь, которые он делит с птицами, чтобы обратить облако в вытяжной парашют и пуститься на воздушном змее навстречу романтическим приключениям.

Кому принадлежат все земли и почвы с костьми в пещерах и костями в мечтаниях?

Лорену Айзли.

Кто воссоздал ушедшие под землю 39 городов Трои, городище за городищем?

Шлиман.

Возможно, библиотеки мира построил Карнеги, но распоряжается в них Томас Вульф, который перемещается по ним бычьими набегами, карабкаясь на верхние полки, рыская по литературным фьордам, в ужасе от одной только мысли, что жизнь может обрваться и десяток тысяч книг останутся непрочитанными.

Кто изобрел первую Машину времени?

Герберт Уэллс.

На чьего «Человека-невидимку» ходят смотреть круглый год?

Излишне говорить?

Чья подводная лодка стала ныне нашим «Наутилусом»?

Жюль Верн и Немо близ Таинственного острова.

Не найдется никого, кто превзойдет его за всю историю человечества.

Марк Твен. И если его Том — весь такой чистюля, то Гек — полное его отрицание.

Но превыше всех Берроуз. Поэтому мы снова упомянем Тарзана. По пояс в слоновьем навозе, увенчанный кровью, но не терниями, он, подобно шимпанзе, поигрывает с нашими душами, как заблагорассудит-

ся, населяет тиграми наши ночи, и именно оскал его
клыков мелькает в улыбке каждого мальчишки.

Бернард Шоу поднимает занавес и возвещает:

— Вот моя Святая Жанна!

И пылающая Жанна откликается:

— Да!

Шекспир выводит из тени Ричарда III, который
выпячивает свой горб и кричит:

— Премного благодарен!

Лоуренс Аравийский, до поры до времени скро-
нившийся в аравийских песках, призван на киноплен-
ку Дэвидом Лином, и скачет, обгоняя ветер и щеголяя
своими одеяниями.

Октябрь высечен из могильных плит Эдгаром Ал-
ланом По. А я с остальными помогал плести венки.

Кто начальник над шоссеиными дорогами, садами,
театрами и городами Франции?

Конечно, Юлий Цезарь, марширующий на север
с чучелом крокодила у своей лодыжки, с плантатора-
ми, сеятелями, зодчими, каменщиками и актерами с
солнечно раскрашенными щеками.

Кто лучше всех заботился о вечности?

Египтяне. Правда же? Кто возводил пирамиды и
хоронил золотые формы, обещая вечную жизнь маль-
чикам-царям и привлекательным царицам?

Жизни не хватит на перечисление. Можно всю
жизнь приводить свои доводы. У каждого найдутся
свои любимцы. Назовите их имена!

Кому на закате принадлежит пустое шоссе, по ко-
торому семенит одинокая фигурка бродяги?

Я не ослышался? Чарли?

Кому принадлежит на рассвете пустынный берег,
если не считать странноватого туриста, вышагиваю-
щего пружинистой походкой в пляжной шляпе набе-
крень со щегольской трубкой?

Мсье Юло/Жак Тати на бессмертных «Каникулах». Чудаковатый персонаж оставляет отпечатки ног на песке возле лотка с карамельной тянучкой во время отлива, а прилив вызывает у нас грусть.

И так далее, и тому подобное. Благослови нас, Господь, в нашем искусстве на все времена!

1990

(Сборник «*Yestermorrow*», 1991)

Озадачьте меня, о, зодчие

Пусть тончайших блюд ароматы в пряном воздухе
будут носиться,
Давая понять аппетиту, что трапезой должно
делиться.
Но сначала скажите, как мне за все расплатиться.
Пусть душу новую я обрету там, где посмел
заблудиться.

*Сборник «Yestermorrow»,
1991*

Предложение

Высокий костлявый человек с твердым взглядом вышел из лифта на третьем этаже больницы. Подойдя к стойке ночной дежурной медсестры, он остановился с непоколебимым спокойствием и решимостью, дабы выяснить следующее:

— У кого из ваших пациентов самый огромный, немыслимый, несметнейший счет в банке?

Сей необычный вопрос заставил медсестру поднять глаза.

— Что, простите?

— Вы все прекрасно слышали, — сказал высокий сухопарый человек.

— Какой странный вопрос.

— Не такой уж странный, учитывая, что стоит на кону.

— Вы говорите, как адвокат.

— Прошу вас, — сказал высокий мужчина, — в эту самую минуту, на этом этаже... — он зажмурился, чтобы подсчитать, — находятся по меньшей мере четверо, трое мужчин и одна женщина, готовящихся к отплытию со своих коек в чистилище и за его пределы.

— Вы родственник?

— Как же я могу быть родственником, если не знаю имени вашего богатейшего пациента?

— Ах да... — Медсестра пребывала в нерешительности, прикрывая рукою список пациентов.

— Дайте сюда! — Не успела она пошевельнуться, как он выхватил список и ткнул в него бледным пальцем. — Этот? — спросил он. — Или этот? А может, он?

Заметив, как она моргнула, он процарапал ногтем борозду под именем в самом низу. — Ага!

— Нет, нет!

— Почему вы тогда уставились на это имя? Прочитать вслух? Джонатан Блейк, семьдесят шесть лет, палата номер шестьдесят пять. Запущенный гепатит. Доходы?

Костлявый человек принялся сыпать цифрами:

— Десять миллионов? Семьдесят? Полмиллиарда?
И снова она потупила взор.

— О боже, — выпалил сухощавый. — Неужели столько? Как пройти в палату №605? Премного благодарен.

— Вам нельзя туда заходить!

— Я уже там!

И этот целеустремленный скелет во плоти ворвался в палату, в которой царила тишина — предвестница вечного покоя.

— Проснитесь! — воскликнул он.

Потрясенный бледный страдалец — жертва инфекции, которая вскоре прекратит его существование — широко распахнул глаза.

— Садитесь! — последовала вторая команда.

Больной — кожа да кости — задрожал. На этом сюрпризы не окончились.

— Слушайте! — раздалось третье восклицание.

— Доктор? — прошептал умирающий.

— Возможно, а может, нет, — ответил сухощавый посетитель, словно из незримого мегафона. — Ответь-

те мне: оцениваете ли вы свою жизнь в десять миллионов, сорок миллионов, девяносто миллионов? Во сколько?

Тот же потупленный взгляд, что и у медсестры, указал на правильность суммы.

Худощавый посетитель фыркнул:

— Ладно. — Он взглянул на табличку у постели больного. — Вам суждено умереть. Так?

— Никто мне этого не говорил! — заволновался пожилой человек.

— Чего еще ожидать от слава-лживых докторишек. Еще до рассвета вас упакуют в мешок и отправят по адресу «Вечность Плюс». Вас это устраивает?

— Нет, — глотнул воздуха старик, — не устраивает!

— Я изменю это. — Мрачный посетитель бросил табличку на кровать. — Я пришел к вам с предложением. Поскольку завтра вас не станет, вам бы не хотелось прожить лишних семь-десять дней?

Потрясенный этой незначительной, но тем не менее хорошей новостью, исхудалый пациент смог лишь кивнуть и пробормотать свое согласие.

— Хорошо! — Незнакомец протянул руку, чтобы взять старика за дрожащую кисть и измерить пульс. — Медленный, медленнее, совсем замедлился. — Ладно! — Он выпустил кисть. — Я пришел одарить вас дополнительно семью, может, десятью днями жизни. Не очень много, но, учитывая, что вас готовятся ночью просунуть во врата смерти, десяток дней — райское солнышко, материнское молоко. Подробности интересуют?

Пораженный старик с горящими глазами закивал в знак согласия.

— Предложение следующее. Подпишите отказ от своих банковских счетов, в том числе швейцарских, на полмиллиарда или около того. От всех, от всех без

остатка! Вам не придется погрязать в залитую дождем могилу; вместо этого вы будете наслаждаться. Черт, да что там, наслаждаться — восхищаться двумястами сорока часами свежего воздуха и солнечного света. Будете дышать, вкушать драгоценную еду, что тает во рту. Получается, что-то около пятидесяти тысяч долларов за минуту. Я не силен в расчетах. Огромная сумма за одну секунду, но каждая стоит вдвое-втрое дороже этого. Да?

Глаза старика мерцали под веками, посылая неопределенные сигналы.

— В конечном счете: желаете ли вы выложить все, что вы нажили за свою жизнь, в обмен на десять тысяч дополнительных сердцебиений, избавления от спертого воздуха и выхода на свежий воздух, завтрака по утрам, перекуса в сумерках? Из тех ли вы трусов (думаю, да), что побаиваются лопат могильщиков, роящих землю? Вы отадите мне ваше богатство, дабы обрести несколько свежих детских часов? Мммм?

Старик, запутавшийся в бесцветных простилях своей постели, посмотрел на посетителя, затем на потолок и дальше.

— Итак, — вопросил тощий, — ваш ответ?

— Нет, — выдохнул старый человек.

— Что?

— Нет! — слетел ответ вместе с запахом изо рта умирающего. И еще раз прозвучал всплеск воли. — Нет!

Худой отпрянул, как вихрь, пронесшийся над постелью.

— Так вы *отказываетесь*?

Больной закрыл глаза, чтобы прочитать свой некролог на веках.

— Я отказываюсь, — промолвил он.

— Не верю своим ушам!

- Так услышьте, — сказал старик.
- Никто еще не отказывался!
- Тем хуже для них.
- Вы отдаете отчет своим словам?
- Отдаю. Вполне.
- Это равносильно полному исчезновению спустя несколько часов!
- Зато с чувством собственного достоинства.
- В смерти нет достоинства.
- Мертвому, мне это будет неведомо, — прошептал старик.
- Разве вы не чувствуете холод могилы, кишащей червями?
- Я чувствую, ощущаю, сознаю, — сказал старик из-за бледной маски. — Но я не стану покупать время, — прошептал он. — Я возьму только то, что мне дано, и дано бесплатно.
- Ну что ж! — гаркнул худой незнакомец и отшатнулся от кровати.
- Что ж, — прошептал старик.
- Вы знаете, что вы только что совершили? — поинтересовался посетитель.
- Я знаю, что через несколько часов ночь падет и не рассеется, — пробормотал старик.
- Вы представляете, что вы совершили? — повторил посетитель.
- Ну, скажите, раз уж вы так настаиваете.
- Вместо дополнительных семи или десяти дней вы получите две тысячи, четыре тысячи, шесть тысяч дней!
- Что? — вытаращил глаза старик.
- Отказавшись платить, вы выиграли новую жизнь.
- Не может быть!
- Так и есть!

— Каким образом, зачем, почему? Ради бога, кто вы? Покоя! Дайте мне умереть в покое!

— Нет, я не могу, я не должен!

Старик приковал к нему свой изумленный взгляд.

— Я думал, вы — Смерть.

— Почти.

— Так, значит, вы — Жизнь?

— Возможно.

— Так которая из двух?

— И то, и другое.

— Должно быть, одно из двух. Невозможно, чтобы и то, и другое!

— Почему бы и нет? Вот вы же есть и то, и другое.

— Что я?

— Жизнь и Смерть. Смерть и Жизнь. Под вашей кожей солнечный свет. За вашими глазами — кладбище. Ночь.

— Никогда не задумывался.

— Не думайте — будьте.

— Я есть.

— Да. Вы есть. Сейчас.

— Зачем вы это делаете?

— Подобное мужество должно вознаграждаться.

Вот! — Он сжал руки старика, которые немедленно заиграли, задергались, чтобы вырваться из колких пальцев худого. — Я сочетаюсь с вами. Мы сливаются воедино. Из двух становимся одним целым. Я искал вас неделями, месяцами. Держите! Это и есть мое предложение!

Старик вскричал. Его лицо вспыхнуло, подобно солнцу.

Спустя мгновения ночной дежурная медсестра взглянула на молодого человека, не старше девятнадцати, со свежим розовым продолговатым овалом лица. Он, облокотившись об ее стол, кричал:

— Помните высокого худющего незнакомца?
— Да... — сказала медсестра.
— Знаете старика, умиравшего там?
— ...да.
— Так они исчезли! — закричал молодой человек с горящими глазами и щеками. — Оба! Канун Нового года! Пойдите, взгляните!

Молодой человек побежал по коридору, зажав ладонями рот, чтобы подавить хохот.

Спустя мгновение медсестра подошла к двери палаты, где лежал старик, и заглянула внутрь.

— Испарились, — только и смогла сказать она.

Журнал «*Fantasy & Science Fiction*»,
март 1997

Ахмед и машины забвения

Притча

С любовью и благодарностью Крису Лейну — создателю чарующих эскизов к мультфильму «Маленький Немо в Стране Сновидений», снятому на студии «Токио муви Шинша», который вызвал к жизни эту книгу.

Ночью, что пришла на смену тому дню, когда над пустыней заметили морскую чайку, Ахмедов сын Ахмед упал с верблюда и потерялся, а караван продолжал брести навстречу сумеркам.

Чайка пролетела в полдень, неизвестно откуда в никуда, возвращаясь в незримые земли, богатые, по слухам, травами и водой и не ведавшие ни о чем, кроме воды и трав, вот уже девять тысяч лет.

Глядя вверх, Ахмед спросил:

— Что ищет чайка? Здесь нет ни воды, ни травы.
Куда же она летит?

Его отец ответил:

— Она заблудилась, но теперь нашла дорогу и возвращается туда, откуда прилетела, — к морю.

Чайка, крича, сделала прощальный круг.

— О, — прошептал Ахмед, — а нам суждено когда-нибудь оторваться от земли?

— Когда-нибудь, неведомо в каком году, — сказал отец. — Терпение. Научись ходить прежде, чем сядешь в седло, и поезди верхом прежде, чем научишься летать. Разве у твоего верблюда за ночь вырастут крылья?

И той ночью Ахмед до головокружения глазел на небо и считал звезды. Затем, захмелев от их свечения, он стал раскачиваться из стороны в сторону,

упиваясь ночным ветром. Ошалелый, в восторге от увиденного в небесах, он потерял равновесие, упал и увяз в остывающих песках. Так, не замеченный ни отцом, ни караваном мерно вышагивающих верблюдов, он остался умирать на барханах в полуночные часы.

Когда Ахмед всплыл на поверхность дюн, отпечатки копыт, оставленные величественными дромадерами, струились на ветру, пока их полностью не заровнял шелестящий песок.

— Я умираю, — подумал Ахмед. — За что же я наказан? Мне всего лишь двенадцать. Я не припомню, чтобы за мной водились такие уж страшные прегрешения. Неужто в прошлой жизни я был злодеем, демоном незримым, разоблаченным ныне?

И тут его ступня шаркнула обо что-то, сокрытое под зыбучими песками.

Он заколебался, затем упал на колени, чтобы вонзить руки в песок, как бы пытаясь нашарить упрятанное серебро или скончанное золото.

Смахнув песок, подхваченный ночным ветром, он узрел нечто большее, чем сокровище.

На Ахмеда снизу вверх таращился диковинный лик, бронзовый барельеф безымянного человека или погребенный миф, огромный, величавый и невозмутимый, корчивший гримасы у его ног.

— О, древнее божество, как бы тебя ни величали, — прошептал Ахмед. — Помоги заблудшему сыну доброго отца, негодному мальчишке, который не делал ничего дурного, разве что спал на уроках, медлительно исполнял свои обязанности, не молился от чистого сердца, не слушался маму и не слишком почитал свою родню. Я знаю, за все за это я должен поплатиться. Но неужели кара должна меня настигнуть здесь, среди безмолвия, в сердце пустыни, где даже ветру неведо-

мо мое имя? Неужто я должен умереть таким юным и мне суждено быть преданным забвению, не успев *пожить*?

Чеканное бронзовое лицо древнего бога вперило в него взгляд, а песок шуршал по его безмолвным устам.

Ахмед вопросил:

— Какие молитвы я должен прочитать, какие жертвы принести, чтобы ты, древнейший из древнейших, обрел зрение, чтобы видеть, слух, чтобы слышать, и речь, чтобы вещать?

Древнее божество промолвило лишь «ночь», «время», «ветер» на неведомом Ахмеду языке.

И он разрыдался.

Равно как нет одинаково смеющихся мужчин и каждой женщине присуща неповторимая походка, так и все мальчики плачут по-разному. Этот язык понятен древним божествам. Ибо слезы, что капают из глаз, орошают землю, льются из души.

И слезы Ахмеда пролились на бронзовое лицо древнего духа, омывая его смеженные веки, и они задрожали.

Ахмед ничего не заметил, и его слезы продолжали моросить, орошая едва заметные уши погрязшего в песках бога, и они промылись, услышали ночь, ветер и плач, и уши... *зашевелились!*

Но Ахмед ничего не заметил и последними слезинками увлажнил уста бога, умастив его бронзовый язык.

И вот наконец полностью отмытое лицо встрепенулось и разразилось рявкающим хохотом, да так, что ошеломленный Ахмед откинулся на спину и вскричал:

— Что!

— В самом деле, *что?* — вопросы разверстые губы божества.

— Кто ты?

— Собеседник в пустынной ночи, друг в молчании, сотоварищ в сумерках, преемник рассвета, — ответствовали холодные губы.

Но при виде столь юного и перепуганного Ахмеда его глаза потеплели.

— Твое имя, мальчик?

— Ахмед-караванщик.

— А я? Поведать ли тебе мою жизнь? — спросил бронзовый лик, выглядывая из залитых лунным светом песков.

— О да, прошу!

— Я — Гонн-Бен-Аллах. Гонн Великолепный. Я ведаю Призраками утерянных имен!

— Разве имена могут стать призраками и быть утерянными? — Ахмед протер глаза, придвигаясь поближе. — Великий Гонн, давно ли ты здесь погребен?

— Внемли! — прошептали бронзовые губы. — Я присутствую на своих похоронах вот уж десять тысяч твоих жизней.

— Так далеко я отсчитать не в силах.

— И не нужно, — сказал Гонн-Бен-Аллах. — Ибо я обрел себя. Твои слезы вернули зрение моим глазам, распечатали мои уши и уста, которые заговорили задолго до Схватки за Рим, до гибели Цезаря, до пещер и львов, до добычи огня. Терпение! Сделай одолжение, спаси то, что еще погружено в песок, и себя все-го, без остатка!

— Спасу!

— Тогда довольно слез! Довольно стенаний! Разметай песок барханов своими одеждами с покровов моих рук и ног. Яви звездам Гонна Великого. Извлеки мои погребенные кости и обволоки своим дыханием, чтобы еще до рассвета Великий Гонн возродился от твоих вздохов, возгласов и молитв! *Приступай же!*

И Ахмед поднялся и вздохнул, помолился и во-зопил от восторга, орудуя своими одеждами, словно помелом, и оживил внушительных размеров новооб-ретенного друга, и звезды, завидев его, заплясали на своих шарнирах и задрожали на своих полыхающих спиралах.

И то, чего не развеяло дыхание Ахмеда, размета-ли его босые ступни, и вот высвободился солидный бронзовый торс. Затем змеистые руки, грубые кула-чищи, ноги, неимоверные ступни, и вот обнаженный бог, лишенный покрова древних барханов, возлежал под горящими взорами Альдебарана, Ориона и Аль-фа Центавры. Звездный свет завершил явление, хоть Ахмед и выдохся, словно иссякший источник.

— Я ожил! — возопил Гонн-Бен-Аллах.

И лежал, шириной — в три мужских туловища и ростом — с дюжину, с монументальным торсом, ру-ками-обелисками, ногами кенотафами; с лицом — на-половину Сфинкса благородного, наполовину бога Солнца Ра; с арабской сметкой в огненных очах и громоподобным голосом Аллаха в пещере его горла.

— Я, — произнес Гонн-Бен-Аллах, — ожил!

— О, ты, должно быть, слыл великим божеством, — сказал Ахмед.

— Я мерил землю гигантскими шагами, бросая тень на континенты. А теперь помоги мне подняться! Озвучь мои письмена-иероглифы — отпечатки пти-чих коготков, что от солнцеворота и до солнцеворота царапали мою глину тайнописью молитв. Читай же и глаголь!

И Ахмед обратился к пескам:

— Итак, Гонн древний, омолодись. Восстань. Согрейтесь, члены, стань теплой, кровь, горячим — сердце, огненной — душа и пламенным — дыхание! Встань, Гонн, поднимись! Прочь, тленье!

Великий Гонн встряхнулся, сел и с громогласным криком, враскачу, возвысился, упервшись в небеса, над головой Ахмеда. Его члены вонзились глубоко в зыбучие пески, как сваи зодчих. Обретя свободу, он хохотнул, ибо испытывал благодать, которую ни передать словами, ни осмыслить.

— Отрок, ты неспроста загляделся на звезды и упал, оставив впадину в песке и разбудив меня. Я целую вечность дожидался тебя, стража небес, наследника мечты, летающего, не отрываясь от земли.

И Гонн-Бен-Аллах простер свои руки, чтобы коснуться горизонта.

— Мечта навечно сохранилась. Твердили люди: О, облака! О, звезды! О, ветер, что гоняет тучи, но не звезды! О, бури, что рыщут над Землей и от которых захватывает дух! О, молнии, ах, как бы нам хотелось их позаимствовать и оседлать тайфуны! Как зависть нас гладала по ночам в бессильной злобе оттого, что нам не дано летать!

— Мой мальчик, ты отныне — Повелитель бурь.

И Гонн прикоснулся ко лбу Ахмеда.

— Пусть меня ведут твои мечты, которые теперь нужно вспомнить.

— Как я могу вспомнить то, чего нет? — Ахмед до-тронулся до своих глаз, губ, ушей.

— Ступай, прибавив шагу, набери разбег. Затем с подскоком оторвись, лети...

И на глазах у них восстала черная завеса на севере, откуда веяло холодом, на западе, что заглатывает солнце, и на восходе, который наступает за кончиной солнца, когда затемняется небо. В тучах бушевали вихри, под самым небосводом неистовствовали молнии и громы, замогильные стенания неумолчно срывались камнем с края света. Тьма великая замаячила над головами Ахмеда и Гонна-Бен-Аллаха.

- Что это? — вскричал Ахмед.
- Это, — ответил Гонн, — есть Враг.
- Разве такое существует?
- Все сущее наполовину — Враг самому себе, — сказал Гонн, — а вторая половина — Спаситель, что воскрешает память о лучезарных днях.
- А как зовут того Врага?
- Дитя мое, имя тому Врагу — Время и еще раз Время.
- Но, всемогущий Гонн, неужто Время обладает формой и имеет обличье? Я и не знал, что Время можно лицезреть.
- Да, как только что-то происходит, Время обретает заметные оттенки, очертанья. Так что на краю света есть Время Грядущее, воспоминание о том, что будет вычеркнуто, стерто, если не вцепишься в него. Если ты придашь ему форму своей душою, озвучишь своим голосом, тогда Время будет сотоварищем свету и перестает враждовать с мечтами.
- Оно так необъятно, — сказал Ахмед. — Я боюсь!
- Да, — сказал Гонн. — Ибо мы сражаемся с Временем собственной персоной. Со Временем, как с натиском ветра. Со Временем, как с морем, что наступает, дабы поглотить, сокрыть, размыть, разъесть и изменить. Мы боремся за право родиться или не родиться. Тот, Нерожденный, всегда поблизости. Если мы сможем согреть его своими душами, вызвать к жизни, то развеем его тьму. Вот для чего ты нужен мне, мой мальчик, ибо сила в твоей молодости, чистоте и невинности.
- Когда я проиграю, ты должен победить.
- Когда я споткнусь, ты должен нестись во весь опор.
- Когда я усну, ты должен следить за звездами, чтобы изучить их движение. На рассвете звезды сой-

дут со своих Небесных троп и Царских дорог, расплываясь на фоне неба. Прежде чем их сотрет восход солнца, ты должен запечатлеть их в своей памяти, чтобы указывать путь!

— Способен ли я на *такое*?

— И завоевать мир, и изменить людские судьбы в облаках и в полетах? Да! Если ты взмоешь высоко в небеса, тебе не избежать Времени, но ты сможешь идти с ним в ногу и, задавая ритм, станешь его хранителем.

— Но... я еще не летал!

— Был день, когда ты еще не жил. Ты предпочел бы вечно прятаться в утробе матери?

— Ах, нет!

— Раз так, пока нас Время не похоронило, выслушай меня...

Гонн простер руки к небу:

— Я есть бог небес, всех вихрей и ветров, что веют над землею с начала Времени. Я бог мечтаний человека, который ночью грезил о полетах, но лишился крыльев. Итак! Я призываю парусник-корабль-призрак плыть по течению Времени, чтобы ласкать твой взор и душу веселить! Теперь смотри, и слушай, и воистину *прозрай!*

В этот миг Гонн взмыл вверх, и из его ноздрей вырвался облачный шлейф, рассекающий небо.

— Да взлетят все машины с ветрилами, пусть бури Времени извергнутся и духов призовут. Внемлите, северные ветры, рыщущие над землею. Все ураганы — порожденье юга, бушуйте, чтобы по всей планете разгорелось лето. Услышьте меня, ветры на западе и на востоке, кишащие скелетиками хлипких машин неимоверных! Внемлите мне!

Затем Гонн Величественный повторил движения арфиста.

— Ахмед, который знает будущее, но не догадывается об этом! Беги вприпрыжку и взлетай!

И Ахмед побежал, подпрыгивая, и полетел. И...

— Я лечу! — ахнул Ахмед.

— Истинно так! — Гонн, поигрывая пальцами, натягивал струны своей марионетки. — Но если мы отправимся на север, то не увидим то, что простирается на юге. Отправимся на запад, упустим таинства востока. И только если полетим во все четыре стороны, найдем мы то, что ищем. Крылья, мальчик. Крылья!

Ахмед тревожился и волновался, не находя себе места:

— Но если мы полетим во все четыре стороны, куда ж мы прилетим? Неужто нету карты?

— Только та, что у тебя в крови.

— Но, — воскликнул Ахмед, — о, Бог Сумбура, куда мы направляемся?

— В Позавчезавтра!

— Позавчезавтра?

— То, что некогда было, и то, что будет! Запертые в твоем сердце воспоминания о потерянном времени. Призраки, замурованные в прошлом, которым суждено пробудиться в будущем.

— В каком году? — воскликнул Ахмед, летя вверх тормашками.

— В каком угодно. Не существует никаких годов. Люди придумали годы, чтобы вести отсчет. Не спрашивай, в каком году.

— Тогда в какой день и час? — Ахмед почувствовал, как слова слетают с его уст.

— Часовой механизм делает вид, будто он — Время. Есть только солнца восход и закат. Нет месяцев, часов, недель. Мы движемся в пространстве, только и всего.

— Навстречу тому, что некогда *было*? Навстречу тому, что однажды *будет*?

— Вот умница. Это, в сущности, и есть Время. Прошлое мы пытаемся вспомнить или будущее, невозможное и невиданное!

— Значит, мы движемся в обоих направлениях?

— Именно! Так мы и движемся. Смотри же!

Ахмед взглянул вниз и увидел:

Бескрайнее море песка простиравшееся гребень за гребнем, катилось волнами, разливалось белизной. Камни и галечник выссыпались миллион лет назад из морских закромов до того, как море отступило, оставив после себя необъятную пустыню и людей, разбивающих шатры, погоняющих верблюдов, возводящих городские стены. Но сейчас царила неподвижность. Великое покрывало безмолвных дюн и песчаные нахосы тут и там словно скрывали туловища и члены погребенных богов. То тут, то там еле виднелось скрытое под маской лица древнего почитателя круговорота звезд. Веял ветер, незримые годы просачивались, как тончайшая пелена песчаной бури. Здесь нос проключится. Вот челюсть скоро задрожит. Уста заговорят, хоть и забиты пылью. А под очередным барханом лоб крутой, заблудившийся в собственном прошлом, обезумев от молчания.

— О, — изумился Ахмед, беспорядочно размахивая руками и барахтаясь в воздухе. — Что там погребено? Город, давно вымерший или еще не родившийся, ожидающийся появления на свет?

— И то, и другое!

— Как такое возможно? — Ахмед провалился в воздушную яму, потом всплыл, воскликнув: — Каким образом?

— Один — потерянная память. Другой — воспоминание о будущем. Это называется «мечтой». Вос-

поминание восстанавливает прошлое. Воображение строит будущее. Один град умеется в другом. Жизнь кроется в смерти. Наше будущее восстает из могилы. Два города. Один призрачен, ибо он исчез. Другой призрачен, ибо он покоится в животворной могиле промеж ушей того, кто спит. Прошлое существует, потому что некогда оно было настоящим. Будущее существует, ибо нам *нужно*, чтобы оно стало настоящим. Взгляни на эту расплывчатую картину. Скажи мне, что утрачено, а что еще не найдено? Что осталось позади, а что — в далеком будущем? Разве они не близнецы? Разве будущее не есть зеркальное отражение прошлого, которое мучительно хочет родиться? Молчи. Свидетельствуй. Потом скажи!

Ахмед парил и наблюдал, присматривался и моргал, пристально разглядывал пустыню, залитую восходом солнца тыщу лет тому назад или — закатом в год, для которого еще не напечатан календарь. И молвил:

— Я ощущаю... множество мужчин и женщин, пропавших под песками, приходящих и уходящих со своими сыновьями и дочерьми. Я ощущаю гигантские камни. Значит, это кладбище из катакомб, гробниц среди высохшего моря? Катакомбы, гробницы, мумии, смерть! — закричал Ахмед, обложенный льдом, утопающий в студеных ветрах. — Смерть!

— Нет! — возопил Гонн, протягивая руки, чтобы подхватить мальчика. — Подвалы. Библиотечные хранилища, которым суждено заполниться идеями, фантазиями, невозможным будущим, претворенным в жизнь!

— Смерть! — кричал Ахмед. Затем, глядя на убегающие вдаль пески, где брели недосягаемые животные, все удаляясь от него. — Отец!

— Не зовите отцов, — сказал Гонн. — А взвывайте к себе, если хотите спастись.

— Смерть! — И Ахмед со скорбным возгласом упал.

Сморщеный, обмякший, сдутый, как большой продырявленный аэростат, он стремительно упал, а с ним, стеная, и Гонн низвергся в дюны. Там, где он упал, словно мощный метеор, только кратер курящейся пыли указывал на место его крушения, но Ахмед не погряз в дюнах, а растянулся, ошеломленный, и поднялся на ноги под пустым небом перед вереницей залитых лунным светом пустынных дюн.

— Гонн! — позвал он.

Ни звука.

— Гонн! — пролепетал он.

Молчание.

Песчинки с шелестом засосало в воронку у его щеки.

— Видишь, — раздался глухой шепот. — Что? — произнес потерянный голос. — Ты... — Песок провалился под собственным весом. — ...натворил? — Угадая: — Я умираю. Ты... меня... сгубил...

— Нет! — Ахмед схватился за воронку в песке. — Вернишь, Гонн. Ты мне нужен!

— Нет... — донесся голос из-под толщи песка, — не я...

Ахмед принялся отчаянно копать и шарить, но откапывал лишь песок и воздух.

— Гонн, где ты? Вставай!

— Твой отец тянет меня на дно.

— Он не может. Он не должен!

— Он — твое прошлое. Ты должен стать своим будущим. Отпусти его. Оторви его от моих рук-ног, моего сердца, от моей головы!

— Но как? Как??!! — Ахмед зарылся глубже. Ничего. Опять ничего.

— Отведи взгляд. Не смотри с тоской на горизонты, на которых звери, вросшие в землю. Пляши на моей могиле.

— Что?

— Пляши. Довольно слез, не то я утону и буду отдан на заклание. Я почти погиб. Пляши.

Вытерев глаза и не глядя на горизонт, за которым обитал его отец, обреченный на забвение, Ахмед заплясал.

Под холодной дюной поздней ночью он ощутил содрогание, мощное возмущение, словно забилось сердце бога.

И он продолжил пляску.

— Пой... — повелел громоподобный шепот.

И Ахмед не только заплясал, разметая песок во все стороны, но и запел, как с самого высоченного минарета в великой земле, и большое сердце, упрятанное в недрах, увеличилось и забилось, оживая.

И если на миг Ахмед поднимал глаза, чтобы обшарить местность, готовясь вскрикнуть, то исполинское сердце слабело и песок смерзался, поэтому он не сводил глаз со своих мелькающих ступней, которые будоражили невидимое сердце, а он тем временем неистово горланил слова любви, дабы вытащить Гонна из могилы, оживить, растормошить, продлить ему жизнь.

— Да! — раздался могучий шепот, погребенный голос. — О да, отпрыск моего сердца, моей жизни, тот, кто отплясывает, чтоб разбудить огонь, чтобы не знать преград ни на земле, ни в небе. Пляши, распевай, выкаблучивай!

И с этим последним всплеском пески взорвались, словно гора, буря, праздничная петарда. Гонн возродился, воспарил и прихватил с собой Ахмеда.

В облаках они расхохотались, и Ахмед расплакался слезами облегчения и восторга. Гонн стал осыпать его вопросами:

- Караван существует?
- Нет, — сказал Ахмед.
- Ты видишь его где-нибудь?
- Нет, — ответил Ахмед.
- А длинная вереница людей?
- Исчезла, — ответил Ахмед.
- А с ними и чей-то отец?
- И чей-то отец вместе с ними.

— Следовательно, настоящее не способно ослепить тебя, заслонив собою будущее? Хорошо, — промолвил огромный рот на громадном лице большущей головы на колоссальном тулово. — Зри глубже! Стань истинным могильщиком. Пусть твоя душа повелевает сердцу. Пусть твое сердце говорит твоим языком. Выыхай. Торжествуй. Кричи!

Ахмед набрал полные легкие прозрачного, как ключевая вода, воздуха.

— Выдох! — произнес огромный рот, чуть не заглотив его.

Ахмед бурно исторг из себя диковинный воздух.

И пересохшее море, океанский прилив дюн, набегающих друг на друга, от берега до берега содрогнулся.

— Еще!

Ахмед выдохнул.

И песчинки роями взвились вверх, как саранча.

И открылось то, что лежало под ними.

— Великий Гонн, — ошелел Ахмед, приходя в воссторг. — Это моя работа?

— Все это — плоды трудов Ахмеда.

А внизу простирались не городища, камень к камню, а мраморные скалы, из которых в один прекрасный день их возведут, а на вершинах скал была кровь,

кости и твари с перепончатыми крыльями-серпами, косившими ветер; гады с отвратительными, омерзительными ухмылками.

— Как страшно! — Ахмед вздрогнул и всплеснул руками, прикрывая лицо. — Кто их создал?

— Единый Бог, его ночной кошмар их вызвал к жизни.

— Как их звать?

— Не надо звать, а то еще *придут*. Они оставались безымянными на протяжении миллиона звериных поколений, пока они не обрели имен на стенах музеиных. Но эти костлявые воздушные змеи захлопнулись, как веера, задолго до того, как ты пробудился в утробе матери. Улыбки, как отпечатки крыльев, вбиты в камень у подножия утесов. Ни человекаобразные, ни человек не видели их полета. Остались лишь оскалы их иероглифических ухмылок. Но поспешим!

И Гонн с Ахмедом взмыли вверх в гуще ночного извержения летучих мышей, что ринулись из нор пожирать роями саранчу, и комаров, и мошек.

И вот небо опустело, выросли деревья, и белки с перепончатыми крыльями замельтешили на фоне лунного диска.

— Полет, — прошептал Гонн. — И еще раз полет. Когда наконец возник человек, зависть к парению в высиях доводила людей до исступления. Полет.

— Полет, — повторил Ахмед.

А затем могучий друг Ахмеда выдохнул, как это сделал мальчик, и песок отхлынул на берег, необъятный, как вечное небо. И вскрылись улицы, города и люди, застывшие, подобно изваяниям, когда исчезло высохшее море. И все смотрели на утесы, вокруг которых некогда кружила злобно нечисть. А нынче, когда из темени возникло солнце, отец и сын, облаченные в

золотые перья, скрепленные блестящим воском, стояли на цыпочках у края скалы.

— Выше, — закричал Ахмед. — Я должен *видеть!*

И Гонн-Бен-Аллах взмыл выше, чтобы видеть отца и сына, которые подпрыгивают, взмахивая золотистыми крыльями, и отрываются от скал, как сын взлетает все выше и выше, а встревоженный старик кричит, призывая сына спуститься. Но полуденное солнце опалило его крылья, и воск полился золотыми слезами с его запястий, локтей и рук. И он камнем рухнул с небес.

— Поймай его! — воскликнул Ахмед.

— Не могу.

— Ты же бог, способный на все, что угодно.

— А он смертный, который должен перепробовать абсолютно *все*.

И летун с золотистыми крыльями низвергся в море и утонул, оставив после себя яркие круги на молчаливых водах, когда почило солнце и луна вернулась.

— Как ужасно, — вырвалось у Ахмеда.

— О, как дерзновенно, — сказал Гонн.

Они сделали круг, глядя, как отец скорбно парит над притихшим прибоем.

— Неужели это случилось на самом деле? — спросил Ахмед. — Должно быть, так.

— Значит, так оно и есть.

— Даже если его крылья размякли и он упал?

— Именно. Попытка — не провал. Ведь *хуже смерти* — не пытаться вовсе.

— Но что это значит?

— А это значит, — сказал Гонн-Бен-Аллах, — что ты должен разбрасывать перья по ветру и угадывать, куда они разлетятся по компасу твоего сердца. Это значит, что ты должен прыгать с утесов и мастерить себе крылья, пока падаешь наземь!

- И падать? И никогда не испытывать страха?
- Испытывать страх, да, но подавлять страх сместью.
- Это очень круто для мальчишки.
- Расти крутым, пусть от крутизны трескается твоя кожа, чтобы из-под нее... смотри!.. бабочка! За ней!

И, оседлав ветер, они понеслись над землей и увидели:

Воздушный корабль из ворса репейника, волокон молочая и пыльцы, такой легковесный, что мог затрепетать от дуновения ребенка. Его мачты и реи из огромных тростинок гнулись под весом призрачных одуванчиков. Паруса из паутины и болотной мглы, а капитан — невесомая мумия из табака и палого листа, который шуршал, когда паруса над ним полоскались на штормовом ветру. Корабль — с полмили, а грузу — пригоршня. Чихни! Что Ахмед и сделал! И тот обратился в пыль.

Они опять пустились в путь, подгоняемые ветром, и что же они обнаружили:

Воздушный шар, спелый, как персик, высотой с дюжину акробатов, заполненный горячим дыханием из корзины с огнем, висящей под разинутым устьем, вдыхающим пламя, поднимался со своими пассажирами — петухом и собакой, лающей на луну, и двумя мужчинами, машущими морю зевак.

И женщина в диковинных одеждах и чепце смеется в облаках в тот миг, когда шар всыхивает и падает, обгоняя ее крики.

- Нет! — возопил Ахмед.
- Взгляд не отводи! Люди падают, чтобы снова воспрять! — прошептал Великий Бог Времени и Бурь. — Открой глаза!

Ахмед моргнул и увидел кривизну земли и воздушного змея в бегущих облаках. В огромной бамбуковой раме с шелковыми полотнищами, словно паук, запутавшийся в своей пестрой паутине, человек отчаянно силился накренить воздушного змея. Покачиваясь на потоках ветра, он летел вверх, словно безумный восклицательный знак.

— Я лечу, я лечу! — кричал он, упиваясь своим пре-восходством над миром ночи.

Но, услышав его смех свыше, с господствующих высот туч и вихрей, сотня людей заворчала во сне. Они зароптали, недовольные его высоким полетом. Не осознавая его возвышенной истины, они закрыли на нее глаза, стерли его взлет, словно его и не было, и с пустыми головами разрядили луки, расстреляв небо.

Ураган стрел с клеймом китайского императора взмыл ввысь, чтобы пронзить торжество бумаги и шелка, поразить парящего человека, пригвоздить к облаку. Его последний крик: «Я лечу» сменился на: «Я гибну, гибну», и он упал, словно его шелка разодрала молния. Там, где он был, остались воздух и пустота.

Он исчез, будто его и не было вовсе, расстрелянный теми, кто приходил в ярость от одного его вида, уничтоженный неверием и завистью. Летун, лишенный своего восторга, выпустил из рук крылья, позабытые у птиц, и упал.

Вдруг, словно пригвожденный к небу, Ахмед и сам затрепетал, как бумажная игрушка.

Гонн-Бен-Аллах сказал:

— Что, нету слов?

— О том, что я увидел, нету слов, — скорбно промолвил мальчик. — О, всемогущий, как бы мне хотелось хоть одним глазком увидеть моего отца и моего верблюда!

— Терпение. Ты должен быть силен и без этого лекарства, и выжить, чтобы породить меня...

Ахмед изумился:

— Но ты уже *родился!* Я же говорю с тобой. Ты *настоящий!*

— Я лишь обещание настоящего, возможность рождения.

— Но я говорю, ты — *отвечаешь мне!*

— Разве ты не говоришь во сне?

— Да, но...

— Так вот, без *тебя* мне никогда по-настоящему не родиться. Без *меня* ты будешь ходячим мертвцом. Хватит ли у тебя сил, чтобы породить бога?

— Если боги рождаются от мальчиков, то да. А что... — он поднял взгляд на огромное бронзовое лицо наполовину приснившегося божества, —...теперь?

— А вот что! — загремел Гонн-Бенн-Аллах.

И внизу, посреди бескрайнего пляжа безжизненных песков, вулканом изверглись постройки и сооружения.

— Что *это?* — изумился Ахмед.

— Люди, которые воплотили свой полет в камне, мраморе и глине, мечтали о крыльях, но удовольствовались все более великолепными арками и балками, дворцами и пирамидами. Им суждено было взлететь на месте и низвергнуться во прах. Они не могли вытянуться в рост, раздаться вширь, поэтому они выбрали путь полегче, но все равно их сердца обретали крылья, и кровь вскипала до небес, и раздавался восторженный хохот при виде таких зданий, которые распахивали окна настежь, чтобы выпустить их души на волю.

— Но это же не истинный полет, ведь их ступни увязали в глине. Даже на башнях, с которых можно было воспарить на крыльях, надежда угасала, и люди вновь впадали в грэзы.

— Смотри же! Здесь пирамида, там Великая стена — это трамплины, с которых юноши и зрелые мужи взмывали навстречу гибели в надежде крылья обрести.

И подули ветры, и пески снова засыпали города, а Гонн и Ахмед полетели дальше.

Посмотреть на тех, кто ткал ковры и подбрасывал их в воздух с криком: «Лети!» Но ковры только плюхались наземь.

И увидели, как коллекционер бабочек сшил воедино тыщу пестрых крыльышек, летучее цветение весны, которое, стоило ему шагнуть с крыши, взорвалось при первом же его восторженном крике и последним вскрике тишины.

И увидели падение тысячи зонтов, когда земное притяжение впечатало безумного мальчишку в летнюю траву.

И поглязели на другие машины, сплошь из вертушек и крутилок, жужжания и стрекотания колибри, подгоняемые дождем и тонущие в равнодушном море.

— Я вижу! — воскликнул Ахмед.

— Зри глубже. Призови к себе игрушки, найденные этой ночью! Засели ими небо, затем сожги отброшенные ими тени в своем воображении, чтобы они никогда не были утрачены. Ну же!

— Да! — закричал Ахмед. — Восстаньте, духи Вечности! Кто к вам *взыывает*?

— Ахмед, — шепчет Гонн.

— Ахмед, — вторит ему мальчик.

— Машин Забвения повелитель.

Ахмед замялся, затем:

— Машин Забвения повелитель!

И там, где раньше была сотня, тотчас зажужжал десяток тысяч осиных, стрекозьих, змеиных очертаний и заискрился при луне. Повсюду зажурчали речушки,

ки, реки — Амазонки и, наконец, неистовые океаны крыльев.

И Ахмед хлопнул в ладоши, и в небе разразился аплодисментов гром без молний, барабанный бой возгласов: пронзительный галдеж мальчишеск и мужей, плетеные остовы возникли в облаках.

— Тишина! — скомандовал Ахмед, догадываясь по молчаливым устам Гонна, что нужно крикнуть. — Замрите!

И гром умолк, и еле проступающие, еле угадывающиеся призраки застыли на фоне неба, наполовину освещенного луной, наполовину — солнцем.

— Теперь, — прошептал Гонн, — во всех постелях, спальнях всего мира...

— Во всех постелях, — продекламировал Ахмед, — спальнях всего мира подойдите к окнам, дабы узреть, что должно!

И внизу распростерлись все города и веси спящих мечтателей.

— Проснитесь! — крикнул Ахмед гласом Гонна. — Проснитесь, покуда в небе призраки кишат! Смотрите! Находите!

— Боги, о дружественные боги, — вдруг воскликнул Гонн, лихорадочно глотая воздух, хватаясь за горло, за грудь, ощупывая запястья, локти и руки. — Я падаю, о, братья боги, я слабею, низвергаюсь!

И великий Гонн, цепляясь пальцами за ветер, замахал руками, отчаянно перемалывая облака ногами и с ужасом таращась на спящие города.

— Они похоронили меня, убили тыщу раз, чтобы запихать в тысячу безымянных гробниц.

— Кто? — закричал Ахмед.

— Мечтатели без мечтаний, негодные мечтатели. Маловеры — губители мечтаний. Ходячие мертвцы,

которые не видят птиц в небесах, кораблей в морях, коней на дорогах, где нет ни колес, ни колесниц. Те, что рано ложатся, поздно встают, спят до полудня, вкушают смоквы, пьют вино и холят только плоть. Они, они, они, они!

Ахмед взглянул вниз, дико вращая глазами, пытаясь разглядеть то, о чем ему говорили.

— Но они ничего не делают! Они все дрыхнут!

— От их молчания мне заложило уши.

— Они хрючат!

— Они вдыхают, не выдыхая. Они выпивают воздух, а взамен — ничего! От этого я умираю!

И тут Ахмеда осенило:

Города спали, и пыль похоронила спящих, что уподобились пыли. В них умерла мечта. Остались лишь бесплотные скелеты грез. Не стало мечтателей — мечты обезлюдили, некому рулить, встать у кормила, без плоти остались остовы Машины Забвения. Они превратились в призраки воздушных змеев, в небесные руины, обреченные рассыпаться во прах и снегопадом свалиться в драконы могилы и на слоновьи кладбища.

Ни один человек не пошевелился.

— Как же они могут причинить тебе вред, Гонн? Ведь они даже не *шелохнулись*.

— Они играют в статуи, и меня хотят в истукана превратить!

— Они даже не догадываются о *твоем существовании!*

— Истинно так! И их недогадливость еще больше мне вредит. Смотри, я теряю плоть, сущность, вес. Я таю от неверия.

Ахмед взглянул на него, и действительно!

Великий Гонн, словно сгорая в незримом пламени, размахивал руками и ногами, которые истончились до

костей и костного мозга. Там, где грудь выпирала балконом, теперь торчали ребра. Подбородок заострился, как меч, нос — бритва, губы — восковая ухмылка поверх предсмертного оскала.

— О, великий Гонн, остановись! — взмолился Ахмед.

— Я — кладбищенский бог. Мне помогут лишь живая плоть и кровь да мечты человека. Я, кит, превратился в карпа, в мелкую рыбешку. Кто меня спасет?

— Гонн, о, Гонн! — Мальчик мучительно подыскивал слова. — Я!

— Ты?! — вскричал Гонн. — Ты хорошо усвоил первый урок?

— Да! — завопил Ахмед.

И тут лицо Гонна залилось румянцем, пунцовыми огоньками, сморщивание прекратилось, его кости, ребра обтянула омолоденная кожа.

— Как ты *решился*!

— Ведь я один-единственный *бодрствую*! Ты видишь кого-нибудь *еще*? Я здесь, Гонн, но они ведать не ведают, что я есть! О, разрази, испепели глупцов, Гонн!

И Гонн стал еще весомее. Его уста сомкнулись, скрыв зубы. Его запавшие глаза засияли под налитыми веками.

— Так ты хочешь стать божеством, подобно Гонну, быть преданным забвению и, возможно, раньше срока умереть?

— *Почему бы нет?*

— Отважный мальчик!

— Нет, всего лишь безумный!

— В безумии — отвага! Твое безумие — пища. Откорми меня!

Мальчик схватил Гонна за руку. Гонн — воздушный шар — стал подниматься.

Ахмед глазел на свою руку, зажатую в кулаке ненужного, но выздоравливающего божества.

— Получилось!

— Да! — хохотнул Гонн. — Молитва возводит в воздухе могучую твердыню!

— Я никогда не молюсь!

— Еще как молишься! Ты, возносящий завтрашние молитвы!

Ахмед пристально вглядывался в гнетущие дюны и засыпанные развалины.

— Научи меня еще, Гонн, летать выше, дальше и быстрее, чтобы...

— Чтобы?

— Я мог летать над этими руинами и городами и кричать.

— Чтобы пробудить мертвых?

— Ведь кто-то же должен услышать? Кто-то же проснется? Если я буду кричать без устали.

— Всю жизнь кричать? А что ты им скажешь?

— Смотрите, как высоко! Как здорово! Как радостно! Попробуйте и вы!

— Чем в песне меньше изысков, тем лучше. Ты только что такую спел. Отныне ты — Гонн маленький, готовься стать сыном Гонна и всемогущим божеством.

— Я хочу всего лишь, чтобы наш *мир* стал всемогущим!

— Бескорыстие — ты заслужил еще одно тысячелетие в Раю.

— Надо не Рая! Мне надо, чтобы люди повылезали из постелей. И я хочу остаться *навсегда* с тобою рядом, Гонн!

— Нет! Теперь, когда у Гонна появился сын, Гонн должен вкусить Времени. Отведи меня туда, где ты плачем оживил меня. Захорони меня. На этот раз со слезами *счастья*.

— О, Гонн, не умирай!

— А, — засмеялся бог. — Я не умру! В миг своего рождения, дитя мое, разве ты не знал, что твоё чело отмечено моей печатью?

— Здесь? — Ахмед прикоснулся ко лбу.

— Огромный отпечаток моего большого пальца прячется в лабиринте твоего подсознания. То, кем ты можешь быть! Сей отпечаток и есть твоя грядущая жизнь, мечта, деяния, если ты будешь действовать. Но в час рождения большой отпечаток исчез, погрузился в твоё чело и будет незримым...

— Если только...

— Если только не станешь искать его всю жизнь в зеркалах, вглядываться пристально, чтобы высмотреть свое истинное «я» и стать существом, рожденным на земле, чтобы *состояться*.

— А что, если я не найду печать на своем челе?

— Тебе лишь нужно каждый день искать, чтобы распознать одну черточку. В сумерках — еще одну черточку, и так до тех пор, пока однажды не взглянешь в зеркало и в нем узреешь *всё* целиком. Достаточно ли места у тебя на лбу? Чтобы разместить мое тулowiще, руки, ноги, голову и громогласный рот в черепе? Даешь мне разрешение спрятаться?

— О, Гонн, — засмеялся мальчик, — добро пожаловать!

— Раз так, сынок, укрой меня, чтобы я мог жить за твоими глазами. И несколько ускоренных уроков напоследок. Итак!

Рука об руку в облаках и небесах они с Гонном тенью летели над кладбищами городов и улицами праха, и он одаривал мальчика плотью и мощными, хоть и незримыми крылами, и Ахмед кричал исчезающим внизу поселениям:

— Я вернусь! Я вам не дам покоя!

И так они летели до тех пор, пока, усталые, не приземлились в кратер вулкана, откуда Гонн вознесся, чтобы затмить собою небо.

— Солнце садится, дитя мое. Ты найдешь свой караван еще до заката.

— Но я же заблудился!

— Однажды, да. Несколько часов тому назад. Но взлети повыше, оглянись вокруг — и ты найдешь его.

— Я не могу тебя здесь бросить, — скорбел мальчик.

— Возвращайся через много-много лет, когда ты, возмужав, откроешь свойства воздуха и будешь плавать в облаках, передвигаясь по свету с места на место в своей собственной Машине Забвения. И откопай меня, найди золотую личину великого Гонна, как сегодня на рассвете, и приладь мой лик, как щит к борту своего молниеносного болида, и мы еще полетаем. Договорились, Ахмед?

— Договорились!

— Теперь пролей свою слезу, смочи песок, чтобы я в него смог плавно погрузиться.

И напоследок Ахмед дал волю слезам, которые сделали свое дело.

И Гонн с великанским хохотом, подмигивая обоми золотыми глазищами, стал все глубже погружаться, словно огромный штырь, вбиваемый последним ударом света, пока не исчезли его влажные глаза, лоб, растрепанные ветром волосы, и песок осел, погоняемый сумеречным вихрем.

Ахмед вытер глаза, разглядывая небо.

— Уже забыл.

— Нет, — донесся шепот из песка, — сначала левую.

Ахмед поднял левую руку.

— Теперь правую.

Ахмед поднял правую руку.

— А теперь левой-правой, правой-левой, вверх-вниз, вниз-вверх, левой, правой. Так держать! *Aaax!*

И Ахмед взлетел.

И, сделав выдох, Ахмед устремился сквозь просторы пустыни, чтобы мягко приземлиться там, где уснул караван с верблюдами, где от горя из-за пропавшего сына отец, не находя себе места, выбежал из шатра и изумленно столкнулся с ним, не признав в темноте, а признав, рухнул на колени и сдавил в своих объятиях со слезами, славя Бога Единого.

— Сын мой, о, сынок, где ты пропадал?

— Отец, я летал. Видишь. Облака на севере. Я по жил в них немного. Вокруг меня по воздуху летали тысячи кораблей, затмевающих собою луну. Я заблудился, но он указывал мне путь сквозь ночь.

— *Он?*

— Он, чьи стопы впитывают землю, а голова дружит с небесами. И ты не видишь его, отец, ибо он скрыт от взоров. — Ахмед дотронулся до своего лба. — Тебе виден мельчайший отпечаток огромного большого пальца?

Отец Ахмеда всмотрелся в лицо сына и увидел на нем небо, и ночь, и дальние странствия.

— Хвала Аллаху, — сказал он.

— О, отец, — сказал Ахмед, — если однажды ночью мне снова будет суждено отстать от каравана, можно, я приземлюсь на мраморный пол?

— Мраморный? — Отец смежил веки и задумался. — На севере, где живут ученые мужи и преподаватели профессорствуют, а профессора преподают? Что преподают?

— Воздух, отец, ветра и, быть может, звезды.

Отец пристально взглянул в лицо сына.

— Быть посему.

И, в окружении спящих верблюдов, Ахмеда уложили почивать в шатре, и в предрассветный час он заговорил во сне.

— Гонн?

— Да? — послышался шепот.

— Ты еще со мной?

— Всегда и навсегда, мальчик мой. Пока моя тень маячит меж твоих ушей. Разрисуй картинами свое воображение, чтобы никогда не знать одиночества. Молви слово — и я появлюсь. Прошепчи — и я тут как тут. Позови — и я стану спутником света. *Смотри!*

И действительно, у себя в голове Ахмед узрел в небесах круговерть машин из сусального золота, и серебряной фольги, и лунных шелков.

— О, Гонн, — прошептал мальчик.

— Не произноси моего имени. Теперь меня зовут иначе! — Еле слышно: — Ахмед. Вот как меня зовут.

— Ахмед?!

Молчание. Предрассветный ветер.

Сон. И во сне Ахмед увидел себя, повзрослевшего, в большом аппарате с пропеллерами, что отчаянно взметали горячий песок, и вот он взглянул вниз и увидел на песке:

Чеканного золота лицо с очами бога и улыбкой возрожденного дитяти.

Медальон был высвобожден из песка и помещен вместо эмблемы на его аппарат, и Ахмед улетел в будущее.

Как только песок, лишенный своего сокровища, остыл, будущее наступило.

Паломничество

Пол неслышно ступал по коротко стриженной зеленой лужайке, вдыхая на ходу ее запах. Он хотел запомнить каждую мелочь. Все должно было сохраниться в памяти. Позднее, когда он окажется в своей комнате или снова отправится на запад, скажем, в Денвер, Солт-Лейк-Сити или Сан-Франциско, он прищурится, вспоминая, и скажет, попыхивая прикуренной сигаретой:

— Это было так, — или, — это было иначе. Температура умеренная, легкий ветерок. Я был одет в твидовый костюм. В полдень я въехал в кладбищенские ворота. В небе ни единого облачка. Превосходный весенний денек. Птиц на деревьях больше, чем листьев. Ранняя весна. Все сверкало на солнышке. Моя тень мешалась у меня под ногами, пока я шел по гравиевой дорожке. Гравий похрустывал под ногами.

Пол остановился на вершине небольшой возвышенности. Сторож указал ему направление. Здесь направо, налево, потом снова направо, за мраморной пирамидой. Нужно было найти розовый камень.

Он зашагал дальше. Оглянулся на свою машину, отсвечивающую глянцем на весеннем солнцепеке. Он мог бы и въехать. Сторож позвал его жестом внутрь, но он вытащил ключ зажигания и вылез из машины. Ему хотелось увидеть все без остатка. Как знать, когда

он еще снова поедет этой дорогой. Как только попадаешь в Калифорнию, оттуда нет возврата. Понадобилось четырнадцать лет, чтобы хоть раз отправиться на восток. Возможно, он никогда сюда не вернется, и ему хотелось пристально ко всему приглядеться, чтобы потом вызвать в памяти, когда он окажется дома.

Кто-то косил траву на просторных зеленых лужайках. Его вела вперед выкошенная тропинка. Издалека доносились тарахтенье газонокосилки, преодолевающей подъем на небольшой холм. Минут через десять она могла вернуться этим же путем. Но к этому времени его здесь уже не будет.

Пол остановился у розового надгробия. Он безмолвно посмотрел вниз и прочитал надпись.

ДЖОНАТАН С. МЕЛЛИН
1920—1933

Камень выглядел безупречно новым, словно на него не упала ни одна дождинка. Трава над могилой была сочной и влажной. В ржавую жестянную вазу кто-то поставил цветы прошлой осенью. Теперь они сморщились и пожухли.

Он подумал о Джонатане. «Если бы ты выжил, тебе было бы столько, сколько мне, — подумал он. — Двадцать семь».

Он вспомнил, как они неслись вниз по гудящему летнему оврагу. Джонатан, горделивый, русоволосый, подтягивался на ветках каштанов, карабкался на виноградную лозу, нырял в ручей. Они боролись; более сильный Джонатан неизменно укладывал Пола на обе лопатки. А как одноклассницы постреливали глазками, когда Джонатан проходил мимо. А как Джонатан умел бегать! Словно братья наши меньшие: невесомыми пятками вскидывая вслед за собой ошметки грязи

и по-кроличьи мягко опускаясь на землю. А как Джонатан смотрел своими лучистыми серыми глазами, опускал веки и откидывал голову, чтобы стряхнуть пепельные волосы, застилавшие ему глаза. Джонатан никогда не пользовался расческой, а всегда отбрасывал назад пряди волос.

Но все это осталось в прошлом. Пол уехал с родителями на запад. Через год Джонатан умер. Пол не приехал на похороны. Не вернулся. До этого самого дня.

Полостоял так, не шелохнувшись, наверное, минуты три, глядя на камень. Он присел и прикоснулся к каждой букве, глубоко врезанной в блестящий камень. Он провел пальцами по датам: «1920—1933». Он тихо втянул в ноздри запах травы и обратил внимание на ее густоту. Проследил за пролетающей бабочкой. Заметил, как ветер ласково треплет отвороты его брюк. На голом дубе щебетали птицы. В голубой дали над горизонтом он увидел белое облако. Он ощущал прикосновение брючного сукна к ногам и шляпы — к голове и почувствовал, как пиджак пузырится на плечах. Прогулка заставила его вспотеть.

Затем, не говоря ни слова, он повернулся и зашагал прочь по зеленому холму и по гравиевой дорожке, бесшумно, уверенно и молча.

Когда он дошел до ворот и собирался было сесть в лимузин, сторож спросил:

— Ну как, нашли?

— Да, — ответил Пол.

— Я смотрю, вы из Калифорнии.

— Да.

— Проделали немалый путь. Родственник?

— Кузен. Не такой уж и долгий путь. Я проездом из Нью-Йорка в Чикаго. Крюк всего каких-то семьдесят пять миль...

— Все равно, — сказал сторож. — Немногие так поступают. Семьдесят пять миль — это семьдесят пять миль.

— Я не мог не прийти, — тихо сказал Пол.

— Должно быть, вы ужасно его любили.

— Любил? — спросил Пол, дотягиваясь до зажигания. — Да я его люто ненавидел!

Он завел мотор и молча покатил по шоссе.

Из сборника «*California Sorcery*»,
1999

Memento mori

Последовательность светлых и мрачных событий выстроилась следующим образом:

1 мая, в погожий весенний денек, Генри Эбблби скончался от естественных причин — больших доз джина после маленьких глоточеков водки.

Вследствие чего сошла лавина цветов. В полном составе заявились члены ложи Странных парней, ордена Лосей и Сохатых, покуривая по пути внутрь и пошатываясь при выходе от изысканных вин, принятых в качестве противоядия от не слишком качественных, поминальных канапе.

Завывал Шведский клуб хорового пения, и его родственники, выстроенные в шеренгу, пытались не улыбаться.

В это время прибыл Уильям Красник с секретарем Гаем Чандлером, и благородное собрание уселось на свои места.

Красник и Чандлер краем глаза приметили странноватых дамочек в заднем ряду, замотанных в многоцветовые траурные крепы, в шляпках, раздавленных в бурю-ненастье, под вуялями, покрывающих мглою их личины.

Красник из-за своей загородки пристально наблюдал за женщинами в черных одеяниях и сказал:

— Я их видел...? — но запнулся. — Нет.

— Да. — Гай Чандлер подвинулся, чтобы Красник мог восстать из печали и опуститься, подобно правосудию. — Они приходили на поминки Гамильтона на прошлой неделе, а до этого — на похороны Крюиса.

— О, — сказал Красник. — Родственники?

— Не совсем.

И обряд начался.

Вот и всё, что касается первомайского солнца и теней. А там, глядишь, и очередные похороны.

Седьмого мая под дождем отмечали еще одну кончину. Красник подоспел первым и от нечего делать стал оглядывать окрестности.

И мрачные двойняшки оказались тут как тут, в шляпах с вуалями, напоминающими полночь на туманном берегу.

Красник обратил взор на покойного Уиллиса Хорнбека, либерального финансиста, который профинансировал свой консервативный гроб для надежного плавания по реке Вечности.

— Друзья? — пробормотал Красник. — Старины Вилли?

— Нет, — возразил Гай Чандлер.

Стала прибывать публика.

Поминки оказались столь многолюдными из-за того, что их перенесли в Зал заседаний Благотворительного ордена Лосей, по которому дефилировали две дамы масти вороного крыла, черного дрозда и грача, не расставаясь с шампанским.

Красник прошептал:

— Их знает хоть кто-нибудь?

— Ни малейшего понятия... — последовал ответ.

Красник продолжал:

— Кто эти незнакомки, устраивающие возлияние шампанским?

— Я их видел у могилы Чарли Натта, — сказал кто-то, — и в Рождество, когда мы хоронили Неда.

— Боже, — вырвалось у Красника. — Никто понятия не имеет, кто они такие. Не тетушки, не племянницы, не сестры, не кузины, не любовницы. Черт бы их побрал! Они просто торчат здесь, и всё!

— Кто торчит? — полюбопытствовал женский голос.

Красник узрел поднос с выпивкой и мглистую вуаль, которая колыхалась на шляпе, внушительной, как грозовая туча.

— Вы! — брякнул Красник.

— В самом деле, — промолвил поблизости второй голос — черный корсаж поверх напитков.

Красник схватил два бокала.

— Служба была восхитительна, вы не находите? — поинтересовался первый голос из-под вуали.

— Восхитительна! — согласился второй голос.

— Похороны Вилли восхитительны? — изумился Красник.

— Но, — воскликнул второй голос, — он остался доволен!

— Мертвые вряд ли способны...

— Быть довольными? — вскрикнула вторая осoba. — Да их восторг ощущался аж в заднем ряду! А вы не почувствовали? Нет?

— Вы пропустили самое интересное!

— Мне, — сказал Красник, — еще два бокала!

С выпивкой в руках, он наблюдал, как дамы уносятся вдаль, словно затихающая буря.

То, что последовало за этим, вынудило его на время позабыть о плакальщиках. Решением совета директоров он был освобожден и смешен с должности вопреки его бурным протестам. Внезапно у

него появилось много времени, и он начал замечать любопытное свойство ежедневных некрологов. Они придавали ему своеобразную энергию, безудержный душевный порыв.

— Ну и ну! Старина Генри Гаддис умер. Надо сходить, посмотреть.

На что посмотреть, ради всего святого? Он даже не был знаком со стариной Генри.

Но он послал цветы и сходил попозже туда.

На следующий день скончалась Элеонора Ситвел.

— Не знал ее!

Тем не менее он созерцал церемонию отселения ее души и погребения ее плоти.

Еще три дня — и еще три полунезнакомца исчезли в недрах морга.

Наконец Гай Чандлер нарушил молчание:

— Откуда вдруг такое увлечение мертвыми останками?

— Не мертвыми, — сказал Красник, — а останками, остающимися после ухода тел, и двумя черными цветками.

— Это вы про дамочек цвета воронова крыла? Крокодилы. Две старые крокодилицы в креповых ленточках. Метелки из перьев.

— Метелки?..

— Из перьев. Во времена моего детства в Лондоне плакальщицы носили большие черные перья на шляпах.

— Метелки из перьев. Но у них в глазах настоящие слезы!

— Глицерин. Зачем себя изводить?

— Потому что, Гай, я финансист, принудительно уволенный, чтобы финансировать время. У меня начинается брожение от скуки. И тут, черт возьми, я вижу, как эти два чучела смеряют время своей жизни

по часам похоронного бюро. И мой азарт разгорается!
Смотри!

Красник достал блокнот.

— Похороны Гранта Холовея. Они пришли. Могила Луиса Мартина — то же самое. Джордж Кренкшоу. Угадай, кто пришел первым и ушел последним? День за днем. В воскресенье — в две смены.

Чандлер фыркнул:

— И что? Сообщите в полицию?

— И что я им скажу? Что две неприкаянные души эскортируют наши гробы, бросают цветы на поминках? Нет! Но я бы мог написать статью для «Таймс».

Чандлер пробежал глазами по списку.

— Двадцать два покойника, двадцать две метелки. Что, им больше развлечься нечем?

— Наверное, они терпеть не могут кино и телевидение. Тогда почему бы не стать завсегдатаями мрачных спектаклей. И дешево. Знаешь, откуда они взялись?

— Из старинного викторианского дома у оврага. Как зовут, не знаю.

— Зато я знаю. — Красник улыбнулся. — Мори. Девичьи фамилии. Старшая М. Мори. Младшая — Этерна¹.

— Этерна!

— Но... — рассмеялся Красник. — Проведи пальцами на ощупь по надгробию, и ты нашупаешь... что...?

— Mori. Латынь? Означает «Смерть».

— И если у старшей сестры «М» означает Memento... Memento Mori. Помни о Смерти.

— О боже!

— А-а, вот именно, — сказал Красник. — О боже!

¹ От лат. aeternus — вечный.

* * *

Погода изменилась. Дожди утихли. Солнце не заходило допоздна. Похороны прекратились.

— Вот это да! — недоумевал Красник. — Что это у Господа Бога на уме?

Дни перетекали в недели, хорошие новости пришли на смену плохим. Толпы пациентов выбежали из больниц с сияющими улыбками. Неистовствовала вакцина Солка против полиомиелита. Пенициллин и сульфа переломали у Смерти все кости. Пленка для томограммы мозга засветилась на солнце. Гробовщики слонялись по улицам в надежде на автоаварию.

Изумленный Красник подытожил:

— Местное похоронное бюро, дорогой Гай, вывесило объявление «НУЖНЫ ПОМОЩНИКИ». Будут импортированы жертвы наводнения на Янцы. Серьезно? Нет. Черный юмор. Раньше декламировали с дюжину надгробных речей в неделю. Теперь счет стал «Жизнь»: 99 — «Смертность»: ничегошеньки. Владелец похоронного бюро — трудоголик прозрел. Патанатом на дому терзает жену. Так что...

— Так что... — сказал Гай, — такое воздержание угрожает...

— Нашим ангелочкам смерти. И как они только выживают в таких условиях...

— Без поминального мяса?

— В точку! После жизни, прожитой на проповедях с туберозами, под траурные марши Шопена. Что же теперь? Не гремит прощальный салют. Что же будет с нашими дамочками в креповых корсетах?

— Нехватка умирающих убила сестер Мори?

— Повтори!

— Нехватка умирающих...

Не убила сестер Мори.

Подобно сорнякам, пробивающим забетонированные могилы, сестры Мори повылезали сквозь щели.

На следующий день, как только солнце засияло, Гай наблюдал за их лужайкой.

— Они не свихнулись, — пробормотал он. — Вы только гляньте, эти тетки — воронье отродье — нашли себе новое развлечение.

Красник, стоя у окна, заморгал:

— Неужели это то, что я думаю?

Неподалеку, у бордюра, стояли две дамы черного мрамора в вуалах, словно грозовые тучи, затеняющих их щеки.

— Но здесь, — возмутился Красник, — не похоронное бюро. Никто не умер, не заболел!

— Пока, — вставил Гай.

— Я здоров, как лошадь, черт побери!

Но за обедом Красник не стал пользоваться столовыми приборами.

— Не голоден, — пробормотал он.

— Повар приготовил телятину с грибами.

— Хватит и аспирина. Они...?

— Все еще там стоят? Да. Ешьте телятину. Им назло.

Но когда подали телятину, Красник вырвался на переднее крыльцо.

— Эй, вы там! — прокричал он через лужайку. — Знаю я ваши штучки!

Сестры торчали в сумерках, как столбы, а их вуали туманили им глаза обещанием дождя.

— Эй, вы! — орал Красник. — У вас нет тел. Так что лучше обзаведитесь! Убирайтесь!

Но видения остались стоять как вкопанные, а их дыхание угомонило вуали.

«Убирайтесь», — подумал он, но отвернулся.

— Интересно знать, — сказал он в этот вечер, — неужели в каждом городе встречаются такие вот над-

гробия, как эта парочка? В городах, где мало развлечений, а телевидение — тоска зеленая, кто-то ведь может рукоплескать даже на похоронных водевилях. А?

— Не исключено.

— Они что, поддерживают связь? Если местные похороны прекращаются, ты бы удержался от соблазна отправиться на автобусе в соседний городишко на полночно-полуденную вечеринку с отдаием последних почестей? Полюбуйтесь на мрачные пейзажи из окон автобуса «грейхаунд»! Неистовое прощание с Валентино! Помнишь толпы, цветочный ураган на его чикагских поминках? Устроить такой слезный циклон мог бы Демиль!

Его постель наверху напоминала снежный сугроб.

— Нет! — вскричал он. — Это какая-то койка Ахава! А простыни — саваны!

— Кто вас надоумил?

Вместо ответа оба выглянули в окно и увидели безмолвствующих женщин, торчащих, как пара поганок.

— Где мой аспирин? — спросил Красник.

— Не принимайте близко к сердцу.

— Не принимать? — Красник проглотил таблетку. — Черт. Мне семьдесят, я молод, но выброшен глупым советом директоров на свалку! Гай, исцели меня! Принеси мне объявления о вакансиях! Их, на-верное, миллиардов десять!

Он залез под холодные простыни.

— Постой. — Он взглянул на потолок, и его глаза загорелись.

— Какой же я глупец! Не надо объявлений, не читай мне, кто кому требуется!

— Не буду.

— Как ты думаешь, — сказал Красник, почти осатанев, — найдется ли в местной библиотеке несколько дюжин телефонных справочников со всей страны?

— Найдется.

— И если я приду, библиотекарь выдаст мне имена в Шенектади, Свитвотер и Вакеще? Владельцев похоронных контор в двух десятках городов? Ты еще не догадался, о чем я их спрошу?

— Сколько похоронных стервятников у вас гнездится? Заявляются ли на ваши поминки приблудные чужаки? Часто? Годами?

— Садимся за телефоны!

Что они и сделали, пока маленький город спал. На рассвете они засомневались в послеполуденных похоронах.

Красник пошел вразнос.

Тараторя с Освего и Ошкошем, он глядел на ложную семейную лужайку у себя во дворе.

— Терпение, сомнамбулические дамы... ваше исцеление придет, когда я найду это исцеление!

К полудню он сделал три дюжины звонков. К тихому часу — их количество перевалило за шестьдесятков.

— Гай! — заговорил он. — Оказывается, еще никому не приходило в голову делать такие запросы! В каждой деревне и каждом городе обитают клоны наших жутковатых сестричек а ля Мрачный Жнец. Тетки за семьдесят в шляпах-грозовых тучах и вороных корсажах развлекаются на досуге, превращаясь в тусклых незнакомок. Друзей, нет — незнакомок! Четыре в неделю, раз в день. О боже! Я наметил шестьдесят городов, где подручные смерти собирают урожай траурного крепа. Я первый позвонил в эти похоронные бюро и поинтересовался их патологическими посетителями. Никто больше не догадался. Постой-ка. Подожди. Может...

— Что?

— Гай, я раздумываю, не зажечь ли мне лампочку в голове! Вот! Она вспыхнула!

— Лампочка?

— Сияет, словно тысячеваттная! Решает обе проблемы: и этих тоскливых дамочек, и мою собственную. Завтра же! Тебе не хотелось бы увидеть, как эти мраморные тетки раскалываются на куски и развеиваются по ветру?

— Да!

— Тогда скорее подай мне брюки и туфли!

На следующее утро сестры Мори, готовые отправиться в свой похоронный дозор, разинули рты от изумления.

— Что это у нас на лужайке? — воскликнули они хором.

С зонтами, нависшими, словно тучи, над их головами, они приблизились к фигуре возле дерева у них на дворе.

Это сидел Уильям Красник с биноклем, вжатым в глазницы.

— Сэр, — вопросила Этерна Мори, — что вы тут делаете?

— Мадам, — Красник навел бинокль на резкость, — газон — муниципальная собственность. На нем может сидеть кто угодно.

— Все равно. Что такого тревожного вы узрели? — вопросила старшая.

— Тревожного? — гаркнул Красник. — Без паники! Я узрел кладбищенский домик из хладного мрамора, скрывающий еще более леденящую Вечность. Гробницу с высеченным на ней именем. — Красник ухмыльнулся. — А вы что видите?

— Наш дом!

— А не мрамор? И надписи МОРИ на нем нет?

Он всучил им бинокль.

Они посмотрели в него.

— Видите? — спросил Красник.

Сестры всплеснули руками:

— Ничего!

— А как же явижу крипту Мори?

— Лжете!

Они побежали в дом, грохнув дверью.

— Слыхал? — прошептал Красник.

— Слыхал, — произнес Гай, стоя неподалеку.

— Похоже на хлопнувшую дверь склепа?

— Да.

То, что последовало, напомнило Краснику кинохронику расстрела солдат — бум! — и сбрасывания тел в могилу. Красник загоготал. Затем умолк. Со стыда. Уничтожение? Развлечение?

Об этом он думал, наблюдая за домом Мори.

Старшая сестра выскочила, чтобы прогнать его выбивалкой для ковров. Младшая размахивала мухобойкой, но вскоре ретировалась.

Доктор Самуэль Крэг то вбегал, то выбегал, гремя пилолями.

Два доктора за ночь.

На следующий день три доктора.

Красник удалился.

На следующей неделе две гражданки города Спринг-Велли проголосовали за вечность.

По слухам, М. Мори, старшая метелка для пыли, зашла в Дом мгновенной заморозки, где ее обнаружили — замороженную красавицу — и вырезали из ледника, словно в мифах и легендах о девах, запертых в зимней стуже на тысячу лет, в неизменном виде. Рабочий щипцами для льда вытащил наружу Смерть — М. Мори, настолько обынцевелую, что она не могла оттаять.

А Этерна? Кто-то рассказывал, что она, обнаженная, распахнула настежь дверцу своего ледника, тряся голой плотью, затем обрела вечный покой.

Первые похороны за многие недели состоялись в городе на следующий день в похоронном бюро Абсконд: Мементо и Этерна — две печальные сосульки по цене одной.

Весь город собрался. А в зале по соседству? Некто в черном с креповыми рукавами в темных очках на носу.

— Ваше имя, сэр?

Тихий человек ответствовал.

— Приходитесь другом покойницам?

— Ни друг, ни враг, ни родственник, ни знакомый.

— Посетите поминки?

— Возможно. — Незнакомец развернул первую полосу газеты «Ньюз»: «В Штатах свирепствует грипп. Десятки умерших — и это не предел».

Незнакомец улыбнулся и снял очки.

— Красник! — раздался возглас. — Это ты? А чему ты так радуешься?

Красник показал свой список.

— Канкаки, Освего, Окифаноки, Йорк. Толпы участников мрачных церемоний созрели для подключения своих дот-комов. Я учредил туристический веб-сайт для персональных компьютеров! Грейхаундтуры «Интернет- полночь-в-полдень». Мавзолейный бед-энд-брекфаст. Я воскресил свою карьеру! Я Председатель Совета Директоров! — возопил Красник.

Плакальщики разбежались.

— И я же — Президент! — кричал он им вдогонку.

*Из сборника рассказов
«Gathering the Bones!».
New York, 2003*

Чума

Посреди ночи марсианин проснулся.

— Я умираю, — подумал он и после скоротечного приступа ужаса сразу же успокоился, не вставая с постели. — Мое имя? Как меня зовут? Я умираю и должен знать, как же меня зовут. Ведь если я не вспомню, то кто же тогда? Запамятали. Я умер. Уже наполовину омертвел. Ноги. Не могу пошевелить ногами. Левая рука словно одеревенела.

Он повернул голову, чтобы взглянуть на жену. Но она уже умерла. Он это сразу понял, даже не видя ее. Достаточно было прислушаться — ни звука, и он догадался, что она бездыханна и неподвижна. Когда его зрение привыкло к темноте, он увидел, как она, словно мрачная лодочка, покачивается на волнистой мгле опочивальни. На ложе из тумана, на которое они всходили каждую ночь, возлежала его жена, но, боже мой, какого она цвета!

— Она почернела, — думал он. — В жизни не видывал такой черноты. Она так и не догадалась, не поняла. Даже не проснулась. Горячка сожгла ее мгновенно. Она обуглилась, веки завяли, руки иссохли, как черный воск. О, она стала чернее ночи!

— Как же это случилось, — недоумевал он, а потом его осенило.

— Сон, видение, — подумал он. — Да, именно, видение. Как она их называла? Люди с неба! Йорк. Йорк. Натаниэл Йорк. Чужаки. С чуждыми именами. Йорк и компания с небес. Вот они-то и убивают нас в наших же постелях. Проникли ночью, тихой сапой, не постучав, и спалили нас черной порчей и лихорадкой в наших спальнях. Боже! Как неудержимо! Вот уже и правая рука! Все тулово мое словно окаменело!

— Но они же умерли, — произнес он вслух, обращаясь к комнате. — Эти люди со звезд мертвы!

— А зараза пережила их и теперь мстит нам, — подумал он. — Ее развеяло ветром по городам. Так? Значит, сказания, слухи, видения, все эти враки и полунамеки были правдивы. Старушечки рассказни и детская трескотня про падучие звезды и диковинных людей — все правда. Сколько их было на звездных кораблях? Я видел только двоих. Но их было больше. Что там говорила та маленькая девочка в городе? Командир и трое подчиненных. Всего лишь молва да кривотолки в устах людей из каменных домов для умалишенных? Нет. Я знаю разгадку тайны. Лишь я один. Интересно, а остальные догадывались? Сколько таких, как я в городах, пробуждаются с воплями, сознавая, что кошмар случился не во сне, а наяву? Как они забавлялись, высмеивая болтовню про людей со звезд! Сколько месяцев продолжались все эти хиханьки да хаханьки! А я знал и помалкивал. А то они упекли бы меня в клетку и ушли бы восвояси, пожимая плечами и посмеиваясь. Теперь они не смеются.

Он уже почти умер. Он пошевелил губами, чтобы убедиться в том, что может ими шевелить, чтобы доказать себе, что хотя бы какая-то толика его самого еще живет. Он ощущал, как помпа у него внутри накачивает его черными чернилами и жаром, сжигающим лицо. Его зрение затуманилось.

— На том краю нашей вселенной, — думал он, — Ваятели Сновидений, вылепленные из другого теста и роду-племени... А что же они? Неужели не догадывались? Не знали? Люди иной породы — привыкшие давать отпор, деятельные, ничему не верящие, все ставящие под сомнение. Они-то сопротивлялись? Чтонибудь предприняли?

— Да, теперь я припоминаю. — Он смежил веки. — К нам просочились слухи. Ужасно любопытные слухи. О другом звездолете и о людях, которые высадились из него среди Ваятелей Сновидений. И они нашли городок, сотканный из их же собственных воспоминаний. И были погребены под музыку, речи и возгласы. Шуточка хоть куда! А теперь слишком поздно. Мы все смеемся. До нас дошло, что это была и не шутка вовсе, не какая-то там небывальщина. Хотел бы я в эту ночь заглянуть в тысячу комнат и узреть в них черных, обугленных людей, с черными губами и черной плотью, и сказать им: «Я знал». Я давно знал. То тут, то там многие из нас догадывались, но ничего не говорили. До многих доносились странные песнопения и музыка, и они не могли спать по ночам. Некоторые занимались любовью в уединении. А один из нас взял ружье и вышел навстречу видению, полуправде и выдумке, выстрелил и убил видение, а теперь видение убивает нас. Видение прокрадывается в каждую комнату, душит и окрашивает нас, и мы мрем. Но мы уже давно мертвы в этом мире. Мы десять тысяч лет как умерли. Города опустели. Лишь немногие выжили в нескольких поселениях. Горстка. Тысяч сто, не больше. Семена, развеянные по пескам, в которых десять тысяч лет тому назад мы были могущественны.

Он почувствовал перебои в сердце. Открыл глаза и посмотрел в окно. Вдалеке он увидел несколько песочных кораблей, плывущих в сторону гор.

— Спасаются бегством, — устало подумал он. — Лишь немногие. Да, немногие избегут черного недуга. В горах. Оставив позади мертвые города с черными, обугленными мертвецами.

Белые паруса исчезли в песчаных просторах.

— Еще мгновение, — подумал он, — и я умру. Как же меня зовут? Где я?

Он уронил голову и еще раз взглянул на жену:

— Как ее зовут? Кто она?

На последнем издыжании он взглянул на нее, такую далекую, в крохотном море мглы в затемненной комнате. И наконец, ее имя всплыло в его памяти, и он выкрикнул его, взывая к ней через море.

— Йилла! — воскликнул он. — Йилла!

И умер.

Разгар лета

Настала пора, и заполыхало в небе и на земле. Желтое глянцевое пламя охватило пшеничные нивы и кукурузные поля, жилища поглотил белый огонь, а житницы — красный. Пришло время Солнца — марсианский август, пышущий жаром месяц с разряженным воздухом. Словно тонкая пелена опадала в каналах на ложе раскаленных каменных рек. Оседали на курящиеся, пересыхающие русла челны, как хрупкие листья. Наступила пора пота, что катился градом, моросящего дождика, что обращался в пар, если присмотреться. Пора теплой пряной пыльной взвеси витать в воздухе. Черед запирать двери сельских домов, зашторивать окна. Время змеям уползать с глаз долой. Весь день, словно дети, тени путались под ногами, убегая от нас только на закате.

Призраки Марса

— А я не верю, — сказала мама.

— Тогда сходи, убедись сама, — сказал Еем и убежал.

Делать нечего, пришлось ей вперевалочку спускаться во мрак и сырость песчаного подземелья, пройти по одному коридору, свернуть в другой, мимо старых тюремных камер, ведь основанием их дому служила древняя портовая темница. И когда она добралась до конца каменного туннеля, то, схватившись за грудь, исторгла из себя крик:

— А-а-а!

— Вытащи нас отсюда! — завопил Призрак.

— Отопри дверь! — гаркнул второй Призрак, еще бледнее первого.

Мама пулей взлетела по ступенькам, и ее тут же вырвало.

* * *

Какие-то матросы встретили маму на булыжной дороге близ Титха. Она прошагала два часа, проехала на попутной машине, совсем выбилась из сил и пребывала в отчаянье.

— Мой дом захватили... призраки! Они лопочут на странных языках и сидят в камерах под нашим двором!

Матросы переглянулись.

- Денек, видать, выдался жаркий?
- Один из них кивнул и подмигнул другому.
- Пойдем с нами, — сказал он.
- Мне нужно к мужу, — застонала она. — Уж он-то с ними разберется.
- Ладно, — ответили они.

* * *

Дети вернулись в песочный дом, собирались у камеры и заглянули внутрь.

- Убирайтесь, подлые воришкі! — закричал Призрак.
- Что он говорит? — спросил Еем.
- Не знаю, — ответил Катхм.
- Что он говорит? — прошелестел Призрак.
- Не знаю, — прошептал Фантом.
- Говорят на неизвестном марсианском языке.
- Говорят на языке призраков, — сказал Еем. — Жаль, я ничего не понимаю.
- Жаль, я ничего не понимаю, — сказал Призрак с дикой желтой шевелюрой.

* * *

Депутация из Латхвса спустилась по ступенькам в подземелье, погрузившись в могильный холод. Они молча и чинно прошли по каменному коридору, кивая друг другу, прикасаясь к плесени и железным решеткам, перешептываясь и жестикулируя. Свернули за угол и приблизились к камере.

- Вытаскивайте нас отсюда! — заголосил Черный Призрак.
- Будьте вы прокляты! — заорал Красный Призрак.

Депутация, как ошпаренная, взлетела вверх по лестнице.

— Привидения, химеры!

На солнцепеке их колотил озноб.

— Привидения, именно, злобные, жуткие химеры!

— Их нужно уничтожить!

— Уничтожить!

Они ухватились друг за друга, чтобы устоять на ногах.

— А кто этим займется? Не ты ли, часом, Ылт?

— Это не входит в мои обязанности. По этой части у нас Ремм.

— Еще чего! Нужно провести судебное разбирательство и судить мать с отцом за колдовство!

— Вы видели, во что превратился Кемм? Он умер, как только Призрак прикоснулся к нему. Почернел и умер.

В застенке один призрак повернулся к другому:

— Видишь, что ты натворил?

— Это я-то? Это мы оба.

— Ты притронулся к нему. Чем ты вообще болен?

— Чем я болен, придурок? Да ничем! Какой-то микроб. Для меня, для тебя, для всех землян он безвредный. А для него — смертельный. Боже, как же он мгновенно обуглился. Ну и влипли же мы. Жди теперь беды.

— Все равно, зря ты его тронул!

* * *

Депутация обрушила на них огонь, после огня залита кислотой. После кислоты изрешетила пулями. После пуль завалила их камнями, грязью и песком, пока узилище не оказалось глубоко погребенным. Затем они снесли дом. По кирпичику. И развеяли

по всем четырем сторонам света. Мать и отца, умолявших о пощаде и отрицавших свои злодейства, побили на тысячи кусочков и похоронили в тысяче городов. За детьми установили строгое наблюдение и определили их в новую семью, в которой нередко поздними ночами они говорили про призраков.

— Как ты думаешь, мама и папа были ведьмами?

— Наверняка. Страшно подумать.

Спустя год, когда призраки вновь появились на Марсе, то вполне естественно, вину возложили на детей и безотлагательно умертвили.

* * *

Той ночью ветер взметал песок и заставлял свет звезд осыпаться, как снег. В ту ночь окна дребезжали, словно хрустальные косточки, и сердце бурным потоком перегоняло кровь. Все обитатели дома оторвали головы с мятых подушек, протерли глаза и обратились в слух. Ведь внизу, во дворе, воцарился мрак, доносились шепоты, возгласы — призраки вернулись!

— Эй, кто-нибу-у-удь! — завывали призраки. — Эй, кто-нибу-у-удь! — Крики удалялись.

— Ш-ш-ш! — Дети прильнули друг к дружке, сжав кулаки. Свернулись клубочками в своих постельках.

— Эй, кто-нибу-у-удь! Кто-нибу-у-удь! — заскрипели шаги на хрустальном песке. Раздавался хруст крошащихся алмазов.

— Эй, кто-нибу-у-удь! — Голоса смолкли.

Мама впопыхах вбежала в комнату с синим факелом в руке.

— Дети, у вас все в порядке?

— Да!

Она обняла их.

— Папа захворал. Что-то с сердцем. Опять эти призраки. Просто невыносимо.

В распахнутые окна проникли голоса. В глухой ночи голоса перемешивались с ветром. Дети подняли головы с теплых подушек, чтобы повернуться, пришурить глаза, приложить к ушам сложенные ладошки.

— Сюда, сюда, — произнес голос во дворе.

— Осторожно, — промолвил другой голос в лунном свете.

— Это и есть Марс?

— Да.

— Что-то мне на Землю захотелось!

Дети вцепились друг в друга, чтобы не завизжать от ужаса.

И так продолжалось каждую божью ночь.

— Что говорят голоса? — спросила десятилетняя девочка Эйо.

— Они говорят на неведомом нам языке, — ответил мальчик Тиа.

Голоса слышались минут десять или около того, а потом умчались, оседлав раскаленный вихрь. Серебристый снаряд растворился в небесах.

— Призраки, призраки! — стонал папа.

Наутро он не мог ни есть, ни работать в знойный день, а лежал пластом в постели, парализованный встречей с фантомами.

Домашний очаг разваливался на глазах. Всех обуяла паника. Тиа сжал запястья сестренки и сказал, глядя ей в глаза:

— Ночью я поставлю западню, и мы поймаем призраков!

— О-о, Тиа! — вскричала она. — Какой ты храбрый!

Весь день он проработал во дворе с сосредоточенным лицом.

Ночью с дрожащими губами и издерганными от ожидания нервами они думали о призраках, тряслись и холодели в своих постелях, не в силах смежить желтоватые глаза. Ведь они только и слышали про этих призраков от мамы и папы, от тетушек и дядюшек. И вот, как только двойные марсианские луны поднялись над голубыми марсианскими холмами, они подкрались к окну и выглянули наружу. Ирил, Крр и Вии — все трое затаив дыхание ждали и следили за мглистым небом.

Джемима Трю

Джемима Трю прилетела на Марс весной 2160 года, и мужское население города-новостройки опустило ступни с подножки бара на пол, не отрывая глаз, ибо она была обворожительна, притягательна, а они все стояли, глядя ей вслед, хотя она давно исчезла из виду.

Это было шестое по счету здание, сколоченное в городе, снабженное лестничным пролетом, ведущим наверх, и дверью в длинный коридор, сквозь которую можно было поглязеть на женщин с перламутровыми телами, чей смех доносился до самых марсианских каналов. Аромат их духов был слаше домашней пищи для приходивших после работы на жаре парней, которые трудились, чтобы отстроить Марс по образу и подобию Земли. На окраине города, где холмы плавно спускались навстречу искусственному освещению, стоял дом, в котором не смолкал грохот падающих канделябров (опрокинутых бутылок) и топот.

Джемима Трю была молодой женщиной из комнаты №1, с волосами, подобными вспышке солнечного света, и белоснежной кожей.

Поначалу земляне прибывали не очень охотно, зато потом пошли косяком. Первыми прилетели самые любознательные. Микроскопист со своим инструментом, в боевой готовности и с горящими глазами, вырвался на увядшие просторы Марса в поисках

невиданных одноклеточных организмов, инфузорий и амеб. Ученый лихорадочно метался из стороны в сторону, жаждая, подобно Тому Вулфу, проглотить все книги, ко всему прикоснуться, перерыть, осмыслить, переварить уйму новых материалов и присвоить им названия. А формы жизни! Боже мой, какие там формы жизни! Крошечные существа из пыльцы, твари, обитающие на холмах, создания, сотканные из воздуха!

Они завезли пятнадцать тысяч футов орегонской сосны, семьдесят пять тысяч футов калифорнийской красной древесины и соорудили чистенький, аккуратненький городишко на берегах каменного канала. По воскресным вечерам в красных, синих и зеленых витражах церквей зажигались огни и слышалось пение занумерованных гимнов.

— Теперь споем семьдесят девятый. А теперь споем девяносто четвертый.

А из некоторых домов доносился стрекот пишущей машинки. Это трудился романист. Из некоторых домов доносился скрип пера. Это творил поэт. Или ничего не доносилось. Это работал бывший бездельник. Казалось, будто величайшее землетрясение вырвало со всеми потрохами некий городок в Айове, а смерч из Страны Оз перенес его целиком на Марс и поставил на место без малейшего толчка.

Он бежал по улицам с маской в руке. Он нахлобучил ее и завыл: «Буууу!» Он прятался за зелеными вязами. Он хоронился под речными мостами, зажмурив глаза, в одиночестве, зарываясь все глубже и глубже. Ибо настал Хэллоуин, и ветер сдувал ребятишек с залитой лунным светом лужайки из бетона и смолы, сквозь чаши штакетника, а большие, как бледная луна, башенные часы на здании суда отбивали время, торжественно и скорбно, и звезды описывали круг на исполинском чертовом колесе, что раскинулось от горизонта до горизонта.

Деды были у всех

Среда 17 мая 2001 года, планета Марс.

Люди пробираются сквозь жесткие травы с мотками белой бечевки в руках, а за ними следом идут люди со стальными кувалдами и вбивают в землю колышки. Они привязывают к ним бечевку. По всей окруже необъятной паутиной гудят веревки.

— Здесь почта, ратуша, там бакалея, тут каталажка, галантерея, мелочная лавка...

Они размахивали руками во все стороны света, поплевывали, придерживали шляпы на ветру.

— Боязно, — прошептал Самсон Вуд, — до чего же боязно.

— Что? — спросил шериф города Нигде на Марсе.

— Представляете, это же первый город, самый первый на всем Марсе, — сказал Самсон Вуд. — На этой земле. Только шпагат гудит. Слышите, как подвывает. Боже мой!

Они прислушались к струнам, намотанным на колышки, к огромной, распростертой на земле арфе, играющей свою мелодию.

— Есть другие, древние города, построенные марсианами?

— Да, но этот особенный. Этот — наш. Этот город — мы сами, — медленно промолвил Самсон Вуд. — Его глаза сощурились до щелочек и слези-

лись на раннем утреннем холодке. Он высыпал свой крупный нос. — Не каждый день выпадает такое, когда можешь сказать, что присутствовал при закладке первого города, когда натягивали шпагат на колышки, заливали бетон в фундаменты и забивали первый гвоздь. Господи, это все равно что попасть в Эдем, с Адамом, Евой, и все такое прочее.

— Да уж, — сказал шериф.

— Все это знакомо, — задумчиво сказал Самсон Буд.

— Откуда?

— Фронтир. Взгляните. Взять хотя бы этот участок. Он похож на Вайоминг. Он мог бы вполне оказаться и в Миннесоте, и в Айове. Но больше всего он похож на Дикий Запад. Так и ждешь, что вот-вот, откуда ни возьмись, выскочит походная кухня, и кто-нибудь запустит в меня коврижкой и гаркнет: «Кормежка!» — и все сорвутся с места. Вам знакомо это гулкое громыхание сапог, когда все бегут? Оно и сейчас у меня в ушах.

— Так вот вы откуда? — спросил шериф.

— Вайоминг? Да, черт возьми. А еще Аризона и Техас. Я немало поездил. Вот поэтому-то я не мог не прилететь сюда. Меня никогда не тянуло путешествовать по Европам—Азиям. Но Марс — совсем другое дело.

Он насытил свой взор необъятными просторами пустошей. Он оглянулся, стоя рядом с шерифом, напряженно, до слез всматриваясь в дальние дали.

— Я здесь для того, чтобы что-то найти. Я не знаю, что именно. Нечто такое, чего у меня не было на Земле. Я даже не знаю, чего хочу или зачем я здесь, но я собираюсь найти это нечто. Как только увижу, сразу пойму.

— Пожалуй, мы все здесь ради этого.

— Особенno я. По ночам в полете меня охватывал страх. Я думал, а что, если я ничего не найду, когда прилечу. А вдруг мне придется возвращаться на Землю с пустыми руками? Такие вот мысли меня посещали.

— Есть такое.

— Мой дед отправился на Запад в 1890 году. Всю свою жизнь я только и слышал про Запад, про освоение, крытые фургоны, про индейцев, бордели, банды и шайку братьев Джеймс. Дед рассказывал мне у костра по ночам и играл на гитаре. Господи, я и сейчас слышу его пение.

— Да, славное было времечко, — сказал шериф.

— Отменное! Ты мог сказать, не нравится мне Нью-Йорк, и укатить в Иллинойс, а когда Иллинойс надоедал, ты отправлялся в Оклахому. В Техас, на просторы, потом на море. Они долго не выходили на морское побережье, а потом остановились. Это все равно что прекратить кровообращение в руке. Пока еще можно было передвигаться, находить новые места, все складывалось не так уж плохо. Но вот ты добрался до последнего берега последней суши и начинаешь скисать. Когда кровь перестала бежать по жилам Земли, а войны стали заметно оживленнее и увлекательнее, и жареным запахло совсем близко.

— Так оно и есть, — сказал шериф.

— Помню, как дед рассказывал про бар в кактусовом городишке с хрустальной люстрой размером с Млечный Путь, и всякими бутылками с желтыми и красными этикетками, и зеркалом величиной с замерзший пруд, по которому деду, как только он напивался, хотелось покататься на коньках, и про красные кулисы, и отплясывающих девиц с медными волосами, про парней, ставящих ноги на подножку бара, про мешочки с золотым песком, про бильярдные шары, раскатывающие по зеленым столам, про игроков, на-

тирающих мелом кий, щелкающих картами под светом подвесных ламп, и про тренькающее пианино. Боже! Я запомнил этот бар и витающие в нем запахи так, словно я там был. Дед выложил мне все до последней мелочи, до узоров на древесине, вплоть до окурков в латунной плевательнице, каждый флешрояль и каждую розовую подвязку.

— И вот вы на Марсе, — сказал шериф.

— Именно! — Самсон Вуд лихорадочно вычесывал белые волоски из бороды. — Боже! В тот день, когда я прочитал, что первая ракета долетела до Марса, то не мог уснуть всю ночь. Распахнул окна настежь и глазел на звезды. Дозвонился до обсерватории в три ночи, чтобы узнать, какая из всей этой чертовой уймы звезд Марс!

Шериф рассмеялся.

Самсон Вуд тоже.

— Ну, они мне и говорят: красная над западным горизонтом, под утро. Я посмотрел. В самом деле. Так и есть. И я сказал себе: нет ни берега, ни моря, а новый рубеж, новый фронтир — вот он. Целая тыща фронтиров! Веками наносили на карту и строили в небесах. И я подумал, ах, был бы жив дед!

— И вы прилетели, — сказал шериф.

— Уложил в свой фибровый чемодан серебряные пистолеты, ковбойскую шляпу-ведро и заглянул в кубышку. За сорок лет я скопил тридцать тысяч долларов. Мне шестьдесят пять, сердце пошаливает. А ведь выгляжу неплохо, да? Выложил тысячу долларов за билет в один конец. Боже упаси, если мне здесь не понравится. С моими-то привычками тратить деньги на обратную дорогу может и не хватить. Я хочу завести свое дело. Не знаю какое. Что-то такое, что доставляет мне удовольствие. А то неудовольствия в моей жизни хватало через край. Может, для начала поплотничаю

малость. Потом, когда отойду от дел, еще не очень старым, обзаведусь в этой прерии хижиной, гитарой и буду петь своим внукам. Да, я еще собираюсь жениться, ей-богу, я еще буду годен для этого. Потом я расскажу своим детям про первый город, и про рубеж, и про все-все, что тут есть. Господи, шериф, я самый счастливый человек на Марсе!

— Черт побери, это уж точно, — усмехнулся шериф. — Вон взгляните! Пополнение летит!

Шериф и Самсон Вуд зашагали к неожиданно раскалившаяся посадочной площадке. Для охлаждения летного поля огромные снегометы обрушили лавину льда и снега, чтобы по нему можно было ходить. Словно по волшебству, закружила метель.

Люк первой ракеты откупорился. Люди в серебристых скафандрах сбежали вниз по переносному трапу, а следом за ними, не столь проворно, сошли настороженные пассажиры. Они стояли на земле с таким видом, будто она могла в любой миг разверзнутся у них под сапогами. Они сдвинули свои ковбойские шляпы на затылок, с прищуром уставились на синие холмы, и тонкие морщинки прорезались вокруг их зорких глаз, привыкших жмуrirься от солнечного света. Но в утреннем небе далекое солнце сжалось до снежного комка и стало едва ли не таким же холодным. В воздухе повеяло морозцем.

Самсон Вуд аж выронил чемодан.

— Чтоб я сдох! Боб Коу! Неужто ты?

Один из прибывших, мужчина в ладно сидящих джинсах с медными заклепками, забыл про самокрутку во рту да так и замер с ярлычком «Булл Дарема» в зубах и болтающимся кисетом. Он разжал зубы, и табак с папиросной бумагой разлетелись во все стороны.

— Самсон Вуд! Кого я вижу!

Они ринулись навстречу друг другу, закружились в шаркающей пляске, пихая и похлопывая друг дружку.

— Черт возьми, Самсон, что ты тут делаешь?

— А ты?

— Здесь вроде как моя стихия.

— Моя тоже!

— Коротышку Хикса видел?

— И он здесь?

— Не он один. Тут полно наших. Погляди!

По трапу неуклюже спускались еще двое парней с лицами цвета обожженной глины, яркими синими глазами, жилистые, как вяленая говядина.

— Самсон Вуд! — воскликнули они.

Все принялись похлопывать друг друга по спине, смеясь, топать с гиканьем и свистом. А Самсон Вуд поднял свой пистолет и выстрелил шесть раз, переполошив всех на летном поле.

— Ууууаааа! — возопили все хором.

* * *

Спустя час они сидели в поле гудящих бечевок, уплетая за обе щеки сэндвичи с ветчиной, прикладываясь к общей бутылке и весело переглядываясь.

— Самсон, дай-ка я на тебя посмотрю!

— Смотри!

Они сидели на корточках, раскачиваясь взад-вперед, и давились едой.

— Почему ты не сказал мне, что собираешься леть?

— Я и сам недавно решил.

— Я тоже.

— Сел в эту треклятую ракету по собственной воле, — объяснял Боб Коу, щурясь. — И кого, ты думаешь, яглядел в заднем ряду? Рыжего Андерсона!

А на верхней палубе — Элмер Дриско. А в баре — Бродяга Смит. Где же ему еще быть! И ни один не обмолвился другому, что собирается лететь! Ну и дела!

— Ну и дела! — подхватили все.
— Много еще летят ковбоев? — Самсон почувствовал, как у него заныло, зачастило сердце.

— Сотни!
— За чем же они летят?
— За тем же, за чем ты.
— Ну, мой дед...
— И мой...
— Значит, единогласно. Наши деды...

— Фронтир!

Поднялся всеобщий рев.

— Я гитару прихватил.
— И я.
— Я на своей играть умею.
— Значит, ни один из нас не прикидывается.

Они раскачивались из стороны в сторону.

Они притихли. Самсон Вуд посмотрел на поющие на ветру веревки неподалеку. Он оттянул одну из них и прислушался к ее дрожанию. Он посмотрел на парней, на небо и нащупал деньги в потайном поясе, обернутом вокруг его худой талии. Он дрожащими пальцами прикоснулся к деньгам и засияли краской, глаза засияли, и он решил не встремляться в разговоры ребят.

— Выращу семьсот голов скота. Скот здесь понадобится.

— А я овец.
— А ты, Самсон?

Самсон ушел глубоко в себя, погрузился в свой колодец, водя зажженной спичкой, продвигаясь в поисках своего пути. Теперь он медленно вернулся в свою компанию.

— Да вот думаю, — сказал он.

— О чём?

Перешептываясь, ребята с неподдельным детским любопытством придвинулись к нему, словно надеялись услышать красивую сказку.

— Я прилетел сюда в поисках чего-то. И сам не знаю чего, — сказал Самсон Вуд. — Я опасался, что не смогу это найти, но теперь оно пришло мне в голову, и я знаю, что я решил здесь совершить.

Все ждали, что же он скажет.

Самсон Вуд изрек:

— Теперь я знаю. Прибудет множество таких, как мы. Внуки своих дедов — все до единого! И будет правильно и отрадно, если к их прибытию они обнаружат здесь определенное заведение, наложенное и работающее на всех парах. Послушайте: если вы, парни, поможете мне с постройкой гвоздями, молотками, пилами, досками и прочим, то я возьму вас в долю. Как только отстроимся, вы сможете купить себе ранчо и еще получите от меня деньги на покупку скота, корма, семян, масла. Ну, так как?

— Что ты задумал?

— Значит, так, — сказал Самсон и, подавшись вперед, тихо улыбаясь, зашептал.

* * *

— Хорошенько обдумайте мое предложение, сэр, — сказал Самсон Вуд.

Мэр Пустого города, Несравненного города, Первого города, Города посреди ничего (как только его не называли) откинулся на холщовую спинку стула.

— Ограничения, — сказал он.

— Разве их нельзя отменить, сэр?

— Не знаю. Как вы сказали? Женщины?

— Ровным счетом дюжина, господин мэр. Сюда еще не прилетала ни одна женщина, сэр. Мужчины торчат здесь уже четыре месяца. Было бы разумно...

— Мистер Вуд. Вы же знаете, что никто не прибывает на Марс как турист. Ведь и вы прилетели сюда в качестве разнорабочего. Так? Вот видите.

— Разве нельзя зачислить этих женщин в категорию разнорабочих, ваша честь?

Мэр чуть не расхохотался.

— Ваша взяла! Но что я скажу женам на Земле?

— До Земли шестьдесят миллионов миль. К тому же половина парней — холостяки. Таковы условия контракта.

— Ладно, ладно! — вскричал мэр. — Завтра же подам заявку на дюжину разнорабочих!

— Благодарю вас, сэр.

И они пожали руки.

* * *

Стоял оглушительный грохот молотков. Суeta. Ободранные колени, отдавленные пальцы. Дома росли, как грибы после весеннего дождичка. Отовсюду веяло новизной и свежестью. Все выглядело на удивление чистым, добротным, безупречным.

— Подай мне молоток и гвозди, Боб.

Боб Коу стоял у подножия лестницы, возносившей Самсона Вуда под небеса.

— Отлично, а теперь — вывеску.

Раздался стук медленного, основательного приколачивания. Мистер Самсон Вуд спустился, и они впятером подняли пивные кружки и выпили, не отводя глаз от вывески, которая медленно занимала место в желтом солнечном освещении:

САЛУН «ТЕРТЫЙ КАЛАЧ»

Владелец С. Вуд.

Танцовщицы, развлечения.

Добрая еда и выпивка

И тут у них над головой сверкнула ракета с «разнорабочими» на борту.

— Местечко что надо, Самсон, — сказал шериф.

Они сидели на высоком балконе, глядя вниз на утопающий в дыму бар. Вдоль сверкающего бара, бок о бок, выстроились парни, позывая правой ступней о латунную подножку. Их мрачноватые лица прояснялись. Из хрустальных зеркал им в ответ поднимали бокалы их же отражения. На их взмокшие спины падали брызги хрустальных отражений с огромной люстры. В углу с кружкой пива в руках, пенящимся у поднятой крышки, некто в зеленом козырьке тыкал заскорузлыми пальцами в пожелтевшие клавиши пианино. За четырьмя столами перекидывались в картишки, играли в кости, скрипели стульями. Голоса то поднимались, то стихали. Из-за красных бархатных кулис «стреляли» голубые эмалевые глазки. Девушки готовились вырваться на сцену в вихре белой плоти и розовых движений, как только засышат барабанную дробь.

— Весь Техас тут собрался, — сказал шериф. — Мне кажется, будто я персонаж из второсортного фильма, вроде тех, на которые я пробирался «зайцем» в детстве.

— Весь Техас, Оклахома, Вайоминг и Колорадо в придачу, — сказал Самсон Вуд. — Не знаю, на что будут похожи другие города. Какие-то — на Бронкс, какие-то — на Баварию, Швецию, Лондон. Время все расставит по местам. Мы здесь первые. Трудяги, беглые каторжники и сорвиголовы всегда приходят первыми.

— Горстка прожженных романтиков, — заметил шериф. — Вот что я понял. Парням, которым всегда хотелось поиграть в ковбоев, наконец выпал такой шанс. Самсон, ты совершил здесь великие дела, утолил большую жажду. Боже, все безупречно, как алмаз. Этот бар переселился к нам прямиком из девятнадцатого века!

— На той неделе прибывают две дюжины платьев из синего бархата, — поведал Самсон, попыхивая длинной тонкой сигарой и приводя в порядок бородку клинышком, поправляя серый лацкан своего безупречно сидящего костюма-тройки. Его серая шляпа лежала на столе, а серебристые локоны были величественно зачесаны за розовые уши.

— Я еще люстры прикупил. Краше, чем эта. Еще дюжина девиц прилетает для верхней комнаты. Я купаюсь в деньгах, шериф, но ощущаю себя бездарным актеришкой. Но это здорово. Этого я и добивался. Я не отступлю. Кому еще в мире выпадал шанс воссоздать историю? А здесь, пожалуйста! Уже пошло-поехало: линчевание, скотокрадство, все, что душе угодно! Чувствуешь себя человеком!

— Скоро сюда нагрянут жены с церковниками.

— Да ради бога! У нас еще есть пара часов в запасе. — Самсон Вуд добродушно распространялся. — У меня погребок с винами и ликерами тысяча восемьсот семьдесят шестого года. Ранчо из сырцового кирпича за городом. Стадо коров завел. Походную кухню построил. Мои старинные друзья, что работают со мной, даже начались играть на гитаре. Слышал бы ты, как я играю «Беги, собачка». Шериф, у нас отобрали всю романтику. Я вырос в эпоху, когда нельзя было ездить на буферах товарных вагонов, потому что они упразднили буфера. И нельзя было «голосовать» на шоссе, потому что все штаты приняли против этого законы. Тому, кто просто

решил убежать, ничего не оставалось делать. Это сидит в каждом человеке: рано или поздно ему захочется по-путешествовать налегке. Я слишком долго ждал, прежде чем пуститься в бега, как и остальные. А теперь мы своего добились. Посмотри на них там внизу. Полюбуйся на мое уютное гнездышко!

Шериф всмотрелся в бушующий бедлам и геенну огненную.

Когда он обернулся, Самсон Вуд был мертв.

* * *

На толстой квадратной кедровой доске было тщательно выведено его имя и напутствие. И стояли они, парни с широкополыми шляпами в руках, в сапогах, на мягкой земле, а женщины с меловыми лицами и горящими глазами слушали слова шерифа:

— Самсон Вуд всегда мечтал обрести старинный Дикий Запад. И обрел его. Он хотел участвовать в чем-то новом и особенном. И добился своего по всем статьям. Его будут помнить столько, сколько здесь будут жить люди, ибо сегодня он совершил то, чего никому еще не удавалось.

Шериф кивнул на надгробие:

САМСОН ВУД
Родился в 1935 — умер в 2000

*Он хотел быть первым.
Первым гражданским лицом, почившим на Марсе.
Погребенным на Марсе. Оплаканным на Марсе.
Да покоится его прах с миром!*

Когда они возвращались с нового кладбища, над ними пролетела огнедышащая ракета. Уж не жены ли это с попами пожаловали, подумали они.

Колесо

Всю дорогу они пели. Распевали «Иешуа узрел колесо» и «Ступай, Моисей» и уйму других гимнов. Увлеклись всевозможными песнопениями и проморгали Марс. Прозевали Марс и вернулись его искать, но опять промахнулись. Стали высматривать Землю и снова — мимо. Наконец сели на Венеру. А на Венере, оказывается, жаркие джунгли. Достаточно разбросать семена, и через час они прорастают. И жилищ не нужно, хватает и навесов от зноя и дождя. Тут они и поселились, эти чернокожие. Куда они подевались, никто так и не узнал. А им только этого и надо.

Свадьба

На Марсе стояла чудная августовская ночь. Двойные луны разогнали тьму своим свечением, и теплое небо усыпали неисчислимые звезды. Лучшей ночи для свадьбы не придумаешь.

Мистер Самуэль Пейс нарочито долго наводил блеск на свои туфли, прежде чем подойти к окну и посмотреть вниз на открытый двор древнего марсианского особняка. Повсюду были разожжены факелы, горевшие то голубым, то зеленым, то рубиновым огнем. От освещения столы с долгожданным угощением замелькали перед глазами, столовое серебро заплясало, вино заиграло в хрустальных чанах. Смолистая древесина факелов и цветы, срезанные на самых дальних холмах Марса, источали изумительный аромат.

— Который час? — спросил мистер Самуэль Пейс.
— Спрашиваешь третий раз за пять минут. Без пяти восемь.

Томас Квинн, его шафер, улыбнулся ему.

- Где гости?
- Они придут. Не волнуйся.
- Элта готова?
- Да, конечно. Не беспокойся.
- Хочу, чтобы все прошло гладко.
- Все так и будет. Смотри.

Мощный ракетный корабль расцветил небеса огромными лепестками пламени и зашел на посадку поодаль от двора. Из корабля высыпали люди в серебристой униформе Космической службы. Они помахали стоявшему в окне Пейсу и что-то прокричали, но он не расслышал.

- Наконец-то. Явились, — сказал он.
- Ты же знал, что они придут.
- Зачем придут? Поглазеть, как я женюсь на марсианке, на аборигенке? Не знал я ничего.
- Но они же пришли. Да хватит уже переживать.

Он встал перед зеркалом и посмотрелся в него, взглянул на синий мундир с литыми серебряными пуговицами капитана Космической службы, на сияющие черные ботинки и звезду у сердца. Он смахнул с плеча ворсинку и сказал:

- Ладно. Я готов.
- Пойду скажу Элте.

* * *

После свадьбы решили устроить грандиозный фейрверк. Звенья по семь ракет должны были пролететь, оставляя шлейфы лилового, золотого, алого и голубого пламени, которое стечет, словно потоки горящих чернил сквозь прозрачный стакан воды, расплываясь и окрашивая ночь. Их обращенные ввысь лица озарились бы золотыми сполохами, металлическими бликами, тусклые глаза вспыхнули бы, они ощутили бы не по сезону раскаленные серебряные жаровни, проплывающие над головой.

Потом пришли бы соплеменники Элты со своими танцами и арфами, поющими человеческими голосами про свадьбы десятитысячелетней давности, и с

другими инструментами из хрусталя и фольги, наподобие ветра в кронах деревьев, под ритмы которых женщины танцевали бы в масках из синей медной сетки с колокольцами в руках.

Он постучал в ее дверь:

— Это я, Элта.

Дверь стремительно распахнулась, и он обнял ее, сильно напуганную.

— Они не приедут. Они не приедут.

Она расплакалась, и он не знал, что еще он может сделать, кроме того, что обнять и приласкать.

— Напрасно мы это затягивали. Не нужно нам жениться. Никому это не нравится. Ни твоим, ни моим. И нам потом не понравится.

Он обнял ее еще крепче.

— К черту их всех. Не нужно мне ничьих разрешений. Мы обо всем уже договорились.

— Я знаю, знаю. — Она подняла глаза, посмотрела на него золотистыми очами, и слезы со щек улетучились. — Со мной все в порядке. Просто мне кажется, они не придут.

— Я тоже так думал, но смотри — ракета и наши ребята. А вот и твоя родня.

В самый разгар свадьбы ее близкие обратились в дымку. Это было магическое воздействие. Они не одобряли.

В самый разгар свадьбы на Земле выяснилось, что все гости, хозяин и хозяйка — роботы!

Она тоскует по Марсу.

Он тоскует по Земле.

Он удил рыбу в прозрачном холодном ручье на Марсе, коротая тихие выходные в одиночестве, как ему всегда нравилось — с небом и землей, снастями и стрекотанием спиннинга, и сачком в руке, чтобы вылавливать диковинных существ, считающихся на

Марсе рыбой. Потом он поднял глаза, а там — эта женщина смотрит на него. Ее глаза напоминали золотые монеты, вроде тех, что ему в детстве подарил дедушка, которые он сохранил с тех пор, как золото оказалось вне закона. Он до сих пор носил эти червонцы в кармане, в качестве секрета между ним и покойным дедом, в качестве заговора против правительства. И вот перед ним женщина с глазами — золотыми монетами, ровными розовыми губами в полуулыбке, с прямой осанкой и волосами цвета медной нити, кожей цвета белого молока, опять-таки с оттенком расплавленного золота.

Он стоял с удочкой в руке.

— Привет, — сказал он.

Она ответила:

— Я марсианка Элта.

— Здравствуй, Элта.

— Что ты делаешь?

— Ловлю рыбу.

— Странный способ. Ведь достаточно их позвать, и они сами придут.

Он улыбнулся.

— Ты не веришь, — сказала она.

— Не верю.

— Ладно. — Она их позвала. И рыбы пришли.

И в любой день ты можешь купить билет и полететь на серебристой ракете на Марс. На полпути от зеленой Земли и красного Марса ты найдешь небольшой мирок, раскачивающийся в черной космической ночи, где половина холмов зеленые, а половина — красные, половина рек — синие, а другая половина — подобна вину. Половина деревьев — вязы, с другой половины деревьев опадает огонь. У половины детей глаза голубые, а у второй половины — как расплавленное золото. И вы увидите дом, наполовину — со-

временный американский и наполовину — из марсианского хрусталия. Из него в полдень доносятся звуки электрического радио и пение арфы. А в окно можно увидеть Самуэля Пейса и его жену Элту, со смехом любующихся, как их дети носятся по марсианской лужайке, утыканной канзасскими подсолнухами.

А ты летишь дальше, на Марс, оставляя их посередине.

Празднество

Кто-то предложил отведать вина на ужин. И тогда Чарли принес из погребка запыленную бутылку и откупорил.

— Который час? — спросил он.

— Ну-ка, посмотрим. — Билл поднес часы к глазам. — Около семи.

После полудня в горячем безмолвии трое мужчин в каменной комнате пили пиво под бормотание радио. Теперь, после заката, они опять застегнули рубашки.

— Одно радует, что моя сестра сегодня вечером в горах, — сказал Уолтер.

— Все равно она узнает. На вилле есть телеграф?

— По последним сведениям, он вышел из строя. — Уолтер постучал пальцами по каменной столешнице. — Ожидание меня убивает. Я бы предпочел не знать. А только смотреть вверх на то, как это происходит, недоумевать и не иметь времени задуматься.

— Допустим, это случится в этот вечер? — Билл раздал стаканы прохладного вина. Он жарил на официной плите внушительных размеров яичницу с томатным соусом и свежей ветчиной.

— Как знать? — сказал Чарли.

— Говорят, эта радиограмма, возможно, последняя перед молчанием.

Уолтер отворил большое окно. Небо было ясное, темное, насыщалось звездами. Над поселением у подножия холма висело молчаливое тепло, словно от дыхания. Вдалеке, у горизонта, пролегал мерцающий канал.

— Странная планета этот Марс, — заметил Уолтер, выглядывая наружу. — Я даже не мечтал когда-нибудь здесь очутитьсяся, за пару миллионов миль от дома.

Снизу раздались голоса. Два темных силуэта, спотыкаясь, двигались по переулку.

— Это Джонсон и Ремингтон, — сказал Уолтер, — уже напились до чертиков. Боже, как я им завидую!

— Если есть такое время, когда бы мне не захотелось захмелеть, так это сегодня ночью, — сказал Билл, выкладывая ложкой яичницу на три каменные тарелки. — Где твой сын, Уолт?

Уолтер возвзвал из окна к темноте вечерней улицы:

— Джо!

Спустя миг ему ответил издалека слабый голосок:

— Пап, ну можно я еще погуляю?

— Нет! — откликнулся Уолтер. — Иди ужинать!

— Но я могу пропустить, — пожаловался Джо, медленно, нехотя поднимаясь по задней лестнице.

— Поешь и снова беги на улицу, — сказал Уолтер, когда все уселись за стол.

Десятилетний русый мальчик поглядывал на дверь и быстро ел, орудуя ложкой.

— Не торопись, — предложил отец. — Еще кому-нибудь вина?

Быстро разлили вино.

За ужином немного разговорились.

— Моя тарелка вычищена; можно я теперь пойду, пап?

Уолтер кивнул, и мальчуган убежал. Его шаги удалялись по переулку.

Билл поинтересовался:

— Он на Земле родился?

— Нет, здесь, в поселении Марс, в тысяча девятьсот девяносто первом году. Его мать спустя два года со мной развелась. Вернулась на Землю. Джо остался со мной. Психолог утверждал, что космический перелет и смена среды будут труднопереносимы для Джо; так он и остался у меня.

— Должно быть, эта ночь будет для Джо особенной.

— Да, он взволнован. Конечно, это для него ничего не значит. Только очередное развлечение, что-то новое, невиданное.

— Давайте сменим тему? — Чарльз стукнул ножом и вилкой об стол. — Который час? — Кто-то ему подсказал. — Еще вина, — он разинул рот, держа бутылку дрожащей рукой.

— Сегодня вечером марсиане у себя в деревне празднуют на всю катушку, — сказал Билл, помогая убирать со стола. — Я их не виню. Мы заявились на своих ракетах колонизовать Марс, не спросив у них, хотят они этого или нет. Сколько землян осталось на Марсе, Чарли?

— Тысяча, не больше.

— Значит, мы ничтожное меньшинство. А два миллиона марсиан, очевидно, заслуживают празднества в такую ночь, как эта. Они объявили всепланетные народные гуляния! Позакрывали школы и все такое. Провозгласили День Великого Фейерверка. Всякие хлопушки-щухи.

Они вышли посидеть на балконе каменного дома, покурить.

— Наверняка это случится не сегодня вечером, — улыбаясь, сказал Чарли, у которого на верхней губе проступили капельки пота.

— Не будем обманывать себя, — сказал Уолт, доставая свою трубку.

— Мой ребенок сейчас носится по городу и волит вместе с марсианскими ребятишками в гуще большого торжества. Он и сам почти марсианин. Это случится сегодня, и точка.

— Интересно, как с нами поступят марсиане?

Уолт пожал плечами:

— Никак. Что они сейчас переживают, боже мой! Не прикладывая рук, не притрагиваясь к Фейерверку, марсианин может любоваться Спектаклем. Думаю, они оставят нас в покое из чистого любопытства. Еще бы — ошметки цивилизации, которая сама себе подожгла хвост, так сказать.

Билл медленно выпустил дымок.

— У меня отец живет в Лейк-Блафф, штат Иллинойс. Боже, как он ненавидел коммунистов!

— В самом деле? — усмехнулся Чарли. — Летом тысяча девятьсот восьмидесятого года я трижды проезжал через Лейк-Блафф. Мне было двенадцать.

— Надо же, — сказал Билл.

Они сидели в темноте с тлеющими сигаретами. Шарканье бегущих ног, возгласы, хохот стали доноситься все громче. Играла карнавальная музыка, со свистом рвались петарды. Чем больше сгущались тени на улицах, тем чаще мерцали огоньки свечей в наклонных каменных домах.

— Они лезут на крыши, чтобы получше разглядеть спектакль, — тихо сказал Билл. — Некоторые поднимаются на холмы. Знатный будет у них вечерок. Можно устроить пикничок с закусками, посидеть на вершине холма, дождаться большого представления и, может, позаниматься любовью. Красота!

— Дивный вечер. Вы бывали летом в Чикаго? — вдруг спросил Чарли. — Такая жара. Я думал, окочурюсь.

Все огни в городе погасли. На притихших холмах люди устремили взоры к небу.

— Странно, — сказал Билл. — Я только что вспомнил Центральную школу в Меллин-тауне, штат Висконсин. Сколько лет о ней не вспоминал. У нас была училка, старая дева по имени Ларриби и... — Он сделал паузу, пригубил вина и не стал продолжать.

По лестнице, задыхаясь, взбежал сын Уолта.

— Уже пора? — Он плюхнулся на папино колено.

— Разве ты не будешь проводить вечер с деревенскими мальчишками? — спросил Уолт.

— Нет. Я останусь с тобой, — сказал Джо. — Ведь ты родился в Нью-Йорке, — объяснил он.

— Спасибо, — сказал Уолт.

— Кто затеял сегодняшнее представление, фейерверки, папа?

— Кабы знать!

На востоке взошла зеленая звезда.

Внизу, по городу пробежал гул.

— Это Земля там, в небе, папа? Расскажешь мне про декорации и фейерверки?

— Их строили много людей, на них ушла куча денег и времени.

— Сколько времени?

— Лет пятьдесят.

— У-у, как долго!

Уолт обнимал сына, и ночной ветер медленно и трепетно поднимался по переулкам.

— Я ничего не вижу, — сказал Джо.

— Тихо, — прошептал отец. Они затаили дыхание.

Земля отчетливо зеленела в небесах.

— Черт, — сказал Чарли. — Это ложная тревога. Откупорю-ка я еще бутылку и... — он начал привставать.

Небо разорвалось.

— Вон! — вскричал Билл.

Они отпрянули, когда небо обожгло их белизной.

Объятая пламенем, Земля бурно разрасталась вдвое, вчетверо. Огонь беззвучно отогнал тьму. Подобно гигантскому красно-зеленому сполоху. Воздетые кверху лица на холмах, в окнах домов, на крышах, в долинах, на речных берегах, и длинных каналах, и мертвых морях. В глазах троих наблюдателей на мгновение вспыхнул белый огонь.

Свечение угасло.

На холмах раздался всеобщий гул ликования, бой барабанов, крики. Джо повернулся к отцу:

— И это все?

Трое мужчин сжимали неприкуренные сигареты в обвисших руках.

— Это все, — сказал Уолт, смежив веки. — Представление окончено.

— А когда будет повтор? — полюбопытствовал Джо.

Уолт резко поднялся.

— Вот ключ от погреба. Сбегай вниз и принеси четыре бутылки вина. Молодчина.

Они сидели, не проронив ни слова, на холодном балконе до тех пор, пока мальчик не принес бутылки из погреба.

Экспресс «Нефертити — Тутанхамон»

*Конец XIX века, закат Викторианской эпохи.
Транс-Египетская железнодорожная магистраль.*

На исходе лета 188... года из Каира отходит и направляется в пустыню поезд, состоящий из локомотива, тендера, цистерны с водой и трех-четырех вагонов с пассажирами, представляющими из себя пестрое смешение египтян, европейцев, англичан и англичанок, что, конечно, даже лучше, чем европейцы.

На закате посреди пустыни из барханов по поезду стреляет пушка.

Тендер — вдребезги, и из него вываливается большая часть дров и/или угля.

Пушка стреляет вновь, но, ко всеобщей радости, взрывается.

Поезд продолжает катиться, но в конце концов от нехватки топлива замедляет ход и останавливается близ небольших заброшенных египетских развалин, принадлежащих иной эпохе.

Пассажиры рыщут в поисках горючего, но не могут найти ни деревьев, ни дров, ни хвороста.

И тут, подгоняемые недолгой песчаной бурей, пассажиры набредают на остатки древнего египетского некрополя.

Они попадают в подземный коридор, где находят не одну-две, а десятки мумий.

Некоторые мумии имеют полуцарственное происхождение, но большинство — прислуга и простолюдины.

Находящийся среди пассажиров археолог, конечно, нескованно рад находке.

Что до остальных, то им попросту хочется ехать дальше, пока их не нагнали арабы или те, кто в них стрелял.

Тут машинист локомотива, разглядывая мумии и принюхиваясь к воздуху, говорит, что тела по традиции сохранялись в смоле.

Лучшего топлива не придумаешь.

Остальные пассажиры глазеют на машиниста.

Что он хочет этим сказать?..

— А почему бы и нет? — говорит он, пожимая плечами. — Давайте вынесем мумии и загрузим на растопку в локомотив, вместо топлива!

Пассажир египтянин протестует.

Ужаснувшись, археолог протестует еще решительнее.

— Но, — возражают машинист с кочегаром, — это же не царские мумии, а слуги и люди из низших слоев общества.

Они уже три тысячи лет как мертвые.

Они возражать не станут.

— О боже! — возмущается археолог. — Они могут быть фараонами, их близкими, с которых сотню лет назад гробокопатели сорвали золото и каменья.

— Действия — красноречивее слов, — говорят машинист с кочегаром, начиная выносить мумии в ветреную ночь.

— А вы останетесь, чтобы банды арабов вас убили?

Нехотя за ними следом идут остальные. Некоторые несут мумии, некоторые — нет.

Археолог и египтянин стоят, пытаясь вмешаться, но они не в силах помешать происходящему, так как остались в меньшинстве.

К застопоренному поезду тянется мрачная нелепая процессия.

Мумии ставят стоймя в развороченный тендер.

Археолог и египтянин подходят и становятся рядом с локомотивом, глядя вверх.

— Принимай Нефертити! — кричит кочегар.

— Принимай Клеопатру! — кричит машинист.

— Принимай Тутанхамона!

Они бросают три мумии сквозь открытую дверцу прямо в топку локомотива.

Большая машина издает вздох.

Из клапанов наверху локомотива вырывается большое облако ослепительных летучих и мерцающих искр.

Раздаются тяжкие стоны неприкаянных душ.

Поезд сам по себе зарокотал и протяжно запел.

Присутствующие при этом изумленные пассажиры стоят внизу, на земле.

Машина приходит в движение сама по себе.

Пораженный машинист кричит, чтобы все поднимались на борт.

Пассажиры бегут, карабкаются.

Локомотив, стеная, гудя, пыхтя и выбрасывая большие снопы искр, бежит по рельсам.

Лишь в последний момент ошеломленные египтянин и археолог вскакивают на подножку хвостового вагона.

И поезд, вращая колесами, уносится в ночь, оставляя позади гигантские пламенеющие, искрящие стяги.

Мы видим, как поезд пересекает местность, в которой слышны грохот фараоновских колесниц и приглушенные голоса растревоженных душ.

Кочегар и машинист скалят зубы, довольные своей отменной задумкой, заталкивают в топку побольше мумий и ЗАХЛОПЫВАЮТ дверцу!

Пассажиры поезда готовятся отойти ко сну.

Пытаясь уснуть, археолог слышит перешептывание и шарканье в коридорах.

Плач и причитание женских голосов.

Перезвон ручных тарелочек и пальчиковых колокольчиков.

Кто-то скребется в дверь купе археолога.

Поезд закладывает длинный вираж.

Шлейф искр вылетает из паровозной трубы.

Археолог оборачивается, садится.

И снова поскребывание у двери, ласковый перезвон колокольцев.

Локомотив протяжно гудит и прерывисто дышит, скрежеща на повороте.

Из трубы вырываются искры.

Археолог резко распахивает дверь.

В дверной проем проникают истогнутые вздохи, тихое позвякивание бубенцов, клубы праха и пепла.

Пыль оседает на пол к ногам археолога.

Он выглядывает в коридор, где отплясывают тени и слышны шорохи — никого.

Отворяется дверь в соседнее купе.

Из него выглядывает ошарашенный египтянин.

На мгновение они смотрят друг на друга, а затем вперед на локомотив, проламывающий полночный ландшафт.

Археолог склоняется, чтобы прикоснуться к пеплу, растирает пыль пальцами.

— Это всего лишь пепел, — говорит он.

Пыль опадает и уносится поземкой по полу, шелестя древними голосами.

— Нет, — говорит египтянин. — Боже! Все боги! Помогите нам! Мы не доживем до утра!

Он захлопывает дверь.

Археолог ложится спать.

Кочегар и машинист, счастливо ухмыляясь, отправляют мумии в топку.

Довольный, кочегар заглядывает в пылающий Ад топки, всматривается, прищуривается и изумляется.

В топке мумии, вспыхивая, как факелы, на миг превращаются в золото.

Они облачаются в золотые доспехи.

По их плечам растекаются золотые эполеты.

Головы — увенчаны коронами.

Грудь покрыта золотым пергаментом, на котором начертанные глаза, ястребы, крокодилы с разверстыми пастьюами корежатся, исторгают вопли, подмигают, сгорают.

Топка изнутри выстлана мертвцами, полыхающими, словно костры, но стоящими прямо, подобно золотым изваяниям.

— Что там? Что? — вскрикивает машинист, орудующий рычагами управления.

— Посмотри! — вскрикивает ошеломленный кочегар.

Но как только машинист подходит, чтобы взглянуть, поезд делает поворот.

Его отбрасывает в сторону.

Дверца топки захлопывается.

Он ничего не видит.

В ночи в поезде на мгновение воцаряется тишина.

Но затем шумы возвращаются.

Под окнами раздается долгий шелест, словно разворачивается струящийся папирусный свиток.

Пассажиры тут и там просыпаются и видят, как под каждым окном полощутся искрящиеся флаги.

Египтянин всматривается в свое окно по одному борту поезда, археолог — по другому.

Во тьме кажется, будто бровень с поездом скачут незримые кони и колесницы.

Колеса поезда горят золотом.

Большие тяги-шатуны локомотива сияют, как жар.

Весь корпус паровоза переливается, как на солнце.
Из паровозной трубы — сноп раскаленных искр.
Теперь уже все бодрствуют и разглядывают из окон
пустыню и потусторонние мертвые города, через ко-
торые идет поезд.

Но как только поезд проходит мимо кладбищ, те
пробуждаются.

Поезд гудит, истошно им сигналит.

И вот пассажиры видят:

Мертвых, восставших из могил, призванных скорб-
ными криками и стенаниями из поезда «Нефертити—
Тутанхамон—Хотеп—Клеопатра», проходящего мимо
в неурочный час.

На стенах гробниц замерцали и оплыли барельефы.

В дверных проемах усыпальниц стоят мумии еги-
петских принцев и принцесс, пронирая свои блестя-
щие лазуритовые глаза.

Поезд прибывает и отбывает, приходит и уходит,
пробиваясь сквозь угодья мертвых.

Десятки, затем сотни и тысячи призрачных соз-
даний возникают по обе стороны железнодорож-
ного полотна, воздевая обмотанные тканью руки,
стонут.

Египтянин врывается в купе археолога.

— Боже! — кричит он. — Что это? Кто они?

— Возможно, — говорит археолог, — мужчины,
женщины и дети, возводившие пирамиды.

В ночи, на далеком горизонте проплывают при-
зрачные очертания Пирамид.

— Боже! — говорит археолог. — Да они же ровес-
ники Сфинкса!

Где-то во тьме ночной маячит Сфинкс, словно его
только что изваяли.

Поезд вгрызается в толпы, и скопища, и сонмы
душ, мумий древнего Времени и Прошлого.

Молодая женщина в своем купе в конце вагона слышит звуки, встает, отворяет дверь, выглядывает, смотрит назад.

Служебный вагон в хвосте поезда.

Испускает свечение.

Оттуда доносятся песнопения и бормотание.

Молодая женщина, по зову музыки, колокольчиков, нежного пения и золотого сияния самого вагона, выходит в тамбур спального вагона и открывает дверь, чтобы взглянуть на служебный вагон... позолоченный, испещренный очами, крыльями и символами, которые видоизменяются прямо у нее на глазах.

Она входит в последний вагон.

Стоило ей ступить на тормозную площадку...

Как дверь, ведущая во мрак последнего вагона, распахивается настежь.

Она изумленно смотрит.

Внутри во тьме сидят фигуры, облаченные, насколько хватает взгляда, в золото, мониста и драгоценные камни.

Дверь захлопывается и отворяется снова.

Она вскрикивает. Моргаet. Глазеет.

Теперь внутри сидят одни лишь облупленные, иссохшие мумии, рассыпающиеся в прах, уносимый стремительным огненным ветром.

Весь поезд содрогается.

Каркасы двух вагонов разламываются.

Сцепка двух вагонов лопается.

Женщина вскрикивает.

Слишком поздно... Поезд уходит вперед.

Она оказалась отрезанной в последнем вагоне, который отстает и замедляет ход.

На тормозной площадке вагона появляется египтянин, пытаясь дотянуться до нее.

Молодая женщина пытается дотянуться до него из оторвавшегося вагона, но тщетно.

Поезд дергается.

Египтянин с криком летит на пустынную землю.

Служебный вагон замедляет ход и почти останавливается. Молодая женщина оборачивается и заглядывает внутрь:

В брошенном вагоне сидят мертвецы, уставившись на нее.

Напоследок мы видим, как вагон и она растворяются, оставаясь далеко позади, и окончательно исчезают из виду.

А поезд летит вперед.

Египтянин, упав на камни и песок, вскрикивает.

Лежа в пустыне, он слышит грохот колесниц, топот коней.

Дует ветер.

На него обрушивается пыль.

Галька и кусочки перекати-поле поглощают его вместе с грохотом колес и возгласами людей.

Он прячет голову, затем стремительно исчезает из нашего поля зрения, словно кавалькада колесниц подминает его под себя, уволакивая во тьму.

Поезд несется вперед.

На тормозной площадке теперь уже последнего вагона археолог, привлеченный криками, вглядывается назад:

Рельсы и растворяющийся во тьме, оторвавшийся служебный вагон.

В воздухе над поездом пляшут золотые червонцы искр.

Он пробирается к локомотиву.

Здесь кочегар, оправившийся от временного потрясения, втискивает в топку очередную мумию.

Археолог вскрикивает, чтобы остановить его.

Кочегар оборачивается.

В это мгновение из топки высовываются горящие руки в подтеках смолы и...

Схватив кочегара, затаскивают его в топку.

Дверца захлопывается.

Машинист глазеет на происходящее разинув рот.

Из его развернутых уст доносятся голоса тысяч мертвых душ.

Услышав это, он отшатывается и...

Падает под колеса поезда,

Которые перемалывают его, оставив позади.

Теперь археолог в ответе за мчащийся поезд.

Который он пытается остановить ударами по рычагам управления.

В первом вагоне, у него за спиной, в ужасе столпились гоносящие пассажиры.

Поезд делает длинный поворот, раскачивается, чуть не слетая с рельс, рассыпая искры из воющих труб. Синие и золотые раскаленные искры летят из-под скрежещущих колес и рельс.

Пассажиры смотрят как:

Археолог, пыхтя и обливаясь потом, колотит по рычагам.

— Остановите поезд, спасите нас, остановите, спасите! — умоляют пассажиры.

По обе стороны поезда раздается лязг и грохот колесниц, вопли неупокоенных душ, подгоняющих поезд навстречу гибели.

Вот уже весь поезд окружен исполинским роем искающих светляков.

Поезд тянет за собой в ночи длинный язык пламени.

Как только поезд проходит по огромному мосту, тот всыхивает.

Как только проходит поезд, мост обрушивается, вздымая клубы пепла и пламени.

Пассажиры оглядываются назад, смотрят вперед.
На холмы и утесы, на мосты и скалы, на разрушение.

Археолог смотрит на объятых ужасом пассажиров,
а затем на:

Дверцу топки, которая отворяется, захлопывается,
затем раскрывается, а внутри маячат руки, пальцы,
разинутые рты.

Он осмеливается дотянуться до дверцы и распахнуть ее настежь.

От такого безумия у пассажиров захватывает дух.

Археолог что-то шепчет.

Он склоняется, чтобы прикоснуться к скоплению
пыли, пепла и сажи на полу локомотива.

В ответ пламя то ревет, то переходит на шепот.

Он наносит пепел на лоб, на щеки, на подбородок
и полуобнаженную грудь.

В ответ пламя стонет и бормочет.

Пассажиры смотрят на это, а тем временем:

Поезд перемалывает ночную тьму.

Смежив веки, археолог опускается на колени.

Языки пламени вырываются наружу.

Руки тянутся из огня, но отдергиваются, заслышиав
его шепот.

На правой ладони он угольком чертит «глаз».

Он протягивает ладонь, чтобы символ глаза был
обращен к пламени.

Большой поезд исторгает стоны и вздохи.

Пламя начинает угасать.

Медленно-медленно археолог говорит и шепчет,
искры в паровозных трубах опускаются все ниже.

Руки и языки огня отступают в топку сквозь распахнутую дверцу.

Поезд останавливается посреди пустоты.

Пассажиры сходят с поезда на завывающем ветру
пустыни.

Археолог на последнее мгновение остается на полу локомотива.

Археолог срывает с себя пиджак, рубашку, наручные часы, кольца, бумажник, паспорт и, наконец, фотографии родных людей и бросает в огонь.

— Все, что у меня есть, отдаю во искупление. Примите и простите.

Огонь тяжело дышит и бормочет.

Огонь вздыхает и урчит, когда в печь летят семейные фотокарточки.

Археолог отступает и сходит с поезда.

Покинувшие поезд пассажиры стоят посреди пустыни.

А поезд трогается сам по себе, оставляя их в ночи в полном одиночестве.

И в каждом окне уходящего поезда стоят египетские мертвецы. В каждом окне на мгновение видны иссохшие бурые мумии.

Пассажиры глазеют на то, как:

В следующий миг в каждом окне мелькают цари и царицы, принцы и принцессы в золотых коронах и одеяниях, испещренных знаками и символами.

И вот поезд исчезает из виду.

Дует ночной ветер.

Пассажиры провожают поезд взглядами, а затем изумляются, когда у них за спиной возникает верблюд с восседающим на нем арабом.

Они обмениваются взглядами.

— Далеко ли до ближайшей деревни?

— За холмом, господин, за холмом, — показывает погонщик верблюда.

Из-за холмов виднеется зарево.

Все поворачиваются и смотрят.

Вдалеке мы видим свечение в небесах.

— Что это, солнце восходит в этот ночной час?

Мы-то знаем, что это исчезающий поезд, охваченный напоследок огнем и разрушением.

— Нет. Это закат солнца, закат древнего египетского светила на вечные времена. Это Ра. Вот он, уходит.

Вдалеке полыхает пожар.

Огонь гаснет.

— Кто вы? Что тут происходит? Что здесь приключилось этой ночью?

Археолог оглядывается на пассажиров, качает головой, закрывает глаза в полуулыбке облегчения.

— Этого не высказать словами. Этого никому не дано узнать.

Они начинают двигаться вместе с погонщиком верблюда прочь от холмов и полотна опустевшей железной дороги.

Дует ветер.

Над вершинами далеких холмов вспыхивают последние искры и тают, как светлячки.

Все погружается во тьму, доносится перезвон бубенцов, мелодия и...

КОНЕЦ

Затерянные в недрах времени

(Отрывки из беседы с Рэем Брэдбери у него дома)

Однажды мне позвонил мой друг мультипликатор Чак Джонс («Кролик Баггс», «Бегун» и т.п.) и говорит: «Рэй, сегодня я прочитал совершенно несусветную вещь». И пересказывает мне потрясающую историю про то, как в XIX веке британские машинисты жгли в топках египетские мумии вместо горючего. Идея пришла ко мне почти мгновенно, и я бросился прочь от телефона. Я буквально бегом помчался к печатной машинке и написал стихотворение «Экспресс "Нефер-

тити — Тутанхамон"», опубликованное впоследствии в моем сборнике «Там, где роботы-мыши и роботы-люди снуют по роботам-городам».

Но стихов было недостаточно, так как замысел продолжал занимать меня до тех пор, пока я не переписал его в виде литературного сценария (полный сюжет, но без диалогов, без режиссерских указаний и т.д.). В 1976 году я поместил сценарий в свой архив, намереваясь вернуться к нему позднее, но забыл, в какой он папке, до тех пор пока в конце 1990-х годов я снова его не обнаружил. Первоначальный порыв давно меня покинул, но сюжет был мне по-прежнему по душе. Через пару дней я собирался во Францию и отправил рукопись Харлану [Харлану Элисону, лауреату премии «Хьюго»], чтобы он посмотрел, что с ней можно сделать, может, вдохнуть в нее новую жизнь, пока я в отъезде. У Харлана гораздо больше опыта работы на телевидении, и он славно потрудился на благо классических телевизионных программ «Дальние рубежи» со своими вещами — «Демон со стеклянной рукой», «Воин», «Стартрек». Добычу — пополам. К сожалению, из предложенного предприятия ничего не получилось. Мне казалось, я сохранил экземпляр сценария в своих бумагах, но, судя по всему, ошибался. И сценарий опять исчез!

Рэй Брэдбери

Прочтение фильма

(ГАРРИ ДЖИАННИ ПЕРЕДЕЛЫВАЕТ ФИЛЬМ В СТОП-КАДР)

Вы когда-нибудь читали фильм? Или если перефразировать сказанное, «Вы когда-нибудь смотрели книгу»?

«Экспресс "Нефертити — Тутанхамон"», принадлежащий перу Рэя Брэдбери, был задуман как для просмотра, так и для прослушивания.

Но сценарий существовал лишь в первом варианте, и автор так и не вернулся к работе над окончательным вариантом.

Учитывая это обстоятельство, издатель Теренс МакВиккер и я решили, что лучшим способом подачи этого текста была бы книга, иллюстрированная в традициях Немого кино. Мистер Брэдбери пришел в восторг от этой идеи, и его заразительный энтузиазм на всех этапах создания этой книги воодушевлял нас на работу с полной отдачей и на преодоление, с паровозным пыхтением, трудностей, возникавших на пути осуществления этого уникального замысла.

И мы надеемся, что вы, читая эту книгу, представляли, как сидите в величественном кинодворце и листаете мерцающие страницы на отсвечивающем экране своего воображения!

Гари Джианни¹

¹ Гари Джианни — художник, который иллюстрировал книгу Р. Брэдбери «Экспресс "Нефертити-Тутанхамон!"», автор художественного оформления множества книг, в том числе Жюль Верна, Дюма, О'Генри, сборников комиксов.

Содержание

A. Оганян

Поиски хорошо забытого старого (Объяснительная записка переводчика)	5
Дилемма Холлербокена	
Краткая фантазема	11
Маятник	15
Жара — куда ни шло, а вот вла...	22
Луана животворящая	27
Сказ о Манглдомвритче	37
Флейтист	40
Я, ракета	64
И любоваться фонтанчиками	90
Вскрытие. (<i>Вернись, убийца!</i>)	95
Глава 1. Подружка Рики Вольфа	95
Глава 2. Босс Лос-Анджелеса	102
Глава 3. Оружие — это немодно.	111
Творец чудовищ	120
Зашитный механизм	145

Там, где все кончается	163
Раздражительный народец	184
Ракетное лето	205
Полный расчет	225
<i>Леонард Дуглас</i>	
Состязание в любви	236
Именная пуля	248
Механический хэппи-лэнд	258
<i>Что, почему и кому принадлежит</i>	
<i>Нетривиальные искаания</i>	268
Озадачьте меня, о, зодчие	276
Предложение	278
<i>Ахмед и машины забвения</i>	
<i>Притча</i>	285
Паломничество	313
Memento mori	317
Чума	329
Разгар лета	333
Призраки Марса	334
Джемима Трю	340
Деды были у всех	342
Колесо	354
Свадьба	355
Празднество	360

Экспресс «Нефертити — Тутанхамон» <i>Конец XIX века, закат Викторианской эпохи.</i>	
<i>Транс-Египетская железнодорожная магистраль.. . . .</i>	366
Затерянные в недрах времени <i>(Отрывки из беседы с Рэем Брэдбери у него дома)</i>	377
Прочтение фильма <i>(Гарри Джинни переделывает фильм в стоп-кадр)</i>	378

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

НЕИЗВЕСТНЫЙ БРЭДБЕРИ

Рэй Брэдбери

МЕХАНИЧЕСКИЙ ХЭППИ-ЛЭНД

Ответственный редактор *Д. Обгольц*

Младший редактор *М. Петрова*

Художественный редактор *Р. Фахрутдинов*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *М. Сиротникова*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

Jackie Niam / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортёр в Республике Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасында импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша арыз-талағтарды қабылдаушының екіні «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский кеш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамалық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы акларат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо» www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 19.10.2018. Формат 84x108^{1/32}.

Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 5 000 экз. Заказ 10270

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

В электронном виде чити издательства вы это же
купить на www.litres.ru

EKSMO.RU
НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: kmk@eksmo.ru

Оптовая торговля бумагоно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо», 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш. д. 1, а/я 5. Тел.: /факс +7(495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невской пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601. www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
Москва, ООО «Торговый Дом «Эксмо» Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Нижний Новгород, Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».

Телефон: +7 (831) 216-19-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmo-nn.ru

Санкт-Петербург, ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. Е. Телефон: +7 (812) 365-03-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург, Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбурге Адрес: 620204,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 28. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: petrova.ea@ekat.eksmo.ru

Самара, Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре.

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».

Телефон: +7(846)207-55-56. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону, Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: +7(863) 303-62-10.

Режим работы: с 9:00 до 19:00. E-mail: rostov.mag@rnd.eksmo.ru

Новосибирск, Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинационный пер., д. 3. Телефон: +(383) 289-11-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск, Обособленное подразделение в г. Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литер 5, боф. 1. Телефон: +(74212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Тюмень, Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмень.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмень.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алешевская, д. 9А (ТЦ Перестройка+).

Телефон: +(73452) 21-53-96 / 97, 98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru

Краснодар, ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. Г+. Телефон: +(861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь, ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си». Центр оптово-розничных продаж

Cash&Carry в Минске. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,

пр-т Кукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92

Режим работы: с 10:00 до 19:00. E-mail: eksmast@yandex.ru

Казахстан, РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, д. 3 А+.

Телефон: +(772) 251-59-90 (91, 92). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Украина, ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербовая, д. 17а.

Телефон: +(38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chita-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

BOOK24.RU

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
Национальная сеть книжных магазинов

ISBN 978-5-04-098540-1

9 785040 985401 >

BOOK24.RU

Этот сборник – отличное доказательство того, что мы еще не открыли все наследие Великого Мастера. О чем бы Брэдбери ни писал: о Марсе, Диком Западе, роботах или полетах в космос, – он всегда пишет о самом близком и дорогом: о детстве, памяти, фантазиях, доброте.

Впервые изданные на русском рассказы и стихотворения не только проводят контур по всей творческой биографии писателя, но и дают нам заглянуть внутрь его воображения. Менялся мир, менялись страхи, мечты и предубеждения, и Рэй Брэдбери с чуткостью художника улавливал эти изменения. Менялся мир – вместе с Брэдбери и благодаря ему.

Брэдбери – один из самых известных в России американских писателей, но при этом и один из самых нераскрытий, да-да, неизвестных авторов. Российским читателям Брэдбери еще открывать и открывать... И слава богу, переводчики и издали этому радостно способствуют.

– Независимая газета

Рэй Брэдбери – редкий пример автора, к которому испытываешь очень много чувств, с которым начинаешь дружить, а в каждом его рассказе как будто получаешь возможность пообщаться с добрым человеком.

– Горький

Брэдбери был из тех творцов, которые не просто писали книги и придумывали фантастические миры, а в огромной степени создавали нас с вами.

– Мир фантастики

ISBN 978-5-04-098540-1

9 785040 985401 >